

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

**ФГБОУ ВО
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ И УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ К.Г. РАЗУМОВСКОГО
(ПЕРВЫЙ КАЗАЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

ВЕСТНИК МГУТУ

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК:

**ИСТОРИЯ
ЖУРНАЛИСТИКА
ПЕДАГОГИКА**

2023 / № 1

МОСКВА

Учредитель научного журнала
**«Вестник Московского государственного университета
технологий и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет). Серия общественных наук»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет техноло-
гий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)»

Выходит 4 раза в год
ISSN: 2949-3846

Главная редакция

Главный редактор: *Володихин Д.М.*, доктор исторических наук, проректор по научной работе МГУТУ.
Ответственный секретарь: *Чернова А.Е.*, кандидат филологических наук, член Союза писателей России.
Редактор-корректор: *Ипатько Н.В.*, член Союза писателей России

Редакционная коллегия

Миронов А.С., доктор философских наук, ректор МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет).
Володихин Д.М., доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе МГУТУ им. К.Г. Разумовского.
Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель».
Грибкова В.А., кандидат технических наук, доцент, декан факультета пищевых технологий и биоинженерии МГУТУ им. К.Г. Разумовского.
Никифоров-Никишин А.Л., доктор биологических наук, профессор, декан факультета биотехнологий и рыбного хозяйства МГУТУ им. К.Г. Разумовского.
Хайруллин М.Ф., кандидат технических наук, доцент, и.о. декана факультета экономики и управления МГУТУ им. К.Г. Разумовского.
Юлина Г.Н., кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета социально-гуманитарных технологий МГУТУ им. К.Г. Разумовского.
Иртенина Н.В., член Союза писателей России, лауреат премии РПЦ «Новая библиотека».

Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия общественных наук. 2023. №1. 176 с.
Тираж 500 экз.

© ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», 2023

© «Снежный ком М» (ИП Штепин Д.В.), 2023

Адрес редакции: 109004 г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73,
тел. 8 (495) 915-03-40. E-mail: litsot@yandex.ru

К 70-ЛЕТИЮ МГУТУ

Наш университет и стар, и молод одновременно.

С одной стороны, в 2023 г. Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского, он же Первый казачий университет, отмечает 70-летие. В 1953 г. был основан Всесоюзный заочный институт пищевой промышленности, позднее ставший ядром нашего университета. Университет проходил одно преобразование за другим, в него вливались иные вузы, порой с давней и славной историей. В наши дни МГУТУ — вуз-гигант, притом вуз с крепкими традициями научной жизни. Особенно хотелось бы отметить научные достижения в сфере пищевых технологий, рыбного хозяйства, лингвистики. В перечисленных сферах наш университет справедливо пользуется авторитетом, за что надо благодарить преподавателей, научных сотрудников и руководителей соответствующих факультетов.

Огромную роль играют филиалы МГУТУ, разбросанные по всей европейской части России. В регионах возникают новые научные центры, постепенно повышается качество образования. Люди, работающие там, достойны не меньшего уважения, чем наша столичная профессура.

Иначе говоря, МГУТУ имеет глубокие корни, это не какой-нибудь вуз-призрак, вуз-однодневка, порожденный коммерческими поветриями 1990-х. Но помимо солидного прошлого, у МГУТУ есть отличная перспектива на будущее.

В наши дни университет активно развивается, прежде всего расширяется. Оправдывая относительно новую часть своего имени — Первый казачий университет, МГУТУ развивает учебные программы бакалавриата, предназначенные для населения казачьих регионов. Возникают новые подразделения, создается почва для новых научных школ. История и культура казачества становятся одним из важных направлений научной деятельности вуза.

Мы не стоим на месте, мы пробуем новые формы взаимодействия с учащимися, ищем новые подходы к той драгоценной части учащейся молодежи, которая становится активом общественной жизни вуза. Очень много ремонтируем, поскольку ставим задачу расширить число студентов, а они должны получать достойные условия проживания.

И вот новый журнал — «Вестник МГУТУ». Научное издание о двух сериях: гуманитарных научных дисциплин и прикладных научных дисциплин. Пока — так. Мы в первую очередь представляем те направле-

ния научной жизни университета, которые либо уже достаточно хорошо развиты, и нам не стыдно явить миру достижения наших преподавателей, либо те, которые будут способствовать развитию принципиально новых учебных программ в сфере казачьего бакалавриата. В будущем, возможно, набор направлений, представленных в журнале нашего университета, расширится. Время покажет.

Хотелось бы подчеркнуть: «Вестник МГУТУ» рождается в год 70-летия нашего вуза. А это значит: мы готовы к масштабным актам модернизации, к подпитке научной жизни вуза, по большому счету — к развитию. Поэтому, надеюсь, ближайшее время дряхлость ума и физических сил нашему университету не грозит.

*Ректор Московского государственного
университета технологий и управления
имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)*
Арсений Станиславович Миронов

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ

С.В. Алексеев

S.V. Alekseev

КАЗАКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: СЛОВО И ЯВЛЕНИЕ В XIII—XV ВВ.

COSSACKS OF THE MIDDLE AGES: WORD AND PHENOMENON IN THE XIII—XV CENTURIES.

Аннотация:

В статье дается обзор синхронных первоисточников, характеризующих значение термина «казак» и практику казакования в конце высокого — в позднее Средневековье. Хронологические рамки рассматриваемого периода: от середины или второй половины XIII в., когда понятие впервые появляется на страницах источников, до середины XV в. Рассматриваются источники, связанные своим происхождением с генуэзским Крымом, тимуридские исторические сочинения, русские летописи. Анализ содержащихся в источниках сведений позволяет прийти к заключению, что для рассматриваемого периода еще неуместно говорить о казаках как стабильной социальной группе, объединенной в казачьи «общества». Складывание вольного казачества на русской почве относится к более позднему периоду. В то же время основы служилого казачества в России закладываются уже в середине XV столетия.

Ключевые слова: казаки, казакование, казачество, служилое казачество, Золотая орда, Московское государство, Крым.

Дискуссии о ранней истории и/или предыстории казачества, носящие как научный, так и откровенно ненаучный характер, делают актуальной «инвентаризацию» источников по данной теме. Настоящая работа посвящена свидетельствам синхронных и непосредственно примыкающих по времени источников, упоминающих казаков в средневековый, в узком смысле, период — до середины XV в. Практически все они уже введены в отечественный или мировой научный оборот, хотя не все имеют полноценные публикации, и расширение круга данных — едва ли революционное — всё еще остается возможным.

Древнейшим источником, упоминающим слово «казак», традиционно считается так называемый «Тюркско-арабский словарь» египетского происхождения, до последнего времени датированный 1245 г. Здесь слово «казак», почерпнутое, как и весь лексикон, из речи мамлю-

ков-кипчаков, переведено как «аль-муджаррад»,¹ что может быть истолковано как «одинокый, голый, обделенный, свободный (от социальных обязательств), оборванец, бродяга». В последние десятилетия предложена более поздняя датировка словаря — 1343 г.,² что, однако, не исключает его из числа древнейших свидетельств о казаковании. В основном данное значение тюркского термина — «вышедший или изгнанный из своего родного общества человек» — согласуется со свидетельствами других источников и признается большинством специалистов. При этом достойно замечания, что ранее монгольского нашествия он не фиксируется ни в одном источнике.

Второе древнейшее свидетельство также находится в составе словаря — на этот раз знаменитого многоязычного «Куманского кодекса», созданного итальянскими миссионерами в 1303 г. объемного справочника по языку «татарского» (кипчакского) населения Крыма. Здесь слово «казак», использованное в словосочетании, вероятно, впервые употреблено в его «служилом» значении — «стражник».³

Именно с итальянскими колониями Крыма и Приазовья связан наибольший объем источников, содержащих термин «казак», от XIV — первой половины XV в. Они позволяют заключить, что уже, как минимум, с первых лет XIV-го, а скорее со второй половины XIII в. из разноплеменных казаков — «вольных», оторванных от своих социальных систем изгоев — создавались наемные части, использовавшиеся как для внешней, так и для внутренней охраны здешних городов. Возможно, итальянцы, нуждавшиеся вдали от метрополий в любых дополнительных силах, были здесь первопроходцами, — но скорее такая картина связана с недостатком свидетельств из других регионов ордынского мира.

Проблемы, возникавшие в связи с таким использованием нерегулярных формирований из разнородной вольницы, были достаточно стандартны. Видимо, именно с ними связано первое конкретное свидетельство о казаках — в греческом помяннике XIV—XV вв. из Солдайи (Сугдеи), оставленном на полях православного Синаксаря. Здесь под 17 мая отмечено: «В тот же день скончался раб Божий Альмальчу, сын Самака, увы, молодой человек, заколотый казаками, индикта 6 6816 г.да».⁴ Несмотря на тюркское имя и происхождение, Альмаль-

¹ Houtsma M. T. Ein türkisch-arabishes Glossar. Leiden, 1894. P. 25, 86.

² Lee J.-Y. Qazaqlıq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. Leiden, 2015. P. 21–22.

³ Codex Cumanicus Bibliothecae ad Templum Divi Marci Venetiarum. Budapestini, 1880. P. 118.

⁴ Антонин (Капустин), архимандрит. Заметки XII—XV веков, относящиеся

чу являлся православным, что для крымских городов было обычно. Вероятно, речь идет о каком-то личном конфликте. Впрочем, 1308 г. был годом нападения на генуэзский Крым золотоордынских войск, так что коллизия может быть как-то связана и с военными действиями. Строго говоря, поскольку история Сугдеи в этот период изобилует лакунами (город определенно в какой-то степени зависел от Орды до 1365 г.), нельзя однозначно утверждать, что имеются в виду именно «генуэзские» казаки. Тем не менее, именно они подразумеваются всеми остальными связанными с Крымом источниками, начиная с «Куманского кодекса».

Основной объем информации содержится в позднейших, начиная со второй половины XIV в., документах генуэзской Каффы, и прежде всего в бухгалтерских книгах колонии, массариях. Массарии сохранились за период с 1374 г. Первое упоминание в них о казаках (*cazachi*, ед. ч. *cozaso*) относится к 1381 г. Упоминания есть и в позднейших массариях до 1442 г., тогда как основной объем сведений, включая именослов этой категории лиц, относится к 1450-м гг. Казаки представляли собой легковооруженные конные отряды, использовавшиеся для охраны генуэзских колоний Причерноморья и Приазовья. Более того, казакский контингент, финансируемый из Каффы и, вероятно, присланный оттуда, находился в середине XV в. в подчиненной ей южнопонтийской колонии Самастро. Казаки являлись наемниками-иррегулярами, иногда выходили из подчинения или, как минимум, действовали сами по себе. Помимо обычной оплаты их услуг, Каффа должна была делать им и дополнительные, в том числе персональные выплаты, а также устраивать на общинный счет специальные угощения по тем или иным поводам. Имена казаков преимущественно тюркские, реже армянские, встречаются и славянские (очевидно, русские) — иными словами, они принадлежат к этносам Крыма, так или иначе дистанцированным от генуэзской элиты и греко-готского большинства. Слово «казак» являлось вполне обиходным и в XV в. уже становилось основой для имен или прозвищ, вроде Казачелло.⁵

к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: Городская типография, 1863. Т. 5. С. 613.

⁵ За отдельными исключениями (см. латинский текст массарии 1441/42 г.: Джанов А.В., Якушечкин А.В. Новые данные к биографии Хаджи-Гирея // Тюркологический сборник. 2015–2016. Тюркский мир Евразии. М., 2018. С. 78–94) массарии пока не имеют научного издания. В открытом доступе факсимиле массарий 1374, 1381 и 1424 г. представлены на сайте Исторического факультета Московского государственного университета (URL: <http://hist.msu.ru/departments/8823/projects/MC1374/>). О «казакских» сведениях массарий см.: Musso G. Russia e Genovesi del Levante nel Quattrocento.

Достаточно автономный статус и образ жизни каффских казаков хорошо характеризует устав генуэзских колоний Крыма, принятый метрополией в 1449 г. Здесь казаки сближаются до тождества с оргузиями — конной городской стражей, изначально тюркского происхождения, исполнявшей охранно-полицейские функции. Возможно, оргузии составляли в определенном смысле «элиту» казаков на службе Каффы. Устав требует: «Если случится, что будет взята какая добыча на судне казаками, оргузиями (казаками-оргузиями? — С.А.) или каффскими людьми, состоящая в вещах, скотине и волах татар, чьих бы то ни было, постановляем и повелеваем, чтобы ни консул каффский, ни сторожа городских ворот, ни чиновники каффские, ни кто-либо другой, какого бы он ни был звания, не смел и не думал брать части этой добычи или скота; напротив, таковая добыча должна быть неприкосновенна, и те, которые взяли или перехватили, имеют на нее полное право, и господин консул Каффы должен таковых казаков, оргузиев и всех перехватывающих поддерживать, давать им помощь и оказывать покровительство».⁶

Несколько менее щедры в отношении «перехватывающих» нормы в уставах подчиненных городов — Солдайи и Чембало, где добыча должна была распределяться между ними и общиной, а четверть отдаваться консулу Каффы. Характерно, что в этих случаях еще четче говорится, что в роли «перехватывающих» обычно выступали казаки.⁷

Сумма всех сведений генуэзских источников XIV — первой половины XV в. рисует казаков, с одной стороны, как наемных солдат общины, с другой — как достаточно независимых от нее и набиравшихся, судя по всему, из лиц, не имевших прочных социальных связей, в том числе из-за северной границы.

Еще одну группу ранних источников о казаках и казаковании, касающуюся на этот раз собственно территории монгольских улусов — как центральноазиатских, так и отчасти Золотой Орды, составляют тимуридские хроники XV в. Эта группа меньше по объему, но позволяет детально представить себе, как, собственно, становились казаками и что из себя представлял их образ жизни.

Note su documenti // Rassegna degli archivi di stato. A. XXV. № 2. Maggio–agosto 1965. P. 241; *Idem*. Il tramonto di Caffa Genovese // Miscellanea di storia ligure in memoria di Giorgio Falco. Genoa, 1966. P. 324; *Pistorino G.* I Gin dell'Oltremare. Genoa, 1988. P. 122–125; см. также: *Джанов А.В., Якушечкин А.В.* Новые данные к биографии Хаджи-Гирея. С. 92.

⁶ *Юргевич В.* Устав для генуэзских владений в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 758.

⁷ *Юргевич В.* Устав для генуэзских владений в Черном море... С. 785, 789.

Первое упоминание и здесь касается казаков «служилых» — вновь указывая притом на самовольность и непокорность набранного из них войска. Придворный летописец Тимуридов Шараф-ад-Дин Али Йазди в «Книге побед» (1419–1425) в связи с походом войск Тимура на правителя Моголистана Камар-ад-Дина в 1376 г. сообщает: «Казакская тысяча сбежала от царевича Умар-шайха и присоединилась к Камар ад-Дину».⁸

С «вольным» казакованием связаны сведения также писавшего в первой четверти XV в. Муин ад-Дина Натанзи, автора «Муиновского сокращения историй» (1413–1414). Его сообщения, несмотря на краткость, относятся к числу наиболее ценных, поскольку довольно ясно характеризуют образ жизни тюркских казаков конца XIV — начала XV в. и само значение термина. Натанзи говорит о Джаббар-Берди, сыне разгромленного Тимуром Тохтамыша, что он «бродил в пограничье, подобно казаку». Далее же он сообщает: «Группа людей, разбойники и казаки, присоединились к Джаббар-Берди, сыну Тохтамыша, и он тоже обрел силу...».⁹

Такую же картину, добавляя и дополнительные детали, рисуют известия Абд-ар-Раззакка Самарканди, автора летописного сочинения «Места восхода двух счастливых звезд и слияния двух морей» (1467–1471). Все его известия о казаках связаны с напряженной обстановкой на границе тимуридских владений с джучидскими (Дешт-и-Кипчак), конкретно со сложившимся к середине XV в. Узбекским ханством.

Под 844 г. х. (1440/41) Самарканди сообщает: «В этом году из Астрабада с быстротою ветра прибыл гонец и доложил, что из Дешта пришло в то государство узбекское войско и что эмир Хаджи-Юсуф-Джалиль убит. Объяснение этих слов таково: временами некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками, приходили в Мазандеран и, устроив везде грабеж, опять уходили. Счастливый хакан приказал, чтобы ежегодно несколько эмиров-темников отправлялись в Мазандеран, следили за теми пределами и зимовали в той области...».¹⁰ О таком же распоряжении Шахруха речь идет и под 851 г. х. (1447/48):

⁸ Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-намэ. Ташкент, 2008. С. 82. Вопреки мнению как комментатора данного издания, так и критикуемых им неназываемых казахстанских коллег, видеть здесь первую фиксацию этнонима «казах» нет никаких оснований.

⁹ Цит. по: Lee J.-Y. Qazaqlıq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs... Р. 27. В русском переводе известий Натанзи («Аноним Искандара») о Золотой орде, выполненном в XIX в. В.Г. Тизенгаузенем, данные фрагменты отсутствуют.

¹⁰ Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена. М., 2003. С. 381.

«Счастливым хаканом было дано высочайшее повеление, чтобы ежегодно несколько эмиров-темников зимовали в Джурджанской области и наблюдали за действиями войска дешт-и-кипчакского и казаков узбекских...»¹¹

Иная ситуация, связанная с бегством в степь тимуридского царевича, описывается под 872 г. х. (1467/68): «Мирза Султан-Хусейн некоторое время был казаком в Дешт-и-Кипчаке, а в это время направился в сторону Хорезма. Эмиры и начальники, находившиеся в этой стороне, не выдержали его нападения и обратились в бегство по пути несчастья». ¹² Стоит отметить, что «казакский» период в биографии Султан-Хусейна — широко известное историкам и писателям второй половины XV в. обстоятельство. В качестве «казака» его упоминает целый ряд других авторов, в том числе его везир и придворный поэт, классик тюркской литературы Алишер Навои.¹³

Таким образом, в тимуридских источниках казакование предстает как состояние временное и часто индивидуальное. Становились казаками, с одной стороны, изгнанники либо военные отряды, самовольно, отдельно от своего юрта выступавшие в набеги на сопредельные земли. С другой стороны, казаками именовались и вольнонаемные воины, составлявшие особые подразделения, подобные генуэзским, — такова «казакская тысяча» у Тимура. Знатные изгои, включая царевичей, в борьбе против своих политических противников могли «казаковать» и собирать из бродячего люда целые войска — с единственной целью перестать самим быть казаками.

Первое упоминание термина в русских источниках довольно загадочно, поскольку относится к северу Руси и к представителю социальной элиты. Под 1397 г. Новгородская первая летопись младшего извода отмечает: «В тот же год приехали послы псковские в Великий Новгород: князь Григорий Остафьевич <...> Филипп Козачкович». ¹⁴ Позднее у сына Филиппа, псковского боярина, отчество (?) отца Козачкович превращается в родовое имя. Конкретное происхождение этого патронима совершенно неясно. Но он явно свидетельствует о том, что слово во второй половине XIV в. прочно вошло из тюркских наречий в живой русский

¹¹ Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 382.

¹² Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII—XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.-Л.: АН СССР, 1939. С. 535.

¹³ См.: Lee J.-Y. Qazaqlıq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs... Р. 28–29.

¹⁴ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 388. Перевод с древнерусского языка здесь и далее мой.

язык, давало диалектные формы («козак»), производные и личные прозвания уже от этих производных.

Первые упоминания о казаках как таковых в русских летописных памятниках относятся к событиям середины 1440-х гг. Наиболее широко известно первое упоминание о русских казаках (во всяком случае, казаках на службе русского княжества), содержащееся под 1444 г. в Никоновской летописи. Относительно описываемых событий созданный в начале 1520-х гг. Никоновский летописный свод — памятник довольно поздний, к тому же при описании прошлого во многих отношениях близкий литературной историографии раннего Нового времени. Однако в данном случае ему можно довериться. Речь идет о событиях в Рязанской земле, а Никоновская летопись создавалась под руководством митрополита Даниила Рязанца, с чем связан вообще особый интерес памятника к местной истории. Относительно же середины XV в. Даниил мог черпать сведения из местной устной традиции или даже устно-исторических воспоминаний, слышанных в юности, — если не из неизвестных нам письменных источников.

В Никоновской летописи под указанным годом содержится подробный рассказ о разгроме московским войском казанского царевича Мустафы, проводившего накануне зиму в Рязани и изгнанного оттуда. Сам эпизод с поражением и гибелью Мустафы кратко упоминается и в более ранних источниках. Никоновская же летопись среди прочего сообщает: «А царевич Мустафа был тогда в Рязани... рязанцы же выслали его из града... А с Москвы воеводы великого князя Василия Васильевича пришли на него и сошлись на речке Листани. Татары же совсем исхудали и замерзли... И пришли на них мордва на ртах [лыжах] с сулицами, рогатинами и саблями; а казаки рязанские также на ртах с сулицами, и с рогатинами, и с саблями с другой стороны...».¹⁵

Как единственному для первой половины XV в. свидетельству такого рода, сообщению «Повести о Мустафе» посвящена обширная и не только научная литература. По контексту можно заключить, что речь идет о легковооруженных военных отрядах на службе Рязанского княжества. Принципы формирования их — из наемных охотчих людей, покинувших свою социальную среду, — вряд ли сильно отличались от принятых в генуэзских колониях или в Центральной Азии. По характеру вооружения, передвижения и пешему бою можно заключить, что этнически рязанские казаки действительно были в основном или целиком русского происхождения — хотя различие их с мордвой скорее социальное, чем чисто этническое. Вообще, вся короткая «Повесть о Мустафе» в летописи

¹⁵ ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 62.

построена на противопоставлении русских и мордвы неприспособленным к выживанию и войне в суровую зиму татарам.

С той же московско-казанской войной, окончившейся уже в 1445 г. пленением Василия II, связано известие в начале статьи этого года в Ермолинской летописи. В нем речь идет о казаках уже с татарской стороны, хотя и не собственно татарах: «Той же весной царь Махмет и сын его Мамутяк послали в Черкасы за людьми, и пришли к ним две тысячи казаков и, пойдя, взяли Лух без слова царева, и привели полона много и богатство».¹⁶ «Черкасы» — стандартное в Ермолинской летописи (и других источниках XIV—XV вв.) обозначение адыго-черкесских племен; связывать это известие напрямую с позднейшим обозначением запорожцев ни малейших оснований нет. Черкесские казаки в Ермолинской летописи действуют вполне типично для становящихся казаками людей, отделившихся от своего рода-племени ради военного предприятия. Собственно, тут мы видим и возможный путь появления подразделений вроде «казакской тысячи», и возникавшие в связи с их самовольным поведением проблемы. Впрочем, в данном случае казакующие не перешли на другую сторону и не нанесли прямого вреда нанимателю, а просто стали действовать сами по себе, «без слова царева» и в своих интересах.

Не позднее чем в середине XV в., вероятно, начали использовать казаков на службе московские великие князья. Самое раннее сообщение об этом находится в официальном Московском летописном своде времен Ивана III под 1468 г., вновь в связи с военными действиями против Казанского ханства: «Той же весной по Великом дне князь великий многих детей боярских, двор свой, послал на Каму воевать места казанские, с Москвы к Галичу Руна с казаками...».¹⁷ Поскольку казаков возглавляет известный с 1440-х гг. московский воевода Иван Дмитриевич Руно, и казаки, по букве известия, базируются в Москве, то речь, очевидно, идет уже о более или менее постоянном служилом формировании.

Обзор источников о раннем «казачестве», а точнее, казачковании позволяет сделать следующие заключения:

1. Применительно к казакам до середины XV в. речь может идти о слове и явлении, возникшем на почве степного общества, но не о социально-этнической группе, известной в позднейший период.
2. Все конкретные упоминания казачкования XIV — середины XV в. указывают на него как на временное или служебное состояние.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004. С. 151.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 280.

3. Казакование было довольно частым явлением в золотоордынскую эпоху, и его распространение по ордынской периферии могло быть связано с хаотизацией прежней степной этнополитической жизни еще в эпоху монгольских завоеваний.
4. Уже с XIV в. практика и понятие казакования отмечены у различных этносов Восточной Европы и Центральной Азии — как у тюрков и монголов, так и у русских, адыгов, крымских армян.
5. Никаких следов постоянного или длительного существования вольных «казачьих обществ» ранее середины XV в. или конкретного объяснения механизмов их формирования синхронные источники не содержат.
6. Напротив, существование служилых казаков как более или менее постоянного института к середине XV в. отмечено, в том числе и на Руси.
7. В служилых казаках Московского государства середины XV в. естественно видеть прямых предшественников позднейшего служилого казачества, но складывание русского вольного казачества следует относить к более позднему времени.

Список литературы

1. Антонин (*Капустин*), архимандрит. Заметки XII—XV веков, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синакаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 595–628.
2. Джанов А.В., Якушечкин А.В. Новые данные к биографии Хаджи-Гирея // Тюркологический сборник. 2015–2016. Тюркский мир Евразии. М., 2018. С. 57–100.
3. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена. М., 2003.
4. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII—XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.-Л.: АН СССР, 1939.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004.

8. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004.
9. *Шараф ад-Дин Али Йазди*. Зафар-намэ. Ташкент, 2008.
10. *Юргевич В.* Устав для генуэзских владений в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 629–837.
11. *Codex Cumanicus Bibliothecae ad Templum Divi Marci Venetiarum*. Budapestini, 1880.
12. *Houtsma M.T.* Ein türkisch-arabishes Glossar. Leiden, 1894.
13. *Lee J.-Y.* Qazaqlıq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. Leiden, 2015.
14. *Musso G.* Il tramonto di Caffa Genovese // Miscellanea di storia ligure in memoria di Giorgio Falco. Genoa, 1966. P. 311–339.
15. *Musso G.* Russia e Genovesi del Levante nel Quattrocento. Note su documenti // Rassegna degli archivi di stato. A. XXV. № 2. Maggio—agosto 1965. P. 227–244.
16. *Pistorino G.* I Gin dell'Oltremare. Genoa, 1988.

Сведения об авторе

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель». *ipo1972@mail.ru*

К.Э. Аксаныян
K.E. Aksanyan

«И ВОРЫ КАЗАКИ В БОЯРАКЕ СИДЕЛИ ДВА ДНИ». К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ СРАЖЕНИЯ НА РЕКЕ ВОСЬМЕ «AND THE COSSACK THIEVES SAT IN THE GULLY FOR TWO DAYS». ON THE QUESTION OF THE RECONSTRUCTION OF THE BATTLE ON THE RIVER VOSMA

Аннотация:

В статье анализируется маршрут движения войск И.И. Болотникова к сражению на реке Восьме. Выявлены причины расхождения в источниках мотивов, толкнувших восставших к походу на Каширу. Сделан вывод, что этот поход был вызван известием о начале «государева похода», а смена маршрута обусловлена тем, что царь Василий Шуйский успел достичь Серпухова быстрее войска Болотникова. На основе современного подсчета численности рязанской служилой корпорации выдвигается предположение о численности царской армии в битве на Восьме.

Ставится под сомнение гипотеза И.И. Смирнова о расположении оборонительных позиций царской армии на южном берегу реки и пребывании рязанских отрядов на северном берегу. Оспаривается проведенная Е.А. Разиным локализация сражения в месте впадения Восьмы в Беспуту, а также его мнение о параллельном расположении оврага, сыгравшего ключевую роль в сражении. Выдвигается гипотеза о том, что оборонительные позиции царской армии находились на северном берегу реки. Сделано предположение, что неточности в известиях К. Буссова о сражении вызваны получением информации из вторых и третьих рук и являются отражением слухов, которые дошли до Калуги спустя значительное время после сражения.

Ключевые слова: битва на реке Восьме, военная история, Смута, восстание И.И. Болотникова, князь А.А. Телятевский, князь А.В. Голицын, К. Буссов.

Восстание под предводительством И.И. Болотникова, вне всякого сомнения, один из самых популярных сюжетов в истории Смуты. Едва придя к власти, знатнейший Рюрикович, «принц крови»¹⁸ В.И. Шуйский столкнулся с мощнейшим мятежом, охватившим южные уезды страны. Интрига вновь привела к тому, что многие города переходили на сторону восставших, а царские войска, будто находясь в оцепенении и растерянности, не могли остановить пожар бунта, который докатился в конце концов до столицы и вылился в ее осаду.

Восстание многократно исследовалось и, что неудивительно, пользовалось неизменным вниманием историков советской эпохи. В результате основное внимание уделялось социальным аспектам мятежа, роли в восстании представителей дворянства, осаде Москвы осенью 1606 г. Несмотря на столь пристальный интерес к этой теме, некоторые сражения периода борьбы с Болотниковым изучены относительно слабо. К таким лакунам относится эпизод битвы на реке Восьме в июне 1607 г., которая стала одним из поворотных моментов в истории бунта и Смуты в целом. Это было крупное полевое сражение, после поражения в котором мятежники окончательно утратили наступательный потенциал, потеряв, по выражению Р.Г. Скрынникова, «цвет повстанческой армии».¹⁹ Между тем с точки зрения военной истории это сражение следует признать недостаточно изученным. Даже в классической рабо-

¹⁸ Такое описание роли Шуйских при государевом дворе вошло в обиход с легкой руки А.А. Абрамовича. *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и русский трон. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 72.

¹⁹ *Скрынников Р.Г.* Василий Шуйский. М.: АСТ, 2002. С. 234.

те С.Ф. Платонова ему уделено всего два предложения.²⁰ В современной специальной работе по военной истории Смуты О.А. Курбатова битва просто упоминается, а в работе В.А. Волкова ей посвящен один абзац.²¹ Наиболее серьезная попытка реконструкции хода битвы была предпринята И.И. Смирновым в его классическом труде по движению болотниковцев.²² Эта реконструкция использовалась во многих других работах, посвященных Смутному времени и военной истории Смуты.²³ Например, именно на нее опирался И.А. Разин в своей работе, посвященной истории военного искусства, в которой он опубликовал отрисованную им предполагаемую схему битвы.²⁴ И.И. Смирнов выделил две фазы сражения, выдвинул гипотезу о месторасположении царского войска во время битвы на правом берегу реки Восьмы, реконструировал ход боя. Среди вопросов, которые особенно интересовали исследователя, следует отметить проблему расхождения источников в оценке числа пленных, а также вопрос об отождествлении князя А.А. Телятевского и «воеводы Теллетина» (ein Woewoda Telletin genant), который, по словам К. Буссова, в разгар сражения перешел на сторону восставших с четырехтысячным отрядом.²⁵ И.И. Смирнов пришел к выводу о том, что имел место переход части восставших на сторону царских войск, что и отразилось в различной оценке источниками числа пленных, так как официальная царская реляция записала в число пленных всех комбатантов, перешедших на сторону царя, но при этом князь А.А. Телятевский остался верен делу восставших и бежал с поля боя. Р.Г. Скрынников согласился с основными выводами И.И. Смирнова и привел дополнительные аргументы в пользу его точки зрения о причинах расхождения в источниках числа плененных мятежников.²⁶ При этом Руслан Григорьевич справедливо поставил под сомнение данные нарративных источников о численно-

²⁰ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М.: «Памятники исторической мысли», 1995., С. 221.

²¹ Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: «Квадрига», 2014., С. 56; Волков В.А. Русская рать. Испытание смутой. Мятежи и битвы начала XVII столетия. М.: «Прометей». 2017. С. 76.

²² Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607 г.. М.: Госполитиздат, 1951. С. 438–443.

²³ Абанин А.В. Князь А.А. Телятевский: роль личности в восстании И.И. Болотникова в Смутное время // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. Вып. 4 (31). С. 34.

²⁴ Разин Е.А. История военного искусства XVI—XVII вв. СПб.: «Полигон», 1999. С. 119–122.

²⁵ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.-Л.: АН СССР, 1961. С. 144.

²⁶ Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: «Наука», 1988. С. 211–215.

сти войск восставших, но филигранно обошел вопрос о месторасположении царской армии перед битвой, заметив, что сражение произошло на обоих берегах реки Восьмы. В.Н. Козляков, поддержав версию Смирнова «о пленных», тоже обошел стороной вопрос о позициях царской армии перед началом сражения.²⁷ Таким образом, следует признать, что в литературе сложился консенсус по вопросу о переходе части войск восставших на сторону царских сил. Однако другие аспекты сражения получили в литературе недостаточное освещение и будут рассмотрены в настоящей статье. Это прежде всего вопрос о причинах выступления войска Болотникова из Тулы и маршруте его движения к Кашире, а также вопросы о численности царских войск, месторасположении царской армии в сражении и о причине появления версии предательства князя А.А. Телятевского.

Кратко обрисует предысторию. После победы у Коломенского и снятия осады столицы в декабре 1606 г. царские войска перешли в контрнаступление. Войско Болотникова оказалось осаждено в Калуге, которую, однако, царские войска захватить так и не смогли, простояв под стенами города более пяти месяцев. В это время с переменным успехом шла борьба за контроль над городами и территориями в бассейне реки Оки. В сражениях на р. Вырке и под Серебряными прудами удача сопутствовала царским войскам, а в битвах под Дедиловым — восставшим. Попытка царского войска во главе с князем И.М. Воротынским осадить один из двух ключевых центров мятежа, Тулу, закончилась поражением. Это позволило князю А.А. Телятевскому перейти в контрнаступление и разбить царское войско в сражении на реке Пчельне, что вызвало кризис в лагере царской армии, осаждавшей Калугу, и привело к снятию осады города. В результате в середине мая «линия фронта» пролегла по линии рек Протва и Ока: царские войска отступили в Боровск и, преимущественно, в Серпухов. Третьим местом сосредоточения царских войск была Кашира. Восставшие же контролировали Тулу и города, лежащие ниже по течению Оки: Алексин и Калугу. В этой обстановке, которую можно охарактеризовать как критическую, 21 мая 1607 г. государь лично возглавил поход на изменников, отправившись в Серпухов и привлекая в свое войско максимум наличествующих сил.²⁸

²⁷ Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М.: «Омега», 2007. С. 217–219.

²⁸ Имеются глухие известия о нежелании царя отправляться в поход и о циркулирующих в этот период слухах о съездах в Москве с целью избрания нового царя. Вне сомнений, положение Василия Шуйского на престоле в тот момент оставляло желать лучшего. *Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2013. С. 106.

После снятия осады с Калуги Болотников увел свое войско в Тулу на соединение с силами «царевича» Лжепетра, оставив в Калуге гарнизон под командованием А. Вандтмана.²⁹ После соединения основных сил в Туле предводители восстания в крайне сжатые сроки приняли решение о начале нового похода. Точные датировки затруднительны, однако войска Болотникова никак не могли прибыть в Тулу ранее 8 мая.³⁰ Таким образом, армия Болотникова находилась в городе около двух-трех недель, на которые пришлось принятие решения о направлении нового похода и его подготовке. Не вызывает сомнений, что конечной целью мятежников была Москва, о чем говорит и наличие «наряда» (артиллерии) в войске и солидарность источников по этому поводу.³¹

Однако уже И.И. Смирнов считал, что источники содержат две противоречивые версии о мотивах, побудивших восставших начать этот поход, о планируемом маршруте и о причинах, заставивших их повернуть. Согласно донесению каширского воеводы князя Голицына, пересказанному в царской грамоте митрополита Филарета, изначально целью болотниковцев был Серпухов. После же получения известий о прибытии в Серпухов государя, они изменили направление движения и повернули на Каширу «для осады».³² Вторая версия базируется на известиях «Сказания» Тихомирова. Согласно этой версии, движение восставших на столицу «иным путем» (т. е. не через Серпухов. — К.А.) с целью присвоить «домы вельмож, коиждо себе» началось уже после получения известий о прибытии царя с войском в Серпухов.³³ И.И. Смирнов отдал предпочтение версии «Сказания», опираясь на свои хронологические и логические наблюдения. Согласно его подсчетам, войско восставших должно было покинуть Тулу в самом начале

²⁹ Скобелкин О.В. Испытание на лояльность: иноземцы и московские власти в эпоху Смуты // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 265.

³⁰ Битва на Пчельне состоялась 3 мая, а 9 мая в воротах столицы были поставлены головы и дьяки для записи «разбежавшихся из-под Калуги». Принимая во внимание, что расстояние от Калуги до Тулы меньше, чем до Москвы, можно предполагать возможным прибытие войск Болотникова в Тулу на день раньше 9 мая. Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 293.

³¹ Тихомиров М.Н. Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторический архив. Т. VI. М.-Л., 1951. С. 120; ААЭ. Т. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. С. 166.

³² ААЭ. Т. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. С. 166. В XIX в. И.Ф. Афремов без ссылки на источник указывал местом поворота армии князя Телятевского село Заводы. Афремов И.Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. Ч. I. М.: Тип. В. Готье, 1850. С. 159.

³³ Тихомиров М.Н. Новый источник по истории восстания Болотникова. С. 120.

июня, так как битва на р. Восьме состоялась 5 июня. А к этому моменту в Туле уже должны были знать о прибытии в Серпухов Василия Шуйского, который, выступив 21 мая, должен был «очень скоро дойти до Серпухова».³⁴ Логическое объяснение И.И. Смирнова базируется на предположении, что столица осталась слабозащищенной и именно это спровоцировало начало похода мятежников, а поворот на Каширу был вызван соображениями тактического порядка — стремлением «обойти» основные силы Шуйского. На наш взгляд, эта конструкция несколько искусственна. Во-первых, непонятно, почему в таком случае войско князя А.А. Телятевского делало поворот и не двинулось сразу на Каширу. Во-вторых, гипотеза о слабой защищенности столицы, окруженной тремя кольцами стен, при условии нахождения царского войска в Серпухове, представляется сомнительной. Добавим, что летописные источники называют целью похода восставших Каширу и не упоминают смену маршрута.³⁵ Отдельно следует отметить известия К. Буссова, который сообщает, что Шуйский «собрал своих разбежавшихся людей и послал их под Серпухов... Когда лазутчики сообщили об этом, князь Петр, князь Шаховской и Иван Болотников собрались и отправились навстречу неприятелю». Однако, следует заметить, что и битву на р. Восьме Буссов называет битвой «под Серпуховом».³⁶ Вопрос о достоверности известий Буссова относительно сражения будет рассмотрен ниже.

На наш взгляд, эта «загадка» может быть разрешена следующим образом. После того как вести о начале царского похода достигли Тулы, лидеры восстания поняли, что инициатива переходит на сторону царя. В этих условиях они приняли решение идти на Серпухов и попытаться нанести удар по находившимся в городе войскам князей Ф.И. Мстиславского и И.И. Шуйского до подхода основных сил царя, разбив противника по частям и сорвав государев поход. В дороге князь А.А. Телятевский и Болотников получили известие о прибытии в Серпухов царя и приняли решение изменить направление похода, нанеся удар по Кашире. Можно вполне согласиться с мнением Р.Г. Скрынникова, что это свидетельствовало о стремлении восставших разбить царскую армию по частям³⁷. Добавим, что захват Каширы позволял вбить клин между Серпуховом и Рязанщиной, находившимися под контролем царя Василия Шуйского.

³⁴ Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607 г. С. 438–439.

³⁵ Новый летописец // ПСРЛ. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. С. 75; Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М.: «Наука», 1978. С. 246; Из «Карамзинского хронографа» // Восстание И. Болотникова. Документы и материалы, М.: Соцэкгиз, 1959. С. 115.

³⁶ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. С. 144.

³⁷ Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 212.

Учитывая непрочность царской власти на Рязанщине, это могло вызвать утрату монархом контроля над ней, что резко бы осложнило его положение. Большая часть боеспособных рязанцев находилась в Кашире, а Михайлов и Пронск, а также, возможно, Ряжск все еще были под контролем восставших³⁸. Эта версия вполне соответствует донесению князя Голицына — хронологически наиболее близкому к происходившим событиям, согласуется она и с известиями Буссова о том, что первоначальной целью похода был Серпухов, и вызван он был слухами о посылке царских войск, но не о прибытии самого царя. А его версия о первоначальном участии в походе всех вожakov восстания может быть объяснена тем, что Лжепетр и князь Шаховской вернулись в Тулу после принятия решения о смене направления похода восставших. В «Сказании» же Тихомирова слились в одно два близких по хронологии события: получение известия о начале похода царя, спровоцировавшее выступление восставших на Серпухов, и смена маршрута под влиянием изменившейся обстановки.

Относительно численности войск восставших источники приводят цифры, которые представляются далекими от реальности. Войско состояло из представителей «многих северских городов», а также заречных, донских и вольных казаков. «Карамзинский хронограф» добавляет к этому списку терских казаков, ельчан и отряд из Путивля и оценивает численность войска в 30 тысяч человек. Оценка Пискаревского летописца — 40 тысяч воровских людей. «Казанского сказания» — 38 тысяч. На наш взгляд, единодушие источников в данном вопросе не должно вводить в заблуждение.³⁹ Учитывая «традицию» нарративных источников к завышению численности войск и потери, понесенные восставшими в ходе боев зимы 1606/07 г., а также тот факт, что в Туле остались значительные силы мятежников, можно предполагать, что полевое войско болотниковцев было заметно меньше. Перечисляя предводителей войска бунтовщиков, летописцы и разряды записывают князя А.А. Телятевского впереди И.И. Болотникова: это дало Р.Г. Скрынникову основания предположить, что Болотников вынужден был уступить тут свое первенство своему бывшему господину.⁴⁰ Между тем, как нам кажется,

³⁸ Кирпичников И.А. Рязанская служилая элита в конце XV — первой трети XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021. С. 409, 412, 419. [Электронный ресурс]: <https://istina.fnkrr.ru/dissertations/370877366/> Известия о переходе Ряжска на сторону царя датируются концом июня, однако вполне вероятно, что в конце мая, когда войско восставших двинулось от Тулы, он все еще не контролировался центральной властью.

³⁹ Из «Карамзинского хронографа» // Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. С. 115.; Тихомиров М.Н. Новый источник по истории восстания Болотникова. С. 120; Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М.: «Наука», 1978. С. 215.

⁴⁰ При этом только в одном из списков разрядов за Смутное время участие И.И. Болотникова в битве вообще упоминается. Остальные разряды называют пред-

источники здесь отразили именно «правильный» с точки зрения местнической логики порядок перечисления. Но это отнюдь не означает, что князь А.А. Телятевский в действительности осуществлял верховное командование войском. К. Буссов, например, вообще не упоминает его среди вождей восстания, отправившихся в поход на Серпухов.⁴¹ Добавим, что, по наблюдению В.Г. Вовиной-Лебедевой, известия «Нового летописца» о предводительстве князя Телятевского над отрядами составших в сражении на Пчельне носят характер заготовки и вставки,⁴² и, по нашим предположениям, то же самое может относиться к сообщениям о руководстве князя Телятевского сражением на реке Восьме.

Очертим командный состав царской армии, участвовавшей в сражении на Восьме. Не вызывает сомнений, что Большой полк возглавлял боярин князь А.В. Голицын. Однако разряды расходятся в определении фигуры второго воеводы, в качестве которого называются Г.Г. Пушкин и князь Б.М. Лыков. Неясным остается, был ли князь Б.М. Лыков воеводой, к которому «сходились» рязанцы, или являлся одним из «сходных» воевод.⁴³ На наш взгляд, это разночтение объясняется следующим образом. До подхода одного из двух отрядов рязанских служилых людей во главе с князем Б.М. Лыковым вторым воеводой Большого полка был Г.Г. Пушкин, которого позднее «подвинул» куда более знатный князь Лыков, а руководство рязанцами осталось за Ф.Ю. Булгаковым-Денисьевым и П. Ляпуновым.⁴⁴ Аргументация И.А. Кирпичникова, что разряды ошибочно указывают Г.Ф. Сунбулова в качестве второго воеводы рязанцев, представляется убедительной.⁴⁵

водителем войска только князя А.А. Телятевского. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 г.). М.: Имп. общество истории и древностей российских при Моск. ун-те., 1907. С. 45, 143, 157, 206, 214, 217; Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 211, 212.

⁴¹ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. С. 144.

⁴² Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец. История текста. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 2004. С. 349.

⁴³ Как заметил И.А. Кирпичников, эта путаница связана с тем, что, вероятно, отряды рязанской служилой корпорации прибыли в Каширу в два этапа, и, возможно, один из отрядов возглавлял князь Б.М. Лыков. Кирпичников И.А. Рязанская элита в конце XV — первой трети XVII века. С. 412, 413.

⁴⁴ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 г.). С. 45, 91, 143, 157, 185, 214. Что касается известий некоторых разрядов, что «Ф.Ю. Булгаков-Денисьев в съезд не ездил для боярина князя Б.М. Лыкова», на наш взгляд, они отражают тот факт, что рязанцы присоединились к каширскому войску двумя отрядами, одной из причин чего мог стать конфликт между воеводами.

⁴⁵ Кирпичников И.А. Рязанская элита в конце XV — первой трети XVII века. С. 413.

Оценить размеры царского войска значительно тяжелее. По мнению И.А. Кирпичникова, к князю А.В. Голицыну присоединились почти все боеспособные рязанцы, при этом 800 «лучших» людей и 300 татар составляли половину наличных рязанских сил. Принимая во внимание эти цифры, можно приблизительно оценить контингент рязанцев в 2 тысячи человек. Известно, что царь, понимая опасность, возникающую в случае поражения войска князя А.В. Голицына, отправил к Кашире «вельмож своих». ⁴⁶ Это было неизвестное нам число «голов с сотнями». ⁴⁷ «Бельский летописец» сообщает, что войско князя Голицына состояло и из конных, и из пеших и включало наряд. ⁴⁸ Известно также, что в войске находились новгородцы. ⁴⁹ Исходя из того, что рязанцы сыграли в битве важную роль и составляли заметную часть войска, а также из общего количества воевод, мы можем ориентировочно оценить численность царской армии, принявшей участие в сражении на Восьме, в диапазоне между 5 и 10 тысячами человек.

Итак, битва состоялась на небольшой реке Восьме 5 июня 1607 г. примерно в 20 км от Каширы. ⁵⁰ И.И. Смирнов аккуратно предположил, что место сражения находилось «где-то недалеко от места впадения Восьмы в Беспуту». Подобное предположение базируется на двух известиях. Разряды содержат формулировку «на речке Восьме, что впадала в Беспуту», а «Карамзинский хронограф» сообщает, что князь А.В. Голицын «стоял на речке Безпуте, ждал тех воров». ⁵¹ Опираясь на это и, по нашему мнению, на топографическую карту местности, Е.А. Разин в своей реконструкции также локализовал битву в месте впадения реки Восьмы в реку Беспуту — по версии исследователя, она прикрывала фланги противостоящих армий. ⁵² Эта устоявшаяся традиция привела к тому, что в 2007 г. на другом берегу реки Беспуты у дороги был поставлен памятный знак в честь восьминской битвы. Между тем формулировка разрядов говорит скорее о стремлении пояснить местонахождение маленькой речушки Восьмы, чем о месте сражения. А формулировка «Карамзинского хронографа» указывает на то, что войско князя Голицына останавливалось на Беспуте, но никак не локализует само сражение

⁴⁶ Тихомиров М.Н. Новый источник по истории восстания Болотникова. С. 120.

⁴⁷ ААЭ. Т. 2. С. 166.

⁴⁸ Бельский летописец. С. 246.

⁴⁹ Челобитные доносят имена как минимум двух новгородских помещиков, убитых в сражении. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608. М.: «Наука», 2003. С. 241, 271.

⁵⁰ «За 20 верст Коширы на реке на Восме». Бельский летописец. С. 246.

⁵¹ Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время (7113–7121 г.). С. 143; Из «Карамзинского хронографа». С. 115.

⁵² Разин Е.А. История военного искусства XVI—XVII в. С. 121.

в месте впадения Восьмы в Беспуту. Это, разумеется, не значит, что сражение не могло произойти в устье Восьмы, однако, на наш взгляд, вопрос о точной локализации сражения требует дальнейших исследований и археологических изысканий.⁵³

Битва проходила при нормальном освещении — сражение длилось «с утра с первова часу до пятова», т. е. между пятью и десятью утра.⁵⁴

В основу реконструкции И.И. Смирнова легли, прежде всего, известия «Карамзинского хронографа». Имеет смысл полностью их процитировать: «...и об речке сотнем с воры был бой с утра с первова часу до пятова, и воров казаков пеших с вогненным боем перешли за речку в боярак тысяча семьсот человек, а подле боярака стояли с резанцы Федор Булгаков да Прокофей Ляпун. И воровские казаки из боярака из ружья стреляли по резанцом и людей ранили, и самих и лошадей побивали, и прося у Бога милости, резанцы, покиня тех воров, назад скочили всем полком к речке к Восме и сотнями, которые с воры билися, напустили единомышленно за речку за Восму на воров, и воры не устояли, побежали, а боярские полки, видя, что воры побежали, полками напустили ж и воров в погоне безчислено побили и живых поймали, а гоняли за ними тридцать верст».⁵⁵

Опираясь на эти известия, И.И. Смирнов пришел к выводу, что перед сражением царское войско заняло правый, южный, берег реки Восьмы, «оставив за Восьмой лишь часть рязанцев (в качестве резерва?)». Во время сражения 1700 казаков прорвались через царское войско, перешли реку, заняли примыкающий овраг, и начали оттуда обстреливать рязанцев, которые стояли рядом. Рязанцы же обошли буерак, оставив казаков в тылу, бросились за Восьме, перешли ее, присоединились к основной царской армии и вместе с нею перешли в контратаку.⁵⁶

Эта реконструкция легла в основу плана Е.А. Разина. Исследователь, вероятно, сопоставил гипотезу И.И. Смирнова с топографической картой местности, на которой в месте впадения Восьмы в Беспуту есть овраг длиной около одного километра, идущий параллельно Восьме на ее северном берегу. В результате по плану Е.А. Разина сражение произошло на узком фронте протяженностью менее 1,5 км, а отряд рязанцев находился за оврагом, в котором позднее засели казаки. Казаки, проправившиеся сквозь строй царской армии, переправились через Восьму, поднялись по склону на возвышенность, спустились в овраг и оттуда

⁵³ А.В. Шеков подтвердил автору этих строк, что археологические работы в месте впадения Восьмы в Беспуту не проводились.

⁵⁴ Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 212.

⁵⁵ Из «Карамзинского хронографа». С. 115.

⁵⁶ Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607 г. С. 442.

принялись обстреливать рязанцев. Рязанцы, в свою очередь, двинулись на помощь царскому войску, причем по пути им необходимо было спуститься и подняться по склонам упомянутого оврага. Кроме того, в своем плане Е.А. Разин поместил переметнувшийся на сторону царской армии отряд на левом фланге армии восставших, хотя источники этого не упоминают.⁵⁷

Ни вариант реконструкции И.И. Смирнова, ни план Е.А. Разина не подтверждается источниками. В них нет указания на разделение царской армии на столь отдаленные друг от друга отряды, не сообщают они и о ее расположении на южном берегу Восьмы. Более того, решительно непонятно, с какой целью основная царская армия могла переправиться через Восьму, оставляя у себя за спиной и водную преграду, и резерв за рекой, которая хоть и мелка и проходима, однако представляет собой препятствие.

На наш взгляд, картина битвы у р. Восьмы была куда проще и, можно сказать, типичнее. Царское войско полностью располагалось на левом, более крутом северном берегу реки и занимало оборонительную позицию. Войско восставших, обладая численным превосходством, попыталось атаковать царскую армию через мелкую реку, и бой завязался на северном берегу Восьмы. Армии Шуйского удалось сдержать атаку мятежников в оборонительной позиции, но на одном фланге казаки смогли закрепиться на левом берегу реки, заняв овраг.⁵⁸ Можно предполагать, что этот овраг располагался не параллельно реке, а перпендикулярно примыкал к ней. Возможно, это был один из оврагов, лежащих к западу от современного Иваньковского соснового бора на реке Восьме. Оттуда они смогли вести огонь во фланг рязанцам, «стоявшим подле боярака» и, вероятно, вынужденным несколько отступить под огнем казаков, «покиня тех воров». Однако, засев в овраге, пешие казаки не имели непосредственной связи с остальным войском болотниковцев. В этих условиях конные рязанцы перегруппировались и пришли на помощь основной массе царских войск, удерживавших другую часть сил мятежников на рубеже реки: «назад скочили всем полком к речке». Совместными силами они смогли перейти в контратаку, отбросив болотниковцев за реку: «и сотнями, которые с воры билися». Этот критический момент боя нашел отражение в «Новом летописце», описывающем личную роль воевод,

⁵⁷ Разин Е.А. История военного искусства XVI—XVII вв. С. 121.

⁵⁸ Вероятно, этот момент отразился в словах летописца «начали воры московских людей осиливать» и в мнении Буссова о том, что «московиты потеряли бы поле сражения». Новый летописец // ПСРЛ. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. С. 75; Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. С. 144.

уговоривших служилых людей пойти в атаку и возглавивших ее.⁵⁹ Царское войско отбросило противника за реку, не давая отступавшим восстановить порядок и построиться совместно с отрядом, который, видимо, оставался на правом берегу Восьмы и еще не успел переправиться через реку и ввязаться в сражение. Атака оказалась успешной, и большая часть войска мятежников, не выдержав удара, пустилась в бегство: «напустили единомышленно за речку за Восму на воров, и воры не устояли, побежали, а боярские полки, видя, что воры побежали, полками напустили ж».

Приведенная нами гипотеза соотносится не только с данными «Карамзинского хронографа» и других источников, но и с общей логикой оборонительной стратегии, которой придерживалась царская армия в начале сражения.

Беспорядочное бегство мятежников позволило царским воеводам нанести им сокрушительное поражение, захватить и наряд, и набаты, и знамена, и коши (обозы).⁶⁰ Что касается засевшего в овраге отряда казаков, то он имел мало шансов на удачный для себя исход дела. Заметим, что источники акцентируют внимание именно на овраге и грамотном использовании мятежниками местности, которое, по-видимому, произвело впечатление на участников сражения с царской стороны. Еще Р. Г. Скрынников предположил, что известие «Карамзинского хронографа» о численности отряда в 1700 человек базируется на известиях разрядов о количестве пленных, а реальная его численность могла быть другой.⁶¹ После попыток уговорить казаков сдаться 7 июня царские войска пошли на приступ оврага и «взяли его взятием», когда у противника закончился порох.

Остается вопрос о предательстве своих одного отряда болотниковцев в ходе битвы. Гипотеза И.И. Смирнова о том, что такой переход имел место, базируется на двух основаниях: на известии К. Буссова о предательстве отряда в 4 тысячи человек во главе с воеводой Телетиным и на разнице в цифрах пленных. Историк обратил внимание, что Истому Пашкова, перешедшего на сторону царя под Москвой в 1606 г., царские грамоты изображали как пленного, и предположил, что царские донесения о 5 тысячах пленных на Восьме включали в это число перебежчиков. Эту гипотезу поддержал Р.Г.

⁵⁹ По предположению В.Г. Вовиной-Лебедевой, красочное описание этого эпизода восходит к семейному преданию, возможно, к воспоминаниям самого князя Б.М. Лыкова, еще живого в момент составления «Нового летописца». *Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец. История текста.* С. 296.

⁶⁰ ААЭ. Т. 2. С. 167.

⁶¹ *Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников.* С. 241.

Скрынников, приведя свои соображения и подсчеты числа пленных в пользу этой версии.⁶²

В целом мы вполне согласны с тем, что переход части восставших на сторону царской армии имел место. Обратим внимание, что вслед за Буссовым И.И. Смирнов считал именно предательство этого отряда главной причиной поражения болотниковцев на Восьме. Это, однако, не объясняет, почему о предательстве умалчивают все остальные источники, кроме Буссова, а ведь и разряды, и летописи прямо говорят о том же Истоме Пашкове, что он ранее «приехал к Москве».⁶³ На наш взгляд, куда вероятнее, что переход части мятежников на сторону царской армии состоялся уже в итоговой фазе боя, когда его исход был предрешен: возможно, после отступления болотниковцев с северного берега Восьмы, когда их войско оказалось разделено на две части. Можно выдвинуть осторожную гипотезу, что среди перешедших была охрана лагеря бунтовщиков, ведь царские войска, очевидно, захватили не просто тяжелый наряд, но весь кош. И «умолчание» остальных источников о переходе этого отряда мятежников на сторону царской армии объясняется достаточно просто: в отличие от отряда Пашкова под Москвой, он не сыграл решающей роли в сражении и был намного меньше тех 4 тысяч, о которых сообщает Буссов.

Наконец, имеет смысл высказать несколько соображений об известиях К. Буссова относительно битвы. И.И. Смирнов и Р.Г. Скрынников придавали им особое значение, так как они отражают точку зрения болотниковцев, которым советские историки симпатизировали. В результате без ответа остался вопрос о том, почему сообщения Буссова содержат две очевидные ошибки: о локализации сражения на Восьме в районе Серпухова и о предательстве князя А.А. Телятевского (а на наш взгляд, под «воеводой Телетиным» Буссов имел в виду именно его).⁶⁴ Следует учитывать, что, вероятнее всего, в момент сражения Буссов находился в Калуге.⁶⁵ Его известия отражают, очевидно, представления находившихся в Калуге мятежников о причинах поражения, полученные из вторых и третьих рук.

⁶² Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. С. 441; Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 214–215.

⁶³ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 г.). С. 43; Новый летописец. С. 73.

⁶⁴ Разряды сообщают, что с боя на Восьме князь А.А. Телятевский «утек», а «Бельской летописец» называет его среди воевод мятежников в битве на реке Вороней. Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время (7113–7121 г.). С. 43.

⁶⁵ Смирнов И.И. Конрад Буссов и его хроника // Буссов Конрад. Московская хроника. 1584–1613. С. 27.

Добавим, что у Буссова описание сражения на реке Восьме перетекает в краткое описание боя на реке Вороньей: «Они отважились второй раз и отправились встретиться с ним всем войском. Но Шуйский снова призвал всю землю до 100000 человек, а выступившее из Тулы войско было много слабее, и поэтому оно должно было снова укрыться в крепости».⁶⁶ Эта лаконичность резко контрастирует не только с описанием осады Калуги, в которой Буссов участвовал, но и с описанием осады Тулы в 1607 г. На наш взгляд, тот или те, кто информировал Буссова о боях на реках Восьме и Вороньей, лично не участвовали в этих сражениях, хотя и наблюдали начало движения войска болотниковцев на Серпухов, что нашло отражение в перечислении Буссовым всех вожаков, возглавлявших эту армию. Буссов передает слухи, докатившиеся до Калуги уже после начала осады Тулы, которая и его информаторов, и его самого интересовала куда больше.⁶⁷ Неудивительно, что поражение они объясняли предательством одного из предводителей. На наш взгляд, это достаточно типичное, можно сказать, универсальное объяснение любого военного поражения — некомпетентность и ошибки командования воспринимаются современниками как предательство и порождают соответствующие слухи. Можно предполагать, что именно в отряде под предводительством князя Телятевского было наибольшее число перешедших на сторону царского войска, что и привело к появлению слухов о предательстве самого князя.

Попытка А.А. Телятевского и И.И. Болотникова воспользоваться победами на Пчельне и под Калугой не удалась. Успех князя А.В. Голицына на Восьме сыграл решающую роль в крахе движения Болотникова, лишив мятежников возможности вести дальнейшие активные наступательные действия, надежды отрезать Москву от Рязанщины и шансов противостоять дальнейшему продвижению царских войск. Уже через неделю войско князя А.В. Голицына, соединившись с воинством князя М.В. Скопина-Шуйского, разбило болотниковцев на реке Вороньей под Тулой,⁶⁸ а царь Василий Шуйский в конце июня взял Алексин.

⁶⁶ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. С. 144.

⁶⁷ Сын Буссова находился в Туле и после ее захвата Василием Шуйским был сослан в Сибирь. Смирнов И.И. Конрад Буссов и его хроника. С. 27.

⁶⁸ Недавно место этого сражения было локализовано и описано. Брусенцов О.А., Дедук А.В., Шебанин Г.А., Шеков А.В. К географии восстания Ивана Болотникова 1606–1607 г. // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 7 (23). СПб.; М.: «Старая Басманная», 2022. С. 119–125.

Список литературы

1. ААЭ. Т. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1836. 413 с.
2. Абанин А.В. Князь А.А. Телятевский: роль личности в восстании И.И. Болотникова в Смутное время // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. Вып. 4 (31). С. 31–38.
3. Абрамович Г.В. Князья Шуйские и русский трон. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 189 с.
4. Афремов И.Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. Ч. I. М.: Тип. В. Готье. 1850. 242 с.
5. Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М.: «Наука», 1978. 304 с.
6. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 г.). М.: Имп. общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1907. 311 с.
7. Брусенцов О.А., Дедук А.В., Шебанин Г.А., Шеков А.В. К географии восстания Ивана Болотникова 1606–1607 г. // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 7 (23). СПб.; М.: «Старая Басманная», 2022. С. 107–131.
8. Буссов К. Московская хроника // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. 608 с.
9. Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец. История текста. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина. 2004. 400 с.
10. Волков В.А. Русская рать. Испытание смутой. Мятёжи и битвы начала XVII столетия. М.: «Прометей», 2017. 438 с.
11. Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М.: Соцэкгиз, 1959. 455 с.
12. Кирпичников И.А. Рязанская служилая элита в конце XV — первой трети XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021. [Электронный ресурс]: <https://istina.fnkcr.ru/dissertations/370877366/>.
13. Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М.: «Омега», 2007. 528 с.
14. Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: «Квадрига», 2014. 240 с.
15. Новый летописец // ПСРЛ. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. 154 с.
16. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608. М.: «Наука», 2003. 491 с.
17. Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М.: «Наука». 1978. 304 с.

18. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М.: «Памятники исторической мысли», 1995. 470 с.
19. *Разин Е.А.* История военного искусства XVI—XVII вв. СПб.: «Полигон», 1999. 656 с.
20. *Скобелкин О.В.* Испытание на лояльность: иноземцы и московские власти в эпоху Смуты // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Вып. 10. СПб., 2012. С. 263–267.
21. *Скрынников Р.Г.* Василий Шуйский. М.: АСТ, 2002. 393 с.
22. *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: «Наука», 1988. 256 с.
23. *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607 г. М.: Госполитиздат, 1951.
24. *Тихомиров М.Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторический архив. Т. VI. М.-Л., 1951. С. 81–131.
25. *Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН. 2013. 399 с.

Сведения об авторе

Аксаньян Карен Эдуардович, кандидат исторических наук, ведущий специалист отдела информационной политики исторического факультета МГУ. Тел.: 89165676240. akskaren1992@gmail.com

Т.В. Агейчева

T.V. Ageicheva

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ЛИХАЧЕВ — ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

NIKOLAI PETROVICH LIKHACHEV — PORTRAIT AGAINST THE BACKGROUND OF THE EPOCH

Аннотация:

Фигура Н. П. Лихачева (1862–1936) — одна из наиболее интересных в рамках изучения истории отечественной исторической науки последней трети XIX — первой трети XX в. Специалист в области истории сословий в России, он в то же время являлся крупнейшим специалистом в области исторического источниковедения, знатоком и зачинателем целого ряда вспомогательных исторических дисциплин — дипломатики, глиптики, антропонимики, нумизматики, сфрагистики, филигранологии, генеалогии и др. Он был одним из крупнейших знатоков русского иконописания. Его деятельность — это и образец научного коллекцио-

нирования. Части собрания Н.П. Лихачева составляют основу коллекций целого ряда отечественных музеев, в числе которых Эрмитаж и Русский музей. По замыслу ученого, его собрание должно было стать систематическим учебным и научным кабинетом, отражающим всю историю развития письменности, доступным широкому кругу исследователей и учащихся. В целом научное творчество Н.П. Лихачева — показатель высот, достигнутых русской исторической наукой к концу XIX в., свидетельство накопленного ею потенциала. Биография Н.П. Лихачева примечательна в связи с проблематикой генеалогических исследований. Он сам не только был представителем старинного дворянского рода со множеством исторически интересных родовых пересечений, но и создал семейный союз, который, в свою очередь, вошел элементом в генеалогический узел (Морозовы, Карповы, Лихачевы), исследовательски привлекательный, помимо собственно генеалогии, и в связи с проблемами социальной истории России, и в контексте формирования круга близких личных контактов в среде ученых-историков. Судьба Н.П. Лихачева в связи с репрессивной политикой конца 1920-х — 1930-х гг. также весьма показательна. Историографическое исследование трудов и дней Н.П. Лихачева есть часть большой работы по восстановлению целостности исторического полотна отечественной исторической науки для определения ее подлинного содержания и перспектив.

Ключевые слова: вспомогательные исторические дисциплины, историческое источниковедение, научное коллекционирование, историографическое исследование, биография.

В 1962 г. во втором номере журнала «Советская археология» была опубликована статья В.Л. Янина «К столетию со дня рождения Н.П. Лихачева (12/24.IV.1862 г. — 14.IV.1936 г.)». Автор представлял ученого как крупнейшего русского историка дооктябрьской поры, отличавшегося необычайной разносторонностью научных интересов, в трудах которого источниковедение истории достигло наивысшего для историографии своего времени предела.

Поскольку Н.П. Лихачев был одним из основных фигурантов так называемого «академического дела» 1929—1931 гг., выступлением В.Л. Янина было положено начало его полномасштабной личной и научной реабилитации: «Статья В.Л. Янина, большой портрет Н.П. Лихачева свидетельствовали о том, что доброе имя Н.П. Лихачева восстановлено и его заслуги находят достойную оценку»⁶⁹.

⁶⁹ Цамутали А.Н. Воспоминания о семье Н.П. Лихачева // Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXI. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. С. 26.

Столетний юбилей большого русского ученого был отмечен, кроме того, специальным заседанием ученого совета Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР. Четыре года спустя ЛОИИ АН СССР (ныне — СПбИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук) разместилось в доме Н.П. Лихачева на Петрозаводской улице, а в 1973 г. на стене дома была торжественно установлена мемориальная доска.

К настоящему времени накоплена значительная библиография, посвященная как жизни и творчеству Н.П. Лихачева, так и исследованию материалов собранной им обширной коллекции письменных и вещественных источников. Усилиями сотрудников СПбИИ РАН, Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан и других учреждений организован ряд масштабных выставок (включая виртуальные выставки документов на сайте Санкт-Петербургского филиала Архива Академии наук) предметов и документов из его собраний, изданы соответствующие каталоги, проведен ряд больших конференций и изданы их материалы.⁷⁰ Регулярный характер приобретают (с 2020 г.) апрельские Чтения памяти Н.П. Лихачева в СПбИИ РАН.⁷¹

Неослабевающий интерес к личности Н.П. Лихачева более чем оправдан в контексте как историографического, так и биографического изучения.

⁷⁰ См., например: Из коллекции академика Н.П. Лихачева: Каталог выставки. СПб.: «Седа-С», 1993. 280 с.; *Климанов Л.Г.* Н.П. Лихачев: «Быть, чем только могу, полезным первенствующему ученому сословию» // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: «Наука», 1995. С. 91–107; Вспомогательные исторические дисциплины: К 60-летию со дня смерти академика Н.П. Лихачева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Т. XXVI. 368 с.; *Простоволосова Л.Н.* Н.П. Лихачев: судьба и книги. Библиографический указатель. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. 60 с.; *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер, «известный всей России, а еще более Европе» // Репрессированная наука: Сборник. Вып. 1. Л.: «Наука», 1991. С. 424–453; *Бычкова М.Е.* Николай Петрович Лихачев (12(24).04.1862–14.04.1936) // Труды Института российской истории РАН. М.: «Наука», 2006. № 6. С. 18–33.; *Москаленко А.В.* Музей палеографии АН СССР: от собрания древностей Н.П. Лихачева к институту вспомогательных исторических дисциплин // Фотография. Изображение. Документ. 2011. № 2 (2). С. 17–22.; Звучат лишь письма. К 150-летию академика Николая Петровича Лихачева: Каталог выставки. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. 598 с.; Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936). Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXI. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. 446 с.

⁷¹ Видеоматериалы Чтений и ряд других материалов о научной деятельности Н.П. Лихачева размещены на сайте СПбИИ РАН.

Он был одним из крупнейших русских археографов, коллекционером, библиографом и библиофилом, состоял в целом ряде исторических обществ России. В их числе Русское археологическое общество (РАО), Московское археологическое общество (МАО), Общество любителей древней письменности (ОЛДП), Русское библиографическое общество (РБО). Он был почетным членом Итальянского библиографического общества, иностранным членом Афинского общества византиноведов.

Н.П. Лихачев известен как один из крупнейших специалистов по истории сословий и государственных учреждений в России XV—XVII вв. Он занимался источниковедением родословных книг, осуществил научную публикацию ряда источников по истории княжеско-боярской знати.⁷² Н.П. Лихачев — автор капитального труда «Разрядные дьяки XVI в.» (1888 г.), в котором в процессе исследования истории государственного учреждения впервые предложил свою теорию происхождения родословных книг в России, доказал существование и состав Государева родословца. Эта теория стала отправным пунктом дальнейшего исследования родословных книг. Огромное значение для развития источниковедения имели и работы «Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия» (1898 г.), «Государев родословец и Бархатная книга» (1900 г.), «Государев родословец и род Адашевых» (1903 г.). В них Н.П. Лихачев применил разработанный им метод сравнительного изучения списков родословных книг, показал возможность выявления фальсификаций и анализировал причины их появления. Эти труды и другие заметки Лихачева по генеалогии, родственным связям XVI в. имеют огромное значение для становления генеалогии как исторической дисциплины. По сути, Н.П. Лихачев положил начало ее профессионализации, применив научный критический подход с исключением фантастических сведений при изучении родословий.

Н.П. Лихачев был одним из основателей Русского генеалогического общества в Санкт-Петербурге (1897 г.), активно участвовал в работе этой организации, выступал с докладами и сообщениями в заседаниях, редактировал «Известия Русского генеалогического общества», которые выходили в период с 1900 по 1911 г., сам активно публиковал там свои статьи, материалы, источники по генеалогии, был в числе тех, кто возобновил деятельность РГО в 1919 г.

Закономерно, что одним из объектов генеалогического интереса Н.П. Лихачева была и его фамилия. Опытном генеалогическом «самоисследования» стало и по нынешним временам образцовое сочинение

⁷² В числе опубликованных Н.П. Лихачевым документов «Местнические дела 1563–1605 гг.» (1894), «Боярский список 1611 г.» (1895), «Тысячная книга 7059–1550 г.» (1911; совм. с Н.В. Мятлевым).

«Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки»,⁷³ которое было снабжено томом «Приложений» («Издание для родных и друзей»). Таким образом, в двух книгах были опубликованы родословные документы, рисунки, экслибрисы, автографы, родословные таблицы, фамильные портреты, виды родового поместья Лихачевых в селе Никольское-Полянки, сопровождаемые подробными комментариями. Родовую историю Н.П. Лихачев поместил в историю семейной библиотеки. Прослеживая по экслибрисам и пометам жизнь книг в переходах от одного владельца к другому, он представлял и сведения о Лихачевых разных поколений и, по возможности, о людях, упоминаемых в связи с ними.⁷⁴

Совершенно справедливо характеризовать Н.П. Лихачева как родоначальника и некоторых вспомогательных исторических дисциплин, и вспомогательных исторических дисциплин как комплексной науки в России. Он был первым, кто равно профессионально работал с вещественными и письменными источниками, понимая их равными друг другу по значению и взаимно необходимыми для изучения прошлого, разрабатывал новые методы источниковедения. Он был прекрасным знатоком западной дипломатики, его работы часто помещались в зарубежных журналах, он внес крупнейший вклад в изучение специальных археологических дисциплин — нумизматики, антропоники, эпиграфики и особенно сфрагистики.

В докторской диссертации «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (1891 г.) Н.П. Лихачев проследил эволюцию технологии изготовления бумаги и историю возникновения

⁷³ Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки. СПб.: Типография «Сириус», 1913. 101 с.; Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки (Приложения). СПб.: Типография «Сириус», 1913. 90 с.

⁷⁴ Дворянский род Лихачевых, к казанской ветви которого принадлежал Николай Петрович, известен с XV в. В четырехсотлетней истории рода присутствовало множество интересных соединений и начал новых родов: Хованские, Долгоруковы, Барятинские, Шереметевы, Голицыны, Новосильцевы, Державины, Строгановы, Страховы, Панаевы. Так, Глафира Ивановна Лихачева, урожденная Панаева (1794–1880), супруга Федора Семеновича Лихачева (1795–1835) и бабушка Н.П. Лихачева, была дочерью пермского губернатора и известного масона Ивана Ивановича Панаева (1752–1796) и сестрой известного поэта-идиллика начала XIX в. Владимира Ивановича Панаева (1792–1859). Она сама была не чужда литературной деятельности, печатала свои стихи в «Благонамеренном». Выйдя замуж за Ф.С. Лихачева в 1822 г., она стала матерью шестерых детей. После ранней кончины мужа проявила недюжинные способности к управлению имением (Лихачевы были крупнопоместными дворянами, имели 5054 десятины земли и 1231 душу крепостных крестьян), пристанью, ловлями, конезаводом, обеспечила достойное образование для своих детей. В 1862 г., разделив состояние между детьми, предпочла удалиться в Свяжский монастырь.

бумажных мануфактур в России, собрал в одном альбоме свыше 4250 бумажных водяных знаков. Ставший продолжением и развитием докторской диссертации трехтомный труд «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (1899 г.) до сих пор остается основным пособием для датировки древних рукописей. Примечательно, что исследование такого рода, с введением в научный оборот такого количества водяных знаков на правах источников, было осуществлено Н.П. Лихачевым впервые в Европе. Более подробное описание водяных знаков Ш. Брике было опубликовано в Женеве только в 1907 г.

Лихачев изучал историю рукописей, рукописной книги и почерка. Он составил картотеку грамотности XVI—XVII вв. по автографам на русских грамотах. Им был собран большой палеографический материал, образцы почерка исторических деятелей. Как специалист по почеркам Лихачев делал комментарии и об уровне образованности этих людей.

Лихачев был горячим сторонником создания текущей исторической библиографии, перечня русских изданий актов, инициатором создания Русского библиографического словаря, единственного начинания подобного рода в России, работал над материалами к терминологическим словарям, указателям личных имен.

Чрезвычайно высок был авторитет Н.П. Лихачева как знатока иконописи⁷⁵. Им были написаны фундаментальные работы, имеющие непреходящую ценность и в части постановки исследовательских задач (в том числе Лихачев впервые рассматривал иконописное изображение как исторический источник, выявляя фрагменты изображений, сопоставимые с изображениями на вещественных памятниках иного происхождения), и в части разработки методов и направлений изучения иконы. Он исследовал происхождение иконографических типов, технику живописи, занимался методикой атрибуции икон, анализировал русскую икону на предмет византийского и итало-греческого влияния, попутно входил в область истории отечественного искусствоведения, вы-

⁷⁵ Исследовательской базой было для Н.П. Лихачева собственное собрание икон, которые он начал коллекционировать вместе с рукописями, книгами, автографами. Коллекционирование Н.П. Лихачевым икон уже само по себе — огромный вклад в развитие русской науки и в изучение русской духовной и художественной культуры. Он начал приобретать русские иконы еще до того, как значение поствизантийской иконописи было оценено европейскими коллекционерами и исследователями. Это обстоятельство — сохранение для науки в личной коллекции ценнейших источников по истории русского искусства — было отмечено уже современниками ученого. Заметка на эту тему появилась в 1913 г. в «Киевской мысли». О коллекции Лихачева в ней говорилось как о собрании источников, каких теперь уже нигде не добыть (подробнее см.: *Простоволосова Л.Н.* Н.П. Лихачев: судьба и книги. Библиографический указатель. С. 11.).

являя и критикуя разные его течения, традиции. Предлагая собственный опыт художественного анализа иконы, Н.П. Лихачев, в частности, выступал против традиции отвлеченного эстетства и импрессионизма «московской школы». В числе наиболее значимых его трудов по иконописи — «Материалы для истории русского иконописания» (1906 г.), за который 29 декабря 1912 г. действительному члену Московского археологического общества профессору Н.П. Лихачеву единогласно была присуждена золотая медаль графа Уварова, «Манера письма Андрея Рублева» (1907 г.), «Род иконописцев» (1908 г.), «Историческое значение итало-греческой иконописи» (1911 г.).

Он также много занимался историей русского спорта, собрав выдающуюся коллекцию изданий по этому вопросу, сам был спортсменом-тяжелоатлетом международного класса и в 1887 г., будучи уже магистром русской истории, одержал победу над известными силачами Фоссом, Манцони и Уильямсом, приглашенными в Петербург организатором первых в России атлетических кружков доктором Краевским. В упражнении с гирями Н.П. Лихачев поднял 21 пуд, побив все рекорды заезжих гастролеров⁷⁶.

Н.П. Лихачев, по выражению одного из своих последователей в науке, В.С. Люблинского, был «коллекционером сказочного размаха».⁷⁷ Он вел переписку с более чем 170 европейскими антикварами, был хорошо известен на европейских аукционах, иногда сам выступал как эксперт. За консультацией к нему обращались и в 1920-х гг., когда он уже не мог выезжать из Ленинграда.

Лихачев начал формировать свою коллекцию еще в 1880-х гг., собирая акты XVII—XVIII вв. о служилых людях Поволжья, пополнял свои коллекции на Сухаревке, в петербургском Апраксином дворе, на казанском толчке, установил знакомства почти со всеми антикварами России, разными путями приобретал материалы в Новгороде, Пскове, Киеве. В его собрание вошли архив Спасо-Прилуцкого монастыря, части личных коллекций, например, часть коллекции А.Ф. Бычкова.⁷⁸

⁷⁶ Этот эпизод упомянут в статье Б. Чеснокова «Народные богатыри», опубликованной в № 2—3 журнала «Физкультура и спорт» за 1945 г. на с. 8—9.

⁷⁷ Подробнее об этой стороне деятельности Н.П. Лихачева, а также о составе и судьбе его коллекций см.: *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер...; *Он же.* Николай Петрович Лихачев — коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекции академика Н.П. Лихачева... С. 7–28; *Он же.* Н.П. Лихачев «в поисках желанных звеньев великой дипломатической выставки» // Звучат лишь письма... С. 36–48; *Мещерская Е.Н., Пиотровская Е.К.* Музей палеографии академика Н.П. Лихачева и его судьба (1925–1930) // Звучат лишь письма... С. 49–64.

⁷⁸ Бычков Афанасий Федорович (1818–1899), историк, академик Петербургской АН, председатель Археографической комиссии.

О том, с какой страстью и изобретательностью ученый пополнял свое собрание, в научных кругах слагались легенды. Рассказывали, например, что он почти контрабандой вывозил из-за границы купленные экземпляры, что даже в голодные 1920-е он тратил на раритеты деньги, выделенные на хозяйство. Его собирательская деятельность позволила составить уникальную коллекцию клинописных текстов, папирусов, средневековых рукописей, икон, монет, печатей, мебели, живописи, книг, автографов. Это одно из немногих собраний, в котором хранились материалы почти всех стран Европы и некоторых стран Америки и Азии.

Для себя и своей коллекции на Петрозаводской улице Н.П. Лихачев построил дом, а с пополнением собрания в 1912 г. даже надстраивал третий этаж на средства, в том числе, вырученные от продажи через государя в Русский музей коллекции икон. В этом доме часть мебели и обстановка также представляли историческую ценность.⁷⁹

⁷⁹ Очевидно, что масштабная собирательская деятельность требовала регулярных и тоже масштабных финансовых вливаний. Н.П. Лихачев должен был на достойном уровне содержать себя и свою большую семью (чета Лихачевых вырастила девяти детей). Полученной части наследственного состояния даже вкупе с содержанием, получаемым от государственной службы, было бы недостаточно для покрытия всех необходимых расходов. Громадную роль в обеспечении свободы научного творчества Н.П. Лихачева сыграли те родственные связи, которые образовались вследствие его женитьбы.

В лице Н.П. Лихачева его род вошел в соединение с линией Карповых—Морозовых. Наталья Геннадьевна Лихачева, урожденная Карпова (1873–1957), была дочерью известного московского историка Геннадия Федоровича Карпова (1839–1890). С Г.Ф. Карповым, как и со многими другими выдающимися деятелями отечественной науки, Н.П. Лихачев познакомился во время своей первой научной командировки в Москву и Петербург от Казанского университета. Молодой ученый из Казани бывал в доме у Геннадия Федоровича, где, вероятно, и состоялась встреча с будущей супругой. Г.Ф. Карпов вряд ли мог предполагать матримониальные перспективы этой встречи, в 1890 г. его не стало. Н.П. Лихачев и Н.Г. Карпова венчались в 1894 г. Брак был основан на искреннем и очень крепком чувстве, которое выдержало все испытания, выпавшие на долю Николая Петровича и его семьи после революции. Без преувеличения выдающуюся роль в жизни Н.П. Лихачева играла теща — Анна Тимофеевна Карпова, урожденная Морозова (1849–1924), которая принадлежала к ветви Тимофеевичей широко известного и влиятельного в России рода промышленников и предпринимателей Морозовых (один из самых популярных Морозовых в отечественной историографии, Савва Тимофеевич Морозов, был младшим братом А.Т. Карповой) и вплоть до революции сохраняла положение одной из богатейших женщин страны.

Приданого, полученного Натальей Геннадьевной, хватило на много лет собирательской деятельности Николая Петровича. В 1902 г. по инициативе и на деньги Анны Тимофеевны на имя Натальи Геннадьевны в Петербурге на Петрозаводской улице был куплен участок земли и в 1903 г. построен двухэтажный особняк, в котором свободно должны были разместиться и коллекции, и семья Николая Петровича.

При этом для коллекционирования Лихачева была характерна принципиальная открытость собрания для специалистов и всех интересующихся. Он мечтал передать науке и русскому народу систематизированный научный кабинет по истории книги, документа и письма. Справедливо утверждение, что и масштаб, и качество коллекции, и отношение к ней создателя породнили его с такими деятелями русской культуры, как братья Третьяковы, Щукины, А.А. Бахрушин, П.В. Зубов.⁸⁰

После революции громадное собрание Лихачева частями осело в Эрмитаже (в нумизматической коллекции около 15 тысяч монет и памятников метрологии, медалей, жетонов, ассигнаций), Рукописном отделе Библиотеки АН (БАН), Архиве ЛОИИ⁸¹ (34000 дел, которые составили основу западно-европейской секции Архива, две специальные коллекции и 86 фондов, в том числе 22 фонда местных учреждений, 10 фондов монастырей и церквей, 20 личных фондов), в Русском музее. Объем и состав сохранившегося научного наследия колоссален. В личном фонде Н.П. Лихачева в петербургском филиале Архива РАН — 1061 единица хранения, в том числе неопубликованные работы (о разрядных книгах, родословных сборниках, византийских эксагиях, древнерусских иконах и др.); неоцененные и малоиспользуемые справочные картотеки и материалы (о дьяках, Боярской думе XVI в., государственных учреждениях средневековой Руси); библиографические картотеки и списки (писем и записок русских государственных деятелей XVI—XIX вв., мемуаров XVIII в., истории, родословий, геральдики русского дворянства); списки грамот, хранящихся в БАН, Публичной библиотеке, Историческом музее.

Только в Русском музее 1497 икон из коллекции Лихачева составили около половины всего собрания икон.

С ростом коллекций и увеличением семейства к дому покупались участки, он увеличивался пристройками и в 1912 г. вырос на этаж. Хозяйственная теща в полном согласии с Натальей Геннадьевной обустроили в своих владениях небольшое хозяйство с садом, курами и коровой (подробнее см.: *Панченко Е.З.* Дом Н.П. Лихачева (Петрозаводская, 7) // Фонтанка. Культурно-исторический альманах. 2017. № 22. С. 6–20). Надо отметить, что Анна Тимофеевна совсем не безоглядно потакала начинаниям Николая Петровича. Ряд настоятельных пожеланий она ему все-таки адресовала. Николай Петрович не должен был отказываться от карьеры на государственной службе, должен был расти в чинах и получать награды. Карьерные успехи поощрялись финансово. За появление внуков Анна Тимофеевна тоже благодарила Лихачевых щедрыми денежными премиями.

⁸⁰ В этот ряд выдающихся русских собирателей и меценатов Н.П. Лихачева определил В.Л. Янин. См.: *Янин В.Л.* К столетию со дня рождения Н.П. Лихачева... С. 14.

⁸¹ Ныне — Архив Санкт-Петербургского института истории. Располагается в бывшем особняке Н.П. Лихачева на Петрозаводской улице в доме № 7.

Очевидно, что блестящие результаты научного творчества Н.П. Лихачева в значительной степени обусловлены единством его собирательской и научной деятельности. Такое соединение было подготовлено поколениями его предков и членов семейного круга.⁸² Унаследовав семейную библиотеку и семейное собрание, Николай Петрович Лихачев, безусловно, значительно превзошел всех своих предшественников в совокупности по всем направлениям — и по масштабам, и по качеству, и по разнообразию коллекций.

Н.П. Лихачев родился 12 (24) апреля 1862 г. в городе Чистополь Казанской губернии. Его предками были дьяки, дипломаты, военные, в том числе известнейший политический деятель XVII в. и автор биогра-

⁸² В том числе родной дядя Н.П. Лихачева Андрей Федорович (1832–1890) был фигурой, хорошо известной в кругах коллекционеров и ученых-археологов, знатоков искусства Казанской губернии и за ее пределами. Человек широко и глубоко образованный, выпускник естественного отделения физико-математического факультета Казанского университета, он всецело отдался собирательству и научным занятиям по выходе в отставку с гражданской службы в 1858 г. Главной темой собирательства и изучения у А.Ф. Лихачева была археология Поволжья, булгарские древности. Он публиковал научные труды, участвовал в работе Всероссийских археологических съездов, выступал в качестве члена-основателя Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, был избран действительным членом Русского археологического общества. Он собрал, кроме того, солидную нумизматическую коллекцию и коллекции медалей, фарфора, этнографических материалов, оружия, церковных предметов, икон, а также коллекцию западноевропейской и русской живописи. Библиотека А.Ф. Лихачева по археологии и нумизматике была самой крупной и лучшей в Казани. Правда, он рассматривал свое собрание как частное, домашнее и не спешил допускать к нему даже коллег-исследователей, а по качеству научного творчества он все-таки оставался на грани любительства и профессиональной науки. После смерти А.Ф. Лихачева его коллекции выкупил, а затем передал в дар городу Казани его старший брат, другой родной дядя Н.П. Лихачева, выдающийся русский флотоводец, вице-адмирал Иван Федорович Лихачев (1826–1907). О жизни и творчестве А.Ф. Лихачева см.: *Назипова Г.Р., Измайлова С.Ю. «Казанский антиквариум»*. Казань, 2006; *Измайлова С.Ю.* Творческая лаборатория провинциального ученого (по материалам переписки казанского археолога и нумизмата А.Ф. Лихачева) // *Поволжская археология*. 2014. № 3 (9). С. 75–100; *Она же.* Исследования А.Ф. Лихачева. Начальный этап изучения первобытных древностей казанского Поволжья // *Поволжская археология*. 2017. № 3 (21). С. 8–25; *Руденко К.А.* Творческая лаборатория А.Ф. Лихачева: от коллекционера к ученому // *Ученые записки Казанского университета*. 2012. Т. 154. Кн. 3. С. 187–198; *Он же.* Казанские коллекционеры и их коллекции первой половины XIX в. // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2013. № 4. Ч. 2. С. 23–25; *Он же.* Личность и наука: роль образования в формировании научного подхода в коллекционировании древностей во второй половине XIX в. (по материалам архива А.Ф. Лихачева) // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 1. С. 106–109.

фии царя Федора Алексеевича Федор Лихачев, и среди них — страстные книголюбы и коллекционеры. Семейная библиотека Лихачевых собиралась несколько веков и включала рукописные книги. Все затмевающая, по его собственному выражению, любовь к книгам и коллекционированию очень рано, с 8 лет, проявилась и в Николае Лихачеве. В 13 лет он уже пробовал составлять каталоги, в 4 классе гимназии углубился в нумизматику, в 5-м определил как задачу всей жизни изучение истории, постижение «книжной вселенной».

По окончании с золотой медалью в 1880 г. 2-й Казанской гимназии Н.П. Лихачев поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, рано проявил интерес к археологии, широко понимаемой им как наука о древностях. В 1880-х студент Лихачев принимал непосредственное участие в полевых работах по изучению болгарских древностей и опубликовал свои первые археологические заметки. В университете у него возник интерес к документу, вспомогательным историческим дисциплинам, архивным изысканиям, критике источников.

Главной исследовательской темой Лихачева были разрядные книги, и его студенческое сочинение «в виде отличия» было признано кандидатским. По окончании университета в 1884 г. он остался там при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию.

В 1886 г. вышла в свет его первая печатная работа, посвященная сочинениям профессора Казанского университета Г.Н. Городчанинова, — «Григорий Николаевич Городчанинов и его сочинения: Библиографическая заметка».

Выдержав магистерский экзамен, 2 сентября 1886 г. Н.П. Лихачев выехал из Казани, снабженный рекомендательными письмами, позволившими ему ознакомиться с московскими архивами (Министерства юстиции и Министерства иностранных дел), собраниями рукописей РАО, Археологического института, Археологической комиссии, графа Уварова, Синодальной библиотеки, Румянцевского музея, а также лекциями Е.В. Барсова, Ф.Ф. Мазурина, Публичной библиотеки. В Москве он попал в окружение специалистов-эрудитов (А.Ф. Бычков, Л.Н. Майков, А.А. Куник, А.П. Барсуков, Ф.И. Буслаев), встречался с известными историками В.О. Ключевским, Г.Ф. Карповым, И.Е. Забелиным, Д.Ф. Кобеко, И.Ф. Помяловским. 28 ноября 1886 г. в ОЛДП (Общество любителей древней письменности) Лихачев прочел реферат «О разрядных книгах». Другой доклад, прочитанный в ОЛДП в 1887 г., «О некоторых событиях и лицах, внесенных в наши генеалогические сборники из вымышленных разрядных книг», был встречен «несочувственно». Не получила одобрения и пробная лекция о составе разряда в XVI в. и древнем государевом родословце.

Во время этой командировки произошло еще одно важное для молодого ученого событие. Лихачев был представлен великому князю Георгию Михайловичу и ознакомился с его великолепным собранием русских монет. Впоследствии между ними наладилось некоторое научное сотрудничество — Георгий Михайлович рецензировал несколько книг Лихачева.

В 1888 г. в Петербурге была опубликована магистерская диссертация Н.П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования». Однако на магистерском диспуте, прошедшем в Казани 5 февраля 1889 г., эта работа была подвергнута жесткой критике. Столь же трудной оказалась и защита докторской диссертации, также вышедшей в виде монографии в 1891 г., — «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве». Докторский диспут 3 мая 1892 г. выплеснулся на страницы газет. Автору диссертации указывали на узость темы, увлечение фактографическим материалом, недостатки дарования. Отрицалась источниковедческая направленность работы. Исследование сравнивали с библиотечным каталогом.

В отличие от ученой общественности Казани, петербургское научное сообщество по достоинству оценило новаторские работы. В 1892 г. Лихачев получил приглашение на работу в Санкт-Петербургский Археологический институт (с 1923 г. — Археологическое отделение Петроградского университета), в котором сотрудничал вплоть до 1925 г. В Археологическом институте он читал спецкурс по историографии. Здесь в 1894 г. им была открыта первая в России кафедра дипломатики. Н.П. Лихачев первым в высшей школе России начал читать курс о науке, изучающей акты, их состав и происхождение. Впервые в рамках курса дипломатики был сформирован и курс сфрагистики.

10 мая 1894 г. Н.П. Лихачев был избран членом Археографической комиссии, руководимой С.Ф. Платоновым. Здесь он работал с такими замечательными русскими учеными, как А.С. Лаппо-Данилевский, В.Г. Дружинин, А.А. Шахматов, Б.А. Тураев, А.Е. Пресняков. Лихачев возглавлял редакционную комиссию по изданию родословцев и разрядных книг, участвовал в подготовке к публикации летописей, был одним из руководителей процесса выработки правил хранения документов. Неизменным участником Археографической комиссии он оставался до 1930 г. Работа в комиссии дала ему статус государственного служащего, чин коллежского асессора с 1895 г., право на выслугу лет и пенсию.

Комиссией были опубликованы его исследования по истории администрации и служилого класса Московского государства и дипломатических сношений Московской Руси с иностранными государствами. В том числе ему принадлежит заслуга разыскания и введения в научный оборот «Дела о приезде Антония Поссевино» (1903 г.).

Ежегодно с 1892 до 1914 г. коллекционер и ученый в рамках научных командировок и частных поездок посещал Египет, Грецию, Италию, Францию, Германию, обследуя музеи, архивы и все, что только можно, для пополнения своего архива и коллекций. После переезда в Петербург одним из объектов наиболее целеустремленного собирания ученого стали вислые печати, русские и византийские. В это время они еще не привлекали серьезного исследовательского внимания, а русская сфрагистика в основном имела дело с печатями, сохранившимися при документах, и оставалась лишь второстепенной областью дипломатики. Находки не рассматривались в качестве серьезного исторического источника. Лихачев впервые и очень широко поставил задачи дальнейшего изучения сфрагистики, на протяжении 30-ти лет пополняя свое собрание печатей.

В декабре 1901 г. Н.П. Лихачев был избран членом-корреспондентом Академии наук. А в июле 1902 г., несмотря на «равнодушие» к службе и преподаванию и страсть к кабинетной научной работе, надворный советник (с 1899 г. по выслуге лет) Лихачев по инициативе директора Императорской Публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко был назначен «помощником директора с оставлением его в занимаемых им должностях». Служба в библиотеке «из чести» давала прочное общественное положение, чины, пенсию, 3,5 тыс. рублей годового жалованья. Кроме того, для Лихачева это было возможностью «у самого источника следить за научной, не только русской литературой», углубиться в давно излюбленную им область библиографии. Была изучена литература инкунабул, альдов, эльзевиров, история старейшей прессы и «летучих» изданий, история переплетов. Исследовалась и история письменности вообще, и история автографов в частности.

Д.Ф. Кобеко и Н.П. Лихачев боролись за сохранение практики единства и полноты научной и просветительской деятельности библиотеки. Лихачев усиленно собирал книги для библиотеки, в том числе закупая их в Париже, Риме, даже выпрашивая у родственников. Он планировал, но лишь частично сумел осуществить замысел подготовки путеводителей (подробного и краткого) по библиотеке.

Период до начала Первой Мировой войны с полным основанием можно считать самым плодотворным в научном творчестве Н.П. Лихачева не только по размаху исследовательской, собирательской, преподавательской, служебной деятельности, по масштабности замыслов, но и потому, что в это время сформировался и во всей полноте проявился его собственный метод работы с историческими источниками.

Своей специальностью он считал историческое источниковедение. В основе разработанного им метода лежало понимание исторического источниковедения в единстве письменного источника и вещественного, глубокое проникновение в связи между ними,

чем, собственно, объясняется и необычайная разносторонность интересов исследователя. Только полнота источников способна, по мнению Лихачева, уберечь исследователя от ошибок и поспешных выводов.

Критика актов повела его к исследованию вещественного материала — бумаги и ее истории, к обоснованию высокой палеографической ценности бумажных филиграней. Его понятие «дипломатика» включало, кроме истории текста актов, историю письма во всем его объеме: бумага, водяные знаки, почерк, печати, их эмблематика и способ скрепления. Орнаментика актов повела к изучению миниатюры, орнамента. Изучение это, в свою очередь, оказалось необходимо связанным с историей иконописания. Область дипломатики, в которой русская дипломатика — лишь небольшая часть, носящая в себе признаки разнообразных влияний, заставила ученого расширить рамки исследований экскурсами в римские, греческие, восточные древности. Широкие задачи, поставленные Лихачевым для себя как для профессора дипломатики, увлекли его в область собирания материалов, книжных и оригинальных документов. Дипломатика понималась Лихачевым как историческое источниковедение — обращение не только к палеографическому материалу, но и к сфрагистике.

В свою очередь, история сфрагистики виделась ему непрерывной цепью сигиллографий различных культур, преемственно влиявших друг на друга, и прототипы русских печатей следовало искать далеко от русской сфрагистики.

Интерес к сфрагистике закономерно возник на стыке двух ведущих тем научного творчества Лихачева — истории документа и истории древнерусской администрации. Он пристально изучал аналогии, чтобы найти ответы на вопросы, касающиеся русских печатей, так как был убежден, что сфрагистике разных времен и народов присущи единые закономерности.

Собрания Лихачева являли высокий уровень коллекционирования, когда оно превращается в научное познание. В его коллекции были объединены такие разнообразные материалы, как египетские стелы и папирусы, клинописные таблетки Двуречья и хеттов, китайские гадальные кости, памятники коптского, греческого, латинского и арабского письма, надгробия, пергамены и бумага, дипломы и хартии, многочисленные акты Западной Европы, папские бреве, банди (более 2000 распоряжений пап XV—XIX вв.) и эдитты итальянских государств, мазаринады (2500 номеров) и «летучие» издания Французской революции, инкунабулы, палетотипы и русские провинциальные издания XVIII—XIX вв. Все громадное количество собранного, систематизированного отечественного и западноевропейского материала, таким образом, воплощало идею единого

критического подхода исследователя к историческим источникам, мысль о необходимости их сопоставления и взаимной проверки.

Метод Н.П. Лихачева — путь от частного к общему. Он предполагал проведение большой описательной работы, включающей в себя тщательный подбор всего материала, свод мельчайших фактов (так как «мелочей» нет ни в науке, ни в «учебном» коллекционировании), анализ на основании строгих критических приемов, разработанных для разных типов источников, осторожность в выводах и, наконец, синтез, возможный только на основании свода.

Формула «от частного к общему» означает еще и сосредоточение исследовательского внимания на конкретных сюжетах, которые тщательно прорабатывались, реконструировались по возможности в мельчайших деталях, для чего изыскивались и критиковались разнообразные по типовой принадлежности источники. Так, например, если в процессе изучения документа ученый встречал упоминание о каком-либо человеке, он стремился выяснить об этом персонаже все, что возможно, дать о нем все сведения, какие только можно собрать.

Его курс лекций по дипломатике — тоже демонстрация метода. Лихачев доказывал, что не только содержание акта, но все составляющие: бумага, водяные знаки, почерк, способ прикрепления печати и сама печать — могут дать полноту понимания письменного источника.

Весьма плодотворным было применение метода и в рамках исследований в Археографической комиссии. В 1905 г. Н.П. Лихачев включился в работу по отысканию и публикации летописных памятников. Он отыскал и к 1913 г. подготовил к печати «Рогожский летописец», установив посредством сочетания филигранологического и палеографического анализов точную дату (первая половина XV в.) происхождения этого источника.⁸³

В целом деятельность Н.П. Лихачева была выражением его научного метода. Коллекционирование, исследовательская работа и преподавание являлись единым целым. В основе курсов лежали собранные им материалы, тщательно изученные и опубликованные. Приведенные в стройную систему, описанные, они должны были дать представление об основных правилах изучения не только книжных и архивных материалов, но и вещественных памятников.

Принципиально важно для понимания вклада Н.П. Лихачева в историческое источниковедение то обстоятельство, что он не просто на высочайшем уровне освоил многочисленные методы работы с разными типами исторических источников и был подлинным энци-

⁸³ «Рогожский летописец» был издан только в 1922 г. в первом выпуске 15 тома ПСРЛ.

клопедистом в области вспомогательных исторических дисциплин. Предметами и методами этих дисциплин он пополнил аналитический инструментарий для изучения происхождения, эволюции, содержания письменных источников, показал возможности комплексной реконструкции фрагментов исторического прошлого в единстве вещественного, материального, событийного пространства и мира духа, идей, культуры. Н.П. Лихачев работал, с одной стороны, в логике современной ему исторической науки. Ее качество, достижения, возможности отразились в его трудах. Он в этом смысле родствен, например, непревзойденному исследователю и новатору в области изучения русского летописания А.А. Шахматову. Метод последнего тоже можно охарактеризовать как метод комплексного источниковедческого анализа письменного источника, так как А.А. Шахматов впервые отказался от только механического (палеографического, филологического, структурного) анализа содержания памятников. Он подошел к летописи как целостному историко-культурному явлению, отражающему личность автора, влияние на него разнообразных интересов, политических и религиозных идей. Включение этих факторов в процесс исследования позволило полнее и точнее атрибутировать тексты, понимать смысл и содержание летописей, выявлять утраченные ранние фрагменты, эволюцию летописных сведений. Но А.А. Шахматов работал с комплексами источников одного типа. Он реконструировал историческое прошлое с помощью людей (составителей летописей), которые наполняли тексты идеями и трактовали современные им события, в то время как Н.П. Лихачев, сверх того, пытался научить рассказывать о людях, образе их жизни и мыслей еще и «бессловесные» вещественные источники. Поэтому в трудах Н.П. Лихачева отражается не столько состояние науки того времени, сколько, по выражению В.Л. Янина, ее порыв к цели.⁸⁴

Применение метода в тех масштабах и на таком качественном уровне, как его начинал применять Н.П. Лихачев, не было возможным ни для большинства его современников, ни, увы, для ученых следующих поколений. Перефразируя меткое выражение одного из современников, его неподражаемая ученость вышла из пределов, в которые по очень разным причинам вмещался и ныне вмещается обычный кругозор русского историка.⁸⁵ Только ему громадная эрудиция позволяла работать со столь

⁸⁴ В.Л. Янин оценивал таким образом один из крупных результатов научных усилий Н.П. Лихачева — созданный им музей палеографии. Однако такая оценка справедлива в отношении творчества исследователя в целом. См.: *Янин В.Л.* К столетию со дня рождения Н.П. Лихачева... С. 15.

⁸⁵ См.: *Климанов Л.Г.* Николай Петрович Лихачев — коллекционер «сказочного

разнообразными материалами, читать, например, все средневековые рукописи — итальянские, французские, латинские. Только его трудолюбие и «одержимость» позволяли не просто собирать, но научно осваивать такие массы «сырого» исторического материала. Кроме того, Н.П. Лихачев, всегда «хладнокровно» относившийся к преподаванию, не оставил после себя учеников и непосредственных преемников, способных защитить и развить его идеи, сберечь его творческое наследие.⁸⁶ Комплексное историческое источниковедение — это путь, который так и не стал магистральным для отечественной исторической науки.

В 1916 г. в чине тайного советника, будучи членом Совета министра народного просвещения, отмеченный орденами Владимира 3-й и 4-й степеней, Станислава 1-й степени, Крестом кавалеров Св. Гроба Господня и другими, Н.П. Лихачев вышел в отставку с государственной службы для углубленных кабинетных изысканий по собранному и классифицированному материалу.

Однако Первая Мировая война, потом революции лишили его возможности реализовать обширнейший план научных занятий и проводить какие-либо систематические научные исследования.

Революционные события отняли все сбережения. Под угрозой уничтожения в условиях безвластия, массовых бесчинств и грабежей оказались коллекции. Чтобы уберечься от разбоя, семейство ученого баррикадировало двери тяжелым египетским саркофагом из его коллекции. Только в октябре 1917 г. при содействии А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Ольденбурга Министерство внутренних дел Временного правительства выставило у дома Лихачевых милицейский пост. Весной 1918 г. удалось получить от Наркомата по заведованию дворцами и музеями республики (2 марта), а затем от исполкома Петроградского совета (13 апреля) охранные удостоверения, гласившие, что дом и содержащиеся в нем собрания, библиотека, архив как особо ценные для науки не подлежат реквизиции. Из-за вынужденного переезда из Петрограда в Москву весной 1918 г. частично собрание было продано Отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР. Позднее сохранившуюся часть коллекции удалось «присоединить» как палеографический кабинет к Петроградскому археологическому институту.

В 1918 г. Н.П. Лихачев вновь был вынужден поступить на службу для пополнения скудного преподавательского заработка — в Совет Московского областного управления архивным делом, где он читал лекции. 6 июня 1919 г. он был утвержден правлением Российской государ-

размаха»... С. 7.

⁸⁶ Такое мнение высказано В.Л. Яниным. См.: Янин В.Л. К столетию со дня рождения Н.П. Лихачева... С. 16.

ственной археологической комиссии временным ученым сотрудником, а с осени — постоянным ученым сотрудником. В этой комиссии, позднее преобразованной в Российскую Академию истории материальной культуры, Лихачев проработал до начала 1930 г.

В самом начале 1920-х гг. Н.П. Лихачеву довелось пережить тяжелейший внутренний кризис, вызванный новыми драматическими обстоятельствами. Вокзальные воры похитили рукопись его многолетнего фундаментального труда по византийской сфрагистике, в котором, кроме интереснейшего материала, дававшего возможность анализировать посредством аналогий древнерусские сфрагистические источники, огромное внимание уделялось вопросам методики исследования. В то же время в Петрограде оставалась под угрозой гибели, по причине равнодушия властей и ужасающего состояния коммунального хозяйства, значительная часть его коллекции. Всерьез было подорвано здоровье некогда могучего духом и телом человека.

Помощь пришла в лице коллеги и друга А.В. Орешникова. Он содействовал и устройству на работу, и расширению сотрудничества Н.П. Лихачева в Академии истории материальной культуры. Научная деятельность Лихачева носила здесь многогранный характер. Он состоял сотрудником (с 1926 г. заведующим) разряда (отделения) археологии и раннехристианского и византийского искусства, разряда археологии и искусства западного Средневековья и Возрождения, а также комиссии по вопросам реставрации. Он участвовал (с декабря 1919 г.) в работе постоянной комиссии по нумизматике и глиптике, долгое время (с конца 1919 г.) был председателем Постоянной комиссии по изучению миниатюр, проводил многочисленные консультации, музейные экспертизы. За десять лет работы им было прочитано около 30 докладов и сообщений по византийской сфрагистике.

В начале 1920-х гг. Н.П. Лихачев являлся полномочным представителем русской стороны в архивно-библиотечной комиссии по возвращению Польше культурных ценностей согласно Рижскому мирному договору 1921 г., работавшей в Петрограде в Публичной библиотеке. Русскую сторону представляли также С.Ф. Платонов, М.К. Любавский, Д.И. Абрамович, В.В. Бахтин, О.А. Добиаш-Рожественская и др.

С 1 августа 1925 г. в результате очередной реорганизации в ведение Академии наук перешел собранный Лихачевым палеографический кабинет, ставший Музеем палеографии. Он сам в 1925–1930 г. исполнял должность директора музея и тогда же, в августе 1925 г., по инициативе С.Ф. Платонова был избран в действительные члены АН.

Будучи директором Музея палеографии, Н.П. Лихачев организовал выпуск Трудов Музея. Вышедший в 1928 г. 1-й том содержал пер-

вую часть его многолетнего фундаментального исследования о русских печатях — сфрагистического альбома «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики», посвященного общим методическим проблемам, вопросам принципиальной атрибуции древнерусских булл и атрибуции древнейших русских печатей. Спустя два года к выходу из печати готовилась вторая часть, которая по обилию и полноте использованных материалов могла стать незаменимой при исследованиях не только русской сфрагистики, но русской и восточной нумизматики, а также польской сфрагистики и геральдики.

Набор этого труда оказался уничтожен, потому что 28 января 1930 г. Н.П. Лихачев был арестован по печально известному «академическому делу».

Следствие и обвинение по делу Лихачева подкреплялись тем, что ученый никогда не скрывал своих монархических взглядов и высказывал их публично в прессе еще во время революции 1905 г. Свою точку зрения он излагал на страницах «Московских новостей», «Нового времени», его позиция читалась в его работах, он выражал отношение к происходящему в личной переписке. Н.П. Лихачев поддерживал монархические организации, выступал против материалистов, сторонников и участников революционного движения, против романтизации и пропаганды революции (в том числе через массовые публикации мемуаров революционеров о ссылках и каторге), категорически не поддерживал студенческие волнения. Он являлся членом консервативных организаций (Общества ревнителей русской истории, Общества просвещения в память императора Александра III, Историко-родословного общества), был одним из учредителей Русского генеалогического общества, членом Совета Министерства народного просвещения, Союза русских архивных деятелей, председателем комиссии о дворянских архивах Совета объединенного дворянства, членом правой организации «Русское собрание».

Против ученого были и его «заграничные связи»: почетное членство в Итальянском библиографическом обществе и членство в Афинском обществе византиноведов, многочисленные публикации в заграничных журналах и обширные личные контакты с иностранными коллегами.

Согласно обвинительному заключению, Н.П. Лихачев являлся одним из создателей контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», которая якобы имела целью свержение советской власти и установление конституционного монархического строя. Постановлением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. он был осужден и выслан на 5 лет в Астрахань. Еще до приговора, 2 февраля 1931 г., чрезвычайным общим собранием АН СССР академик Н.П. Лихачев вместе с академиками С.Ф. Платоновым, Е.В. Тарле и М.К. Любавским был исключен из числа действительных членов Академии.

Личное имущество Н.П. Лихачева подверглось конфискации, несмотря на то что таковая не предусматривалась приговором. Коллекции, библиотека, сочинения, собрание Музея палеографии были перевезены в Академию наук. Музей палеографии подвергся реорганизации и был преобразован в Музей книги, документа и письма.

В Астрахани знания, умения, опыт большого ученого оказались не востребуемыми. Сотрудники местного архива не воспользовались его предложением прочитать древние рукописи, которые сами они прочесть не умели. Лихачев получил разрешение заняться разбором древних монет, которые хранились в ведрах в местном музее, и только. Отсутствие денег, работы, продовольственных карточек было для 70-летнего Н.П. Лихачева непосильным испытанием.

В 1933 г. его супруге удалось добиться разрешения на возвращение мужа в Ленинград. По возвращении из астраханской ссылки старый и больной ученый безрезультатно пытался вернуть хотя бы часть конфискованных материалов для третьего выпуска сфрагистического альбома. А.В. Орешников передал ему свой экземпляр корректуры рукописи. Постоянной работы Н.П. Лихачев не получил, работал по договорам.

Последней опубликованной при жизни работой выдающегося русского ученого стало большое письмо в «Историческом сборнике» в апреле 1934 г. — отзыв на статью А.А. Введенского «Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв., критика работы наиболее известного дворянского источниковеда» в «Трудах Историко-археологического института» в 1933 г. В результате дискуссии к Лихачеву прикрепился ярлык «реакционера».

Н.П. Лихачев скончался в Ленинграде 14 апреля 1936 г. и был похоронен на Смоленском кладбище. При прощании с ним, кроме родных и друзей, присутствовало большое количество коллег-историков. На его смерть проникновенным некрологом откликнулся В.Н. Бенешевич,⁸⁷ который писал, что имени Лихачева должно принадлежать «одно из почетнейших мест в истории науки. Широтой и разнообразием своих замыслов, самоотверженной энергией в деле их осуществления, умением сосредоточить внимание на главном и важном без ущерба для исследования и мелочей Н.П. Лихачев достиг того, что его труды будут лежать в основе каждой попытки нового освещения труднейших вопросов русской истории, и не только русской».⁸⁸

⁸⁷ Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938) — один из крупнейших специалистов в области византиноведения, палеографии, источниковедения, канонического и гражданского права. В 1922, 1928–1930, 1937 г. подвергался репрессиям. Расстрелян.

⁸⁸ Цит. по: *Климанов Л.Г.* Николай Петрович Лихачев — коллекционер «сказоч-

В 1967 г. военная коллегия Верховного суда отменила постановление коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г., Н.П. Лихачева реабилитировали, дело было закрыто за отсутствием состава преступления. Постановлением Президиума АН СССР в 1968 г. Н.П. Лихачева посмертно восстановили в звании академика, что было подтверждено Постановлением общего собрания АН в 1990 г.

Список литературы

1. Бычкова М.Е. Николай Петрович Лихачев (12(24).04.1862–14.04.1936) // Труды Института российской истории РАН. М.: «Наука», 2006. № 6. С. 18–33.

2. Вспомогательные исторические дисциплины: к 60-летию со дня смерти академика Н.П. Лихачева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Т. XXVI. 368 с.

3. Звучат лишь письма. К 150-летию академика Николая Петровича Лихачева: Каталог выставки. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. 598 с.

4. Из коллекции академика Н.П. Лихачева: Каталог выставки. СПб.: «Седа-С», 1993. 280 с.

5. Климанов Л.Г. Н.П. Лихачев: «Быть, чем только могу, полезным первенствующему ученому сословию» // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: «Наука», 1995. С. 91–107.

6. Измайлова С.Ю. Творческая лаборатория провинциального ученого (по материалам переписки казанского археолога и нумизмата А.Ф. Лихачева) // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 75–100.

7. Измайлова С.Ю. Исследования А.Ф. Лихачева. Начальный этап изучения первобытных древностей казанского Поволжья // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 8–25.

8. Измайлова С.Ю., Назипова Г.Р. «Казанский антиквариум». Казань: «Фолиантъ», 2006. 200 с.

9. Климанов Л.Г. Ученый и коллекционер, «известный всей России, а еще более Европе» // Репрессированная наука: Сборник. Вып. 1. Л.: «Наука», 1991. С. 424–453.

10. Москаленко А.В. Музей палеографии АН СССР: от собрания древностей Н.П. Лихачева к институту вспомогательных исторических дисциплин // Фотография. Изображение. Документ. 2011. № 2 (2). С. 17–22.

11. Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию

со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936). Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXI. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. 446 с.

12. *Панченко Е.З.* Дом Н.П. Лихачева (Петрозаводская, 7) // Фон-танка. Культурно-исторический альманах. 2017. № 22. С. 6–20.

13. *Простоволосова Л.Н.* Н.П. Лихачев: судьба и книги. Библио-графический указатель. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. 60 с.

14. *Руденко К.А.* Творческая лаборатория А.Ф. Лихачева: от кол-лекционера к ученому // Ученые записки Казанского университета. 2012. Т. 154. Кн. 3. С. 187–198.

15. *Руденко К.А.* Казанские коллекционеры и их коллекции пер-вой половины XIX в. // Вестник Казанского государственного универси-тета культуры и искусств. 2013. № 4. Ч. 2. С. 23–25.

16. *Руденко К.А.* Личность и наука: роль образования в формиро-вании научного подхода в коллекционировании древностей во второй половине XIX в. (по материалам архива А.Ф. Лихачева) // Вестник Казан-ского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1. С. 106–109.

17. *Янин В.Л.* К столетию со дня рождения Н.П. Лихачева (12/24. IV.1862 г. — 14.IV.1936 г.) // Советская археология. 1962. № 2. С. 10–16.

Сведения об авторе

Агейчева Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета кафедры источниковедения МГУ им. М.В. Ломоносова. tatiana.ageicheva@yandex.ru

Н.В. Иртенина
N.V. Irtenina

РОДОМ ИЗ МАЛОРОССИЙСКИХ КАЗАКОВ: ЛЕТЧИК ИВАН КОЖЕДУБ. УТОЧНЕНИЯ К БИОГРАФИИ ORIGINALLY FROM UKRAINIAN COSSACKS: PILOT IVAN KOZHEDUB. CLARIFICATIONS TO THE BIOGRAPHY

Аннотация:

На основе архивных документов восстанавливается родословие по мужской линии маршала авиации СССР, трижды Героя Советского Со-юза И.Н. Кожедуба. Опровергаются сведения его официальной биогра-фии о том, что И.Н. Кожедуб родился в крестьянской семье. Приводятся документальные доказательства о принадлежности рода Кожедубов (Кожадубов) к сословию малороссийского казачества. Родословная ли-

ния прослеживается по церковным исповедным росписям и метрическим книгам до рубежа XVII—XVIII вв. Высказываются предположения о путях дальнейших поисков информации о казачьей службе предков И.Н. Кожедуба. Уточняются и корректируются некоторые другие семейные сведения, в частности, устанавливается на основе метрической записи точная дата рождения И.Н. Кожедуба, отличная от официальной. Приводятся соображения по поводу причин сокрытия факта казачьего происхождения рода И.Н. Кожедуба.

Ключевые слова: Иван Никитич Кожедуб, малороссийские казаки, село Ображеевка, Нежинский полк, Гетманщина, исповедные росписи, метрические книги, дата рождения И.Н. Кожедуба.

До сих пор биографические сведения начального этапа жизни прославленного советского летчика-аса Ивана Никитича Кожедуба, а также информация о его происхождении были известны лишь со слов самого И.Н. Кожедуба. Существуют несколько изданий его мемуаров в разных редакциях,⁸⁹ но архивно-документальное исследование информации, которую сообщает о своем рождении и своей семье автор воспоминаний, никем не проводилось. В научно-популярной биографии И.Н. Кожедуба, созданной Н.Г. Бодрихиным⁹⁰ и единственной на данный момент, просто повторяются сведения из мемуаров, которые, как будет показано ниже, во многих деталях неверны, в том числе дата появления на свет будущего героя. Кроме того, Н.Г. Бодрихин, основываясь на словах родственников знаменитого летчика, выдвигает свою версию о дате его рождения, также, как будет показано, ошибочную. Никем не проводилось и генеалогическое исследование рода И.Н. Кожедуба, поскольку крестьянские родословия поныне не представляют особого интереса для исторической науки. Исследуются они минимально. Однако в данном случае ясно, что сведения о крестьянском происхождении легендарного летчика не соответствуют действительности. Родословие И.Н. Кожедуба, отчасти изученное автором статьи, потребует дальнейших исследований и создания уточненной биографии маршала авиации с учетом найденных архивных сведений.

В современных генеалогических исследованиях нередко возникает проблема несоответствия официальных биографических све-

⁸⁹ Кожедуб И.Н. Служу Родине. М.-Л.: Детгиз, 1949; Кожедуб И.Н. Верность Отчизне. М.: «Детская литература», 1969. 430 с.; Кожедуб И.Н. Неизвестный Кожедуб. Служу Родине. М.: «Яуза», «Эксмо», 2009. 368 с.

⁹⁰ Бодрихин Н.Г. Кожедуб. М.: «Молодая гвардия», 2010. 431 с. («Жизнь замечательных людей»).

дений советского времени и обнаруживаемой в архивных документах информации за более ранний, досоветский период. Господствующие идеологические установки, классовые приоритеты в советской политике, террор и репрессии по сословному признаку против представителей дворянства, купечества, духовенства, казачества, офицерства, зажиточного крестьянства — все это вынуждало людей «неправильного» происхождения скрывать свои истинные биографические данные. В целях самозащиты как отдельные лица, так и целые семьи меняли фамилии, отчества, а в анкетных данных понижали сословный статус родителей и всего рода до разночинского или рабоче-крестьянского. Даже дата и место рождения могли подменяться другими, чтобы невозможно было обнаружить подлинные сведения о происхождении человека по церковным метрическим книгам. Люди осознанно предавали забвению своих предков, и вновь нарождавшиеся поколения уже ничего не знали о своих корнях, об истории семьи до 1917 г., росли в атмосфере своеобразного «культа безродности», насаждавшегося в советское время.

Но архивные документы помнят всё, а интерес к генеалогическим поискам в стране за последние 30 лет нарастает лавинообразно: многие открывают для себя историю своих предков как нечто ранее совершенно неведомое, сталкиваются с неожиданными находками. В последние годы генеалогические разыскания облегчает современный электронный инструментарий. Генеалогические интернет-порталы с огромным объемом уже наработанной информации, оцифровка архивами документов генеалогического свойства и выкладывание цифровых копий в открытый доступ на сайтах, индексирование информации, содержащейся в этих документах, разработка систем автоматизированного поиска, в том числе с задействованием искусственного интеллекта — все это входит в число «орудий труда» современного генеалога. И если существуют непреодолимые препятствия к физическому поиску в архивах, как, например, слабая доступность украинских архивов с 2014 г. для исследователей из России, то электронные архивы эту проблему снимают, пускай и не полностью. Более того, в разы ускоряют поиск и делают его намного продуктивнее.

Будущий трижды Герой Советского Союза, маршал авиации Иван Никитич Кожедуб родился в селе Ображеевка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии (укр. Ображиевка; ныне Шосткинский район Сумской области). Официальная дата рождения — 8 июня 1920 г. В мемуарах И.Н. Кожедуба сообщается, что его отец-крестьянин работал на заводе.⁹¹ Это лишь отчасти достоверная информация: неподалеку от Ображеевки в селе Шостка с XVIII в. существовал пороховой завод, на котором

⁹¹ См.: Кожедуб И.Н. Верность Отчизне.

трудилось окрестное население. Но род занятий Никиты Илларионовича Кожедуба (или Кожадуба, как писалась фамилия до 1917 г.) еще ничего не говорит о его сословной принадлежности. Между тем в церковных метрических записях о рождении старших братьев и сестры Ивана Кожедуба их отец записан казаком. В метрической записи о браковенчании Никиты Илларионовича Кожадуба он также обозначен как казак села Ображеевки.⁹² Аналогично и дед Ивана — Илларион Стефанович Кожадуб в метрической записи о смерти в 1913 г. значится казаком.⁹³

Иначе говоря, род Кожадубов села Ображеевки принадлежал к сословию малороссийских казаков, существовавшему до 1917 г., когда были отменены вообще все сословия. Причины сокрытия этой информации, забвения казачьего происхождения в семье Кожедубов как будто очевидны: политика рассказывания, массового террора в отношении казачества, проводившаяся советской властью с 1919 г. до середины 1920-х гг. Применялась эта политика главным образом к казачеству донскому, кубанскому, терскому, оренбургскому, уральскому, т. е. имевшему свои войсковые организации и формировавшему в годы Гражданской войны военные части для борьбы с большевизмом, — а малороссийское казачество своего войска не имело с 1782 г. Но понятие «казак» в ранние годы советской власти было столь радикально стигматизировано, что принадлежать вообще к какому бы то ни было казачеству, хотя бы даже «красному», иметь предков-казаков становилось опасно. Мы не имеем сведений о массовых репрессиях и терроре в отношении малороссийского казачества в годы Гражданской войны и сразу после ее окончания на территории УССР. Однако в период «самостийности» Украины осуществлялась попытка воскресить былое украинское казачество, «запорожское лицарство», посредством переформатирования армии на казацкий манер, введения старых казацких званий. После водворения на Украине советской власти участь не успевших уйти с территории ликвидированной УНР участников военных националистических формирований, очевидно, не отличалась от судеб иных противников большевизма. К тому же декларации о рассказывании и «поголовном истреблении» основной массы казаков, печатавшиеся в советской прессе в 1919 г., не могли не наводить ужас на население исторических казачьих земель. Многие из тех, кто прежде числились казаками, предпочли попросту забыть о своем происхождении.

На Украине забыть об этом было тем проще, что с середины XIX в. сельское малороссийское казачество уже ничем не отличалось

⁹² Государственный архив Сумской области (далее ГАСО). Ф. 1190, оп. 2, д. 22. Л. 188 об.

⁹³ ГАСО. Ф. 1193, оп. 1, д. 55. Л. 146 об.

от крестьянства. Лишенное Екатериной II собственной войсковой организации (гетманата и сотенно-полкового военно-административного устройства, так называемой Гетманщины), на протяжении следующего столетия оно постепенно утрачивало свою особость, а тем более боевой дух. Хотя казачьи органы самоуправления сохранялись вплоть до 1917 г., происходило активное смешивание казачества с крестьянской средой через браки, кумовство. В последние десятилетия XIX в. малороссийские казаки «не неся каких-либо особенных обязанностей... различаются от крестьян больше лишь по одному названию».⁹⁴

Из семьи такого крестьянствующего казака и происходил И.Н. Кожедуб. По сохранившимся метрическим книгам и исповедным росписям за XIX и XVIII вв. нам удалось воссоздать его родословие по мужской линии до начала XVIII столетия.

Само село Ображеевка, расположенное в 12 км к юго-востоку от Новгорода-Северского, основано в 1669 г. по дозволению черниговского архиепископа Лазаря Барановича и изначально называлось Преображенское (Преображеевка) — от имени Преображенского монастыря в Новгороде-Северском, где жил в то время черниговский владыка. Позднее название сократилось до Бражеевки или Ображеевки. А вот храм в селе был освящен во имя Архангела Михаила, и никогда в нем не было Преображенской церкви, как ошибочно считает Н.Г. Бодрихин, биограф И.Н. Кожедуба. Владел селом Черниговский Борисоглебский монастырь, т. е. обители принадлежали крестьяне села, однако «ображеевское население в XVIII в. состояло главным образом из казаков»,⁹⁵ лично свободных. Так, по исповедной росписи 1743 г. в Ображеевке числилось почти 600 казаков и членов их семей обоего пола, посполитых же, т. е. крестьян, обоего пола — немногим более сотни.⁹⁶ В 1787 г. картина та же: более тысячи казаков и членов их семей, посполитых — около 200.⁹⁷ По военно-административному делению Гетманщины, отмененному в 1782 г., село относилось к Воронежской сотне Нежинского полка (сотенный центр — местечко Воронеж, не путать с городом Воронежем).

Фамилия Кожадуб (Кожедуб) означает, что зачинателем рода был мастеровой по выделке кож. Вероятно, мещанин, показавшийся в середине — второй половине XVII в., во времена Хмельничины

⁹⁴ *Стороженко Н.В.* Очерк из истории малороссийских казаков в конце XVII и в начале XIX века. Киев, 1898. С. 3.

⁹⁵ *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии. Т. II. Нежинский полк. Киев, 1893. С. 349.

⁹⁶ Государственный архив Черниговской области (далее ГАЧО). Ф. 679, оп. 1, д. 339. Л. 193.

⁹⁷ ГАЧО. Ф. 712, оп. 1, д. 209. Л. 184 об.

или в последовавшие за ней бурные десятилетия постоянных войн, мятежей и раздоров на земле Малороссии. Исповедная роспись Михайловской церкви за 1743 г. — наиболее ранний документ церковного учета населения по Ображеевке. В категории «военные и их домашние» («полку Нежинского сотни Воронежской казаки») находим Федора Михайлова Кожадуба 42 лет и жену его Вассу Иванову, его братьев — Самуила 36 лет и Ермолая 22 лет (возраст определялся «на глазок», по внешнему виду, поэтому, как правило, не точен) и сыновей Федора Михайловича на тот год — Сергея 15 лет и Афанасия 10 лет.⁹⁸ Федор Михайлович Кожадуб, ровесник XVIII столетия, — первый из известных нам представителей рода (если не считать его отца Михаила Кожадуба, документально нами не зафиксированного).

Из документов нецерковного происхождения нам доступна Присяга на верность императрице Анне Иоанновне со списками присягавшего в 1731–1732 г. малороссийского казачества всех 10 полков Гетманщины.⁹⁹ Среди казаков Воронежской сотни села Бражеевки видим Ярмолу Кажодубенко. Это Ермолай из исповедной росписи 1743 г., самый младший брат Федора Михайловича. Поскольку присягать могли подростки-казаки начиная с 12 лет, следует откорректировать его возраст. Очевидно, старшие в роду на момент принятия присяги отсутствовали в селе (могли нести службу в дальних походах), поэтому присягать императрице за всю семью пришлось самому юному.

В 1732 г. присягал и еще один Кожадуб — Иван — из села Хильчин (совр. Хильчич), что в 25 км к северу от Ображеевки. Но относилось это село к Новгородской сотне Стародубского полка. В хильчинских Кожадубах, по-видимому, следует предполагать боковую родственную ветвь.

В исповедной росписи той же церкви за 1749 г.¹⁰⁰ у Федора Михайловича указаны еще два сына, родившиеся за прошедшие годы, — Федор и Потаний. У Ермолая появился сын Дмитрий. Указаны также дворовые люди — вдова со взрослым сыном и младшими детьми: это так называемые «подсоседки», неимущие бездворные казаки, пошедшие в услужение к более зажиточным казакам-односельчанам, либо крестьяне, нанятые для ведения дворового хозяйства.

Тот факт, что Кожадубы остались записаны казаками после упразднения войсковой организации Малороссии, свидетельствует

⁹⁸ ГАЧО. Ф. 679, оп. 1, д. 339. Л. 168.

⁹⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 248, оп. 103, д. 8250. В том же архиве хранятся дела с присягами казачьих полков наследнику царевичу Петру Петровичу 1718 г. (ф. 140, оп. 1), также с поименными списками старшины и рядового «товарищества».

¹⁰⁰ ГАЧО. Ф. 679, оп. 1, д. 343. Л. 115.

об их принадлежности к казакам «выборным», состоятельным. Разделение всей казачьей массы Гетманщины на выборных и подпомощников было произведено в 1735 г. В 20-тысячный реестр выборных оказались зачислены те, кто имел со своего хозяйства доход, позволяющий казаку нести службу, обеспечивать все необходимое в дальних походах снаряжение (коней, амуницию, оружие, порох, продукты). Кто не имел такого достатка, был освобожден от несения военной службы и стал подпомощником, обязанным обслуживать выборных, обрабатывать их земли и т. п. Но до конца 1760-х гг. еще был возможен свободный переход из одной категории в другую, причем в обе стороны. Более того, широко практиковался переход из крестьян в казаки и обратно. Генеральная опись Левобережной Украины, произведенная по распоряжению генерал-губернатора Малороссии графа П.А. Румянцева в 1764–1769 г., а затем окончательная ликвидация Гетманщины к 1782 г. положили конец этим переходам. Кто был записан выборным — сохранили статус казаков, все прочие попали в категорию крестьян, казенных или уже крепостных.

Вместо 10 полков запорожского гетманского казачества указом Екатерины II создавались полки регулярные — карабинерные, с теми же названиями, куда в добровольно-принудительном порядке зачисляли казаков. В списке Нежинского полка за 1784–1785 г. в Воронежской сотне (полки только-только формировались, поэтому еще сохранялась прежняя казачья терминология) обнаруживаем Ивана Кожодуба.¹⁰¹ Исповедные росписи Михайловской церкви Ображеевки за 1784 и 1787 г. позволяют предположительно идентифицировать этого казака как внука Федора Михайловича — Ивана Сергеевича. Прослужил он, однако, по каким-то причинам недолго и в 1787 г. был уже дома. Хотя не исключена версия, что это какой-то другой казак Иван Кожадуб из какого-нибудь близлежащего села.

В исповедной росписи 1787 г. зафиксировано разросшееся семейство Кожадубов.¹⁰² Владельцем двора (старшим в роду) указан Афанасий Федорович 60 лет. Эту линию рода продолжают его сын Пантелеймон и внук Даниил. Видим здесь и потомство младших братьев Федора Михайловича, Самуила и Ермолая. Дочь Самуила — Анна Самойловна замужем за Евмением Кирилловичем, который вошел в семью Кожадубов примаком, взяв их фамилию. У них сын Кондрат, который, по нашим уверенным предположениям, и является прямым предком летчика Ивана Кожедуба. За первую треть XIX столетия в документах церковного учета по Ображеевке имеется большая лакуна, зато в ме-

¹⁰¹ Именные списки казаков украинских полков, проходящих войсковую службу в 1784–1785 г. Харьков, 2012. С. 43.

¹⁰² ГАЧО. Ф. 712, оп. 1, д. 209. Лл. 175 об. — 176.

трических книгах 1830 и 1836 г. фигурирует Стефан Кондратов Кожадуб. Как и его отец, он дважды вступал в брак (из-за смерти первой жены) и, очевидно, производил на свет детей до весьма зрелых лет. Илларион Стефанович Кожадуб, дед летчика, родился в конце 1840-х гг., как видно из указания возраста в записи о его смерти в 1913 г. (запись о его рождении, к сожалению, найти невозможно за отсутствием метрических книг 1840-х гг.).

Впрочем, в роду был еще один Стефан — сын Пантелеймона Афанасьевича, родившийся в 1795 г. Мог ли он, при условии, что выжил и достиг зрелости, стать отцом Иллариона в возрасте за 50 лет? Вероятно, мог. Ни подтвердить, ни опровергнуть этого по имеющимся церковным документам нельзя, слишком мало их сохранилось.

Жену Иллариона Стефановича, бабушку И.Н. Кожедуба, звали Варвара Феодосьевна.

Подробности о несении службы казаками гетманского Войска запорожского следует искать в Киеве, в Центральном государственном историческом архиве Украины (ЦГИАК), в фондах Генеральной войсковой канцелярии, Нежинской полковой канцелярии, обоих Малороссийских коллегий. Какую-то информацию об ображеевских Кожадубах можно будет найти в различных ревизиях Нежинского полка (ревизии всех полков Гетманщины проводились периодически на протяжении 1720-х — 1760-х гг.: фиксировались сведения о наличном составе казаков, о пребывании их в различных походах, давалась информация об имущественном состоянии казачьих семей). Детальные сведения об имущественном положении рода Кожадубов в середине XVIII в., вероятно, может дать уже упоминавшаяся Генеральная опись Левобережной Украины второй половины 1760-х гг.¹⁰³

В XIX столетии малороссийские казаки привлекались к военной службе лишь периодически, когда возникала острая нужда государства в привлечении дополнительных боевых и резервных сил. Наиболее интересны в этом плане 1812–1815 г., когда для отражения наполеоновского нашествия в Малороссии были сформированы 19 казачьих полков, в том числе шесть в Черниговской губернии. Если кто-то из рода ображеевских Кожадубов зачислился в это казачье войско, то, скорее всего, служил либо во 2-м Черниговском полку, либо в 4-м Черниговском. Последний формировался недалеко от Ображеевки, в бывшем сотенном местечке Воронеж. Именные списки казаков Черниговских полков времен Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода, а также месяч-

¹⁰³ Подробное подворное описание Ображеевки содержится в 147 т. Румянцевской описи, в которой село отнесено к Новгородской сотне Стародубского полка (ЦГИАК. Ф. 57, оп. 1, д. 147. Лл. 1225–1259, 1272–1276).

ные рапорты полков за 1814–1815 г. хранятся в военно-историческом архиве Москвы.¹⁰⁴ В последующие несколько десятилетий резервные полки из черниговских и полтавских казаков формировались в годы польских мятежей (1831, 1863–1864 г.) и во время Крымской войны (1853–1856 г.), участия в боевых действиях они уже не принимали.

Никита Илларионович Кожадуб родился приблизительно в 1888 г., о чем свидетельствует запись о браковенчании в метрической книге Казанской церкви села Мироновки Глуховского уезда за 1906 г. (невеста была родом из деревни Крупца или Крупец, что рядом с Мироновкой).¹⁰⁵ В биографии И.Н. Кожедуба за авторством Н.Г. Бодрихина дата вступления в брак отца героя книги (1907 г.) приведена неверно. Ошибочны и некоторые другие сведения. Так, девичья фамилия матери И.Н. Кожедуба, Стефаниды Ивановны, — Геремес, а не Веремес. Неверно указаны годы рождения детей и их число. По метрическим книгам Ображеевки и Мироновки восстанавливается такая хронология рождения братьев и сестры И.Н. Кожедуба: 1908 г. — Яков;¹⁰⁶ 1909 г. — Михаил (умер в 1911 г.); 1910 г. — Матрона; 1912 г. — Александр; 1914 г. — Георгий (впоследствии имя изменили на Григорий);¹⁰⁷ 1915 г. — Федор (умер в 1916 г.);¹⁰⁸ 1917 г. — Афанасий (умер в том же году).¹⁰⁹ Итого трое детей умерли во младенчестве. Иван был последним ребенком в семье. Всего детей родилось восемь, а не пять, как утверждает в биографиях И.Н. Кожедуба, — пятеро выжили.

Запись о рождении сына Ивана у Никиты Илларионовича Кожедуба была сделана уже не в церковной метрической книге, а в Книге записей рождений, браков и умерших Ивотского волостного отдела записи актов гражданского состояния. Ныне она хранится в Государственном архиве Сумской области.¹¹⁰ Итак, точная дата рождения Ивана Никитича Кожедуба — 20 июня 1919 г. Не 8 июня, не 1920 г. и не 1922-й, как предполагает Н.Г. Бодрихин, исходя из семейной легенды о том, что Иван Никитич прибавил себе два года, чтобы поступить в техникум. Очевидно, автор биографии прославленного летчика был введен в заблуждение рассказом его родственников о том, как в 1960-е гг. из Ображеевки семье Кожедуба якобы прислали вырванный из метрической книги Преображенской церкви лист, где стояла точная дата рождения. Лист этот якобы затерялся в квар-

¹⁰⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 395 Инспекторский департамент, оп. 311.

¹⁰⁵ ГАСО. Ф. 1190, оп. 2, д. 22. Л. 188 об.

¹⁰⁶ ГАСО. Ф. 1193, оп. 1, д. 45. Л. 218 об.

¹⁰⁷ ГАСО. Ф. 1193, оп. 1, д. 54. Лл. 12 об., 54 об., 112 об., 161 об.

¹⁰⁸ ГАСО. Ф. 1190, оп. 2, д. 39. Л. 63 об.

¹⁰⁹ ГАСО. Ф. 1193, оп. 1, д. 55. Л. 230 об.

¹¹⁰ ГАСО ф. 1193, оп. 1, д. 52. Л. 206 об.

тире среди бумаг, и биографу взглянуть на него не удалось. С обнаружением подлинной записи понятно, что такого листа никогда не существовало, как не было в Ображеевке и Преображенской церкви.

В той же записи содержатся сведения о родителях новорожденного: отец, 32 г.да — чернорабочий, мать, 35 лет — по домашнему хозяйству. Там же в отдельной графе сообщается, что это восьмой ребенок в семье, трое умерли.

По метрическим книгам из Сумского архива удалось немного уточнить родословные сведения о матери И.Н. Кожедуба. Родилась она в 1882 г. Ее родители — казенные крестьяне деревни Крупца Иван Пантелеймонович Геремес, мать — Пульхерия Григорьевна.¹¹¹ Дед — Пантелеймон Васильевич, умер в 1857 г. в возрасте около 34 лет.¹¹²

Отсутствие исповедных росписей Михайловской церкви Ображеевки за XIX в. не позволяет проследить, насколько разветвленным стал род Кожадубов. Возможно, в архивах сохранились какие-то посемейные списки, подворные хозяйственные переписи Ображеевки за конец XIX — первую четверть XX в. Косвенно о многолюдности ображеевского рода Кожедубов свидетельствует факт, приведенный в книге Н.Г. Бодрихина: на памятнике погибшим во время Великой Отечественной войны односельчанам выбиты фамилии нескольких Кожедубов. На вопрос, не родственники ли они знаменитого летчика, местные жители отвечают отрицательно: однофамильцы. Очевидно, что память людская, в том числе самих представителей фамилии, не сохранила воспоминаний об общем предке, основателе рода Кожадубов, жившем в Ображеевке в начале XVIII столетия. Как и о том, что род был казачий.

Итак, воссозданное родословие И.Н. Кожедуба по мужской линии убедительно доказывает, что предки советского маршала авиации несли казачью службу как минимум на протяжении XVIII в. Требуют изучения вопросы, в какой период времени род показачился и служили ли его представители в малороссийских казачьих полках, периодически формировавшихся на короткое время в 1812—1864 гг. по царским указам в связи с военной необходимостью. Дискуссионный же вопрос о дате рождения летчика-героя, легенды советской авиации, можно считать закрытым.

Список литературы

1. Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. II. Нежинский полк. Киев, 1893. 552 с.

¹¹¹ ГАСО. Ф. 1190, оп. 1, д. 2. Л. 144 об.

¹¹² ГАСО. Ф. 1138, оп. 1, д. 3. Л. 166 об.

2. *Стороженко Н.В.* Очерк из истории малороссийских казаков в конце XVII и в начале XIX века. Оттиск из журнала «Киевская старина». Киев, 1898. 104 с.

3. *Бодрихин Н.Г.* Кожедуб. М.: «Молодая гвардия», 2010. 431 с. («Жизнь замечательных людей»).

4. *Абалихин Б.С.* Украинское ополчение в войне 1812 г.да // Исторические записки. Т. 72. М., 1962. С. 87–118.

Сведения об авторе

Иртенина Наталья Валерьевна, член Союза писателей России, редактор журнала «Вестник МГУТУ», исследователь генеалогии малороссийского казачества.

Д.М. Володихин
D.M. Volodikhin

О ВЫКУПЕ РУССКИХ ПЛЕННИКОВ В КРЫМУ ПО МАТЕРИАЛАМ КЛАДА ИЗ ГРУШЕВКИ 2022 Г.

ABOUT THE RANSOM OF RUSSIAN PRISONERS IN THE CRIMEA BASED ON THE MATERIALS OF THE TREASURE FROM GRUSHEVKA 2022

Аннотация:

Производится датировка и атрибуция клада середины XVII в., обнаруженного в районе с. Грушевка (Крым). Состав клада — испанская монета 4 реала и 17 московских серебряных копеек — косвенно свидетельствует о русском происхождении целого ряда кладов испанских монет XVI—XVII вв. на территории Крымского полуострова. С большой долей вероятности, их использовали для выкупа пленников. Путь «макуинов» (монет неправильной формы, изготавливавшихся на территории Испанской империи в XVI—XVIII столетиях) в Крым пролегал, по всей видимости, через борта нидерландских кораблей, захватывавших испанское серебро, через северные арктические моря, через Москву, где голландцы так или иначе оставляли свое серебро, меняя его на товары или на серебряные русские монеты, а затем оттуда — на полуостров, в руки тех, кто захватывал пленников в результате набегов на территорию России. Периоды правления царей Михаила Федоровича и (в несколько меньшей степени) Алексея Михайловича как раз характеризуются обострением борьбы с рейдами крымцев на южных рубежах Российского государства. Отсюда и обильный приток в Крым выкупного серебра, вносившегося авторитетной массовой крупной по размеру монетой западноевропейского происхождения.

Ключевые слова: социальная история, экономическая история, нумизматика, Крымское ханство, Московское царство, XVII век.

Abstract:

Dating and attribution of the treasure of the middle of the XVII century, discovered in the area of Grushevka (Crimea), is being carried out. The composition of the treasure — a Spanish 4 reales coin and 17 Moscow silver kopecks — indirectly testifies to the Russian origin of a number of Crimean hoards consisting of 16–17th century Spanish coins. With a high degree of probability, they were used to ransom prisoners. The way of «macuquinas» (irregularly shaped coins made on the territory of the Spanish Empire during the period of XVI—XVIII centuries) to the Crimea ran, apparently, through the boards of Dutch ships, that captured Spanish silver, through the northern Arctic seas, through Moscow, where the Dutch somehow left their silver, exchanging it for goods or for silver Russian coins, and then from there to the peninsula, into the hands of those who captured prisoners as a result of raids on the territory of Russia. The periods of the rule of Mikhail Fedorovich and (to a somewhat lesser extent) Alexei Mikhailovich are characterized by the intensification of the struggle against the raids of the Crimeans on the southern borders of the Russian state. Hence the abundant influx of redeemable silver into the Crimea, which was brought in by an authoritative mass large-sized coin of Western European origin.

Keywords: social history, economic history, numismatics, Crimean Khanate, Moscow Kingdom, XVII century.

В феврале 2022 г. на территории Белогорского района республики Крым, в лесу около села Грушевка был обнаружен клад: одна испанская монета неправильной формы (макукин) и 17 серебряных русских копеек. Сопутствующих материалов (других нумизматических памятников и иных металлических предметов, относящихся к сфере археологии) найдено не было в радиусе 500 м от места находки.

После необходимой чистки русских монет автор этих строк произвел их определение. Группа разделилась на две части.

К первой из них относятся 16 копеек времен царствования Михаила Федоровича. Некоторые сильно пострадали, поэтому более точное определение затруднено. Вес колеблется в широких пределах от 0,40 до 0,48 г. Во всех случаях, когда определение возможно, это монеты московского либо ярославского чекана, выпущенные в период с конца 1610-х по 1630-е гг.¹¹³

¹¹³ Гарост С.А. Монеты России 1462–1717: Каталог-справочник. Мн., 2012. №№ 69, 138 (или 159), 185, 200, 217, 279 (или 305), 282 (или 294), 401 (2 экз.), 472.

Ко второй части относится 1 копейка времен царствования Алексея Михайловича.¹¹⁴

Испанская монета номиналом в 4 реала относится к чеканке Севильского монетного двора периода правления Филиппа IV, скорее всего, 1633 г.¹¹⁵ Монета сильно обрезана, общий вес 11,41 г. Пробирщик должен быть обозначен литерой «R» (Gerónimo / Jerónimo Rodríguez), отсутствующей на монете из-за ее повреждения. Это широко распространенная, можно сказать, массового государственного выпуска монета. За помощь в определении испанской монеты автор этих строк искренне благодарит знатока макукинов М.С. Мальцева.

В целом состав клада заставляет предположить, что данный комплекс нумизматических памятников сложился в начале царствования Алексея Михайловича, т. е., скорее всего, он относится ко второй половине 40-х гг. XVII столетия, не ранее 1645 г., когда Алексей Михайлович вззошел на трон.

В современной отечественной нумизматике известно относительно небольшое число кладов испанских монет колониальной эры, найденных на территории России, описанных и атрибутированных в научной литературе. Среди важнейших кладов подобного рода необходимо упомянуть Ипатьевский, Коломенский (Москва), Севастопольский, Таманский — и вот теперь клад Грушевский. Деятельность частных («черных») археологов так или иначе дала свидетельства целого ряда иных кладов подобного рода и, кроме того, отдельных испанских монет указанного периода, обнаруженных в конце XX-го и в XXI столетии на территории Крымского полуострова. Эти нумизматические памятники, к сожалению, в значительной степени рассеялись по аукционам, по частным собраниям и могут в перспективе получить научное описание лишь частично.¹¹⁶

¹¹⁴ Гарост С.А. Монеты России 1462–1717. Похоже на №№ 12 и 100, точного соответствия нет. Вес 0,46 г.

¹¹⁵ Numismatica Española. Barcelona, 2019. С. 181. Тип 292, № 1193.

¹¹⁶ Беляков А.С. Коломенский клад испанских и испано-американских монет первой трети XVII века // Труды Государственного исторического музея. Вып. № 50. М., 1980. С. 60–164; Мельникова А.С., Векслер А.Г. Новые монетные клады в Москве // Археологические открытия 1971 г. М., 1972. С. 110; Фролова Н.А. Севастопольский клад монет XVI—XVII веков из собрания Эрмитажа // Хранитель. Исследователь. Учитель. К 85-летию В.М. Потина. СПб., 2005. С. 111–116; Таценко С.Н. Ипатьевский клад испанских и испано-американских монет первой трети XVII в. из собрания Музея истории Москвы: состав и датировка // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XIX. Труды ГИМ. Вып. 192. М., 2012. С. 93–102; Мальцев М.С. Таманский клад испанских монет конца XVI — начала XVII в. // Историческое обозрение. Вып. 23. М., 2022. С. 54–87.

Проблема атрибуции монет из кладов стоит остро. С одной стороны, крымские макукины — это не трудно определяемые сребреники времен Владимира Святого, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого. Они без особенных усилий могут быть четко соотнесены с определенным местом чеканки и временем изготовления, подделки обнаруживаются так же довольно легко. Однако происхождение монет в составе того или иного клада не фиксируется специалистами-археологами и не получает отражения в научной документации экспедиций, музеев, академических учреждений. Приходится полагаться на слова «находчиков», т. е. тех же «черных» археологов. И тут каждый специалист, анализирующий подобного рода материал, должен сам для себя решить, насколько он доверяет сведениям, поступившим из такого источника. Находчик порой проявляет доброжелательность и желание сотрудничать с научным сообществом. Но он, во-первых, находится под страхом возможного уголовного преследования и, во-вторых, не торопится раскрывать места, где аналогичные клады могут вновь стать частью его «добычи». По опыту общения такого рода, данные, полученные этим путем, чаще всего достоверны (как минимум, правдоподобны), однако могут иметь расплывчатый вид. Иначе говоря, чаще всего специалист получает в ответ на свой вопрос о месте/времени находки ответ следующего содержания: такой-то район, рядом с таким-то населенным пунктом.

Если учесть не только археологические находки, принадлежащие деятельности официальных государственных экспедиций, но и находки, относящиеся к деятельности частных археологов, вырисовывается парадоксальная картина: на территории Крымского полуострова с XIX в. по настоящее время обнаружено колоссальное количество макукинов конца XVI-го и особенно первой половины XVII столетия; их столь много, что целый ряд областей, входивших в состав самой Испанской империи, не отмечен сравнимым количеством находок. Крым в этом смысле — богаче.

Автору этих строк уже приходилось давать объяснение обилию кладовых монет испанского происхождения в России.¹¹⁷ Нидерланды наладили превосходные отношения с первыми государями из династии Романовых, вели постоянную торговлю, основывали на русской земле промышленные предприятия. Они располагали колоссальными ресурсами имперского серебра, полученного как путем грабительских рейдов против испанского флота, так и путем простой мирной торговли. Поток серебряной испанской монеты через Нидерланды в Россию значительно «обмелел» после прекращения испано-нидерландских боевых действий

¹¹⁷ Володихин Д.М. Макукин: Мехико—Москва—Крым // Коллекция (электронное издание, материал опубликован 04.04.2021): <https://sammlung.ru/?p=35111> (дата обращения: 21.06.2022).

в 1648 г. Здесь, на территории России, предприимчивые голландцы не могли использовать испанское серебро напрямую, так как его хождение было законодательно запрещено; они сдавали макукины на царские монетные дворы, чтобы получать оттуда ходячую русскую монету — серебряную копейку с изображением всадника-«ездеца», именем и титулом государя. Подобная операция во владениях русских государей не просто разрешалась, но даже поощрялась, поскольку в оплату за нее часть привозного серебра шла в государственную казну. Правда, не всякий макукин брали в работу: на порчу испанцами своей монеты московские власти реагировали отказом ее принимать. Голландцы в ответ начинали сами тайно чеканить российские деньги (и для этого им также требовалось обилие серебра).

Дальше из Москвы крупное испанское серебро уходило в Крым. На полуострове, как уже говорилось, обнаружено существенное количество четырех- и восьмیرهаловиков конца XVI-го и особенно первой половины XVII столетия, большей частью севильской, толедской, мадридской, мексиканской и потосийской чеканки. Можно, конечно, предположить, что это «торговое» серебро или трофеи турок, добытые в боях с флотами испанских королей. Отдельные монеты могли, разумеется, прийти в Крым и такими путями. Но скорее все-таки мощный поток макукинов, направленный на юг, к Гиреям в казну, шел непосредственно от правительства царя Михаила Федоровича. Этим серебром выкупались русские пленники. Проблема разрушения российской системы обороны на юге, в степных регионах, после Смуты встала весьма остро, на грани катастрофы. Поэтому набег крымцев вырывали тогда с территории России многотысячные толпы «полоняников». Особенно яростным стал их натиск в 1630-х гг.¹¹⁸

Клад из Грушевки, в котором — впервые из крымских кладов, содержащих средневековую испанскую серебряную монету, — соседствуют монеты русской чеканки и испанский четырехреаловик, представляет собой косвенное, но весомое свидетельство в пользу гипотезы о московском маршруте испанской монеты, двигавшейся в Крым на выкуп «полоняников».

Список литературы

1. *Беляков А.С.* Коломенский клад испанских и испано-американских монет первой трети XVII века // Труды Государственного исторического музея. Вып. № 50. М., 1980. С. 60–164.

¹¹⁸ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 167–357.

2. Володихин Д.М. Макукин: Мехико—Москва—Крым // Коллекция (электронное издание, материал опубликован 04.04.2021): <https://sammlung.ru/?p=35111> (дата обращения 21.06.2022).

3. Гарост С.А. Монеты России 1462–1717: Каталог-справочник. Мн., 2012. 560 с.

4. Мальцев М.С. Таманский клад испанских монет конца XVI — начала XVII в. // Историческое обозрение. Вып. 23. М., 2022. С. 54–87.

5. Мельникова А.С. Векслер А.Г. Новые монетные клады в Москве // Археологические открытия 1971 г. М., 1972. С. 110.

6. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. 448 с.

7. Таценко С.Н. Ипатьевский клад испанских и испано-американских монет первой трети XVII в. из собрания Музея истории Москвы: состав и датировка // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XIX. Труды ГИМ. Вып. 192. М., 2012. С. 93–102.

8. Фролова Н.А. Севастопольский клад монет XVI—XVII веков из собрания Эрмитажа // Хранитель. Исследователь. Учитель. К 85-летию В.М. Потина. СПб., 2005. С. 111–116.

9. Numismatica Española. Barcelona, 2019.

Сведения об авторе

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе Московского государственного университета технологий и управления (Первый казачий университет), профессор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. volodih@mail.ru

РАЗДЕЛ II. ЖУРНАЛИСТИКА

А.Е. Чернова
A.E. Chernova

ОБРАЗ ЖУРНАЛИСТА В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

THE IMAGE OF A JOURNALIST IN MODERN FICTION

Аннотация:

Современная художественная проза продолжает дискурс литературы прошлых веков, а потому при анализе образа журналиста в произведениях XXI в. важно учесть принципы раскрытия темы писателями XIX—XX вв. Такие качества журналиста, ставшие его постоянными характеристиками, как развращенность, продажность и неграмотность, создают общий отрицательный образ-стереотип. В статье ставится вопрос о причинах формирования негативного имиджа. Показывается, что одна из причин может быть связана с особенностями становления русской литературы, когда журналист оказался противопоставлен писателю, также работающему со словом, но не в угоду воспринимающей его публике. Сложившийся литературный штамп расшатать сложно, но можно, если по-новому взглянуть на вопрос взаимодействия объективной реальности, вымышленной действительности и правды. Так или иначе к этой проблеме обращаются современные авторы, в произведениях которых появляется герой-журналист: В.Г. Галактионова, М.А. Тарковский, Г. Панкратов, О.А. Славникова и др.

Ключевые слова: художественный образ, стереотип, эстетика канона, литературный герой, негативный имидж, традиция.

Художественный образ, транслируя через единичное, преходящее — вечное и неизменное, включает в себе обобщенное представление о действительности, в результате чего создание нового условного мира в произведении тесно взаимосвязано с осмыслением тенденций и свойств окружающей реальности. Благодаря этому читатель, соприкасясь с тем или иным феноменом, уже имеет определенный «горизонт ожидания», некоторую сложившуюся модель интерпретации. В свою очередь, представления, почерпнутые из художественных книг, влияют на поведенческие стратегии и оценку разнообразных явлений, в том числе связанных с профессиональной работой.

Пожалуй, невозможно найти такую профессию, которая не была бы изображена в художественной литературе. Вот лишь некоторые примеры. Педагог и преподаватель в «Педагогической поэме» Антона Макаренки и романе «Географ глобус пропил» Алексея Иванова, программист в романе Аркадия и Бориса Стругацких «Понедельник начинается в субботу», геолог в «Зеленых звездах» Петра Сигунова, микробиолог в «Открытой книге» Вениамина Каверина, хирург в одноименном романе Юлия Крелина, копирайтер у Виктора Пелевина в «Generation "P"», бизнесмен у Андрея Рубанова в «Готовься к войне», водитель в «Ненастье» Алексея Иванова... Этот список можно продолжать бесконечно. Профессия журналиста по частотности изображения занимает в художественных произведениях не последнее место. В отличие от других сфер деятельности, это занятие воспринимается в тесной связи с иным, близким по форме делом — писательством. Журналист и писатель не тождественны друг другу, хотя оба взаимодействуют со словом, у того и у другого есть своя аудитория — будь то читатели или зрители.

В настоящее время присутствует скорее негативная тенденция восприятия журналиста: общество не доверяет работнику СМИ. Это подтверждается и социологическими исследованиями. Так, согласно данным ВЦИОМ за 2013 г., к журналистам россияне относятся с меньшим доверием, чем к ученым, учителям, священнослужителям, военнослужащим и врачам. Средний уровень доверия работникам СМИ — 3,25 балла, в то время как представителям науки и образования — 3,89 и 3,83 соответственно, священнослужителям — 3,61, военнослужащим — 3,59, врачам — 3,53. Негативная оценка профессии журналиста прослеживается и в художественных произведениях.

Ряд исследователей рассматривает эту проблему в своих статьях. М.В. Загидуллина связывает возникновение общего отрицательного стереотипа со «скользкостью» самой профессии, которая ассоциируется у многих с продажностью, бесцеремонностью, охотой за сенсациями и поверхностностью. «Очевидно, что причинами такого представления стали объективные факторы: почти мгновенный крен СМИ в сторону развлекательного компонента, бурное развитие желтой прессы, утверждение принципа сенсационизма в информационных блоках. В то же время экономическое развитие СМИ являлось благоприятной почвой для всевозможных нарушений, а прочный союз журналистики и PR-технологий оказывался базой для "черного нала" в области "нечестной" журналистской деятельности. В связи с этим к концу 90-х гг. в общественном сознании было прочно сформировано негативное представление о журналистах-современниках».¹¹⁹

¹¹⁹ Загидуллина М.В. Имидж журналиста в современной литературе // Вестник

Ю.Н. Быкова также соотносит укрепление негативного представления о журналисте с тенденциями перестроечной эпохи. «В конце 80-х — начале 90-х годов в журналистику, особенно региональную, пришло много новых людей, часто с печатью не связанных, но бывших в числе активных участников перестройки...»¹²⁰

В советское же время, по мнению автора, журналист, напротив, «воспринимался как выразитель народных интересов, борец за правду, эрудированный, интеллигентный человек, способный проникать в суть проблемы и анализировать факторы, влияющие на развитие ситуации».¹²¹ В задачи нашей статьи не входит анализ образа журналиста XX в., однако, заметим, что указанная ситуация не была столь однозначной. Ведь «борец за правду» обязан был подчиняться «правде» идеологической, которая, в свою очередь, могла значительно расходиться с правдой жизненной. Невозможность прямо высказываться о насущной проблеме, называть вещи своими именами приводила к формированию устойчивых журналистских штампов, безжизненных словесных конструкций, за которыми стояла не сама действительность, но ее марксистско-ленинская интерпретация. Расхождение двух реальностей — газетной и жизненной — запечатлел, например, поэт Николай Рубцов в шутливом стихотворении «Репортаж» (1962 г.):

К мужику микрофон подносят.

Тянут слово из мужика.

*Рассказать о работе
просят —
в свете новых решений ЦэКа!*

*Мужику
непривычно трёкать.*

Вздых срыгается с языка.

Нежно взяли его за локоть:

тянут

слово

*из мужика!..*¹²²

Челябинского государственного университета. 2005. № 1. Т. 11. С. 73.

¹²⁰ Быкова Ю.Н. Образ журналиста: эволюция восприятия в новейшее время // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (188). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 5.

¹²¹ Быкова Ю.Н. Образ журналиста: эволюция восприятия в новейшее время. С. 5.

¹²² Рубцов Н.М. Я люблю, когда шумят березы. М.: «Эксмо», 2006. С. 79.

Показательно, что журналист расспрашивает не про работу — но лишь про ее отражение в «свете новых решений ЦэКа». Глагол «трёкать» усиливает впечатление недостоверности будущего репортажа, его сделанности в угоду правящей партии.

Также можно вспомнить репортеров из повестей М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «Собачье сердце». Сотрудники прессы находятся в состоянии бесконечной гонки за сенсациями. «Легко монетизируемый сенсационный контент»¹²³ — вот что их волнует прежде всего.

Такой взгляд на журналистику в целом и репортера в частности зародился отнюдь не в советское время и не в «перестроечные» годы, но гораздо раньше. Создается впечатление, что каждая эпоха уточняет лишь фактуру, принципы проявления одного и того же явления, сохраняя при этом сформированную модель восприятия, — подобным образом на старую шаткую стену во время ремонта, не убрав старые обои, наклеивают новые. Цвет, орнамент и качество материала могут быть разными, основа же, т. е. стена — одна и та же. Обновление призрачное, обманное.

Репортер, типологически близкий рубцовскому, встречается, например, и в рассказах А.П. Чехова. «Чеховский репортер настолько стереотипен, что можно говорить о появлении своеобразного литературного ампула, когда при одном упоминании профессии заданы все векторы поведения персонажа, все обертоны настроения и высказываний, а главное — восприятие общественным сознанием»,¹²⁴ — справедливо указывает Е.Г. Елина.

Обобщая особенности чеховского героя-журналиста, разные исследователи приходят к единым формулировкам. Они отмечают, что Чехов наделяет собратьев по перу косноязычием, отсталостью, ограниченным кругозором, элементарным нежеланием выполнять профессиональные обязанности,¹²⁵ готовностью пресмыкаться перед чиновниками.¹²⁶

¹²³ Долгова Н.В. Модификации образа Homo scribens в сатирическом пространстве произведений М.А. Булгакова // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 147.

¹²⁴ Елина Е.Г. Журналистика и журналисты в рассказах А.П. Чехова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. Вып. 4. С. 447.

¹²⁵ Жаплова Т.М., Клишина О.О. Принципы и приемы создания образа журналиста в рассказах Чехова 1890–1900-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2005. № 2 (40). С. 27.

¹²⁶ Хмура Е.А. Образ журналиста в рассказе А.П. Чехова «Два газетчика» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 16 (135). С. 586–587.

«Человек обрюзглый, сырой и тусклый»¹²⁷ — таким предстает журналист в рассказе Чехова «Два газетчика». Сотрудников газеты интересуют прежде всего непроверенные сенсации и «жареные» сплетни. Журналист Шлепкин не только не мешает своему другу газетчику Рыбкину совершить самоубийство, но и пишет в один миг «заметку о самоубийстве, некролог Рыбкина, фельетон по поводу частых самоубийств, передовую об усилении кары, налагаемой на самоубийц и еще несколько других статей на ту же тему», а затем весело бежит в редакцию: его ждут «мзда, слава и читатели».¹²⁸ Времена меняются, но духовно-нравственные проблемы остаются прежними. В XXI в. в связи с развитием блогерства прием самопиара будет необыкновенно популярен для продвижения собственного интернет-контента. Две же реальности — журналистская и жизненная — предстанут в новом качестве, так же как и характер их взаимодействия.

Но прежде чем обратиться к анализу сюжетов современной художественной прозы, попробуем ответить на вопрос: что же повлияло на формирование столь негативного образа журналистской работы? Объяснить явление лишь тенденциями «объективной реальности» представляется недостаточным. Напротив, «объективная реальность» являет не только отрицательные примеры, но и достойные образцы профессионалов журналистского дела.

Так, редактором журнала «Вестник Европы», заложившим основы современной журналистики, был Н.М. Карамзин. К сотрудничеству с другим периодическим изданием, «Московским телеграфом», привлекались известные ученые и писатели, в том числе А.С. Пушкин. Он же редактировал «Литературную газету» А.А. Дельвига и О.М. Сомова. Многие писатели не только готовили журналистские материалы, но и сами издавали газеты и журналы. Кроме Н.М. Карамзина, Н.А. Полевого, А.А. Дельвига это еще и В.Ф. Одоевский, Н.А. Некрасов, братья К.С. и И.С. Аксаковы, Ф.М. Достоевский и многие другие.

Таким образом, история журналистики не объясняет причин сложившегося негативного стереотипа.

Выскажем гипотезу: корни явления растут из более раннего исторического периода государства Российского, из времен зарождения современной отечественной художественной литературы. Напомним, что основания русской литературы священны в прямом смысле этого слова. Первые русские писатели были монахами, священнослужителями, многие из них прославлены в лике святых. Родоначальник русской поэзии Симеон Полоцкий — иеромонах, основоположник русской

¹²⁷ Чехов А.П. Собрание сочинений. В 12 тт. Т. III. М.: «Правда», 1985. С. 372.

¹²⁸ Чехов А.П. Собрание сочинений. Т. III. С. 374.

художественно-психологической прозы Аввакум — протопоп, первые крупные русские драматурги — Феофан Прокопович и святитель Димитрий Ростовский — монахи. Журналистика как явление более позднее не имеет такого сакрального фундамента. С другой стороны, не является ли прообразом журналиста древний летописец или составитель жития святого?

Древнерусский книжник, автор текстов, придерживаясь особой «эстетики канонов» или «эстетики тождества», занимался священным ремеслом. «Такая эстетика исповедовала верность “боговдохновенным” авторитетным образцам и изощренное воспроизведение их основных черт в собственном творчестве (с тонкими новациями в деталях, но не в целом)».¹²⁹ Как и летописец, журналист следует некоторому канону: написание статьи строго регламентировано форматом издания. Он учитывает необходимое количество знаков, структуру материала, требования по оформлению. «Боговдохновенные» же образцы замещаются требованиями массовой аудитории, вкусами читателей, зачастую невысокими, — поскольку от количества подписчиков, просмотров и лайков зависит успешность издания/ресурса, популярность его контента и, нередко, суммы гонораров.

Следовательно, несмотря на формальную схожесть — обращенность и летописца, и журналиста к событиям текущей реальности, — в основе их труда лежат разные этические принципы.

Другую нишу работы со словом, далекую от «священного ремесла» древнерусских авторов, заняли писатели нового времени. Первейшим условием их творчества стало эстетическое начало, искусство как таковое. Начиная с XVII—XVIII вв. литераторы стремятся к оригинальности, к непредсказуемости сюжета. Желая удивить читателя, вводят уникальные детали. Пожалуй, эти критерии работы с текстом близки и журналистам. Существует, однако, важное уточнение, которое разведет два близких вида деятельности в разные стороны. Писательство в России воспринималось не как профессия, а как служение. Ю.М. Лотман, сравнивая русскую и западноевропейскую литературу XVII—XVIII вв., отмечает, что в Европе «быт генерировал текст». В России же «текст должен был генерировать быт» так, что литература «становится образцом для жизни, по романам и элегиям учатся чувствовать, по трагедиям и одам — мыслить».¹³⁰ И еще: «Писатель не следит за культурной ситуацией, а активно создает ее. Он исходит из необходимости создавать

¹²⁹ Минералов Ю.И. История русской словесности XVIII века. М.: «Владос», 2003. С. 7.

¹³⁰ Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII века // Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII — начало XIX века). М., 1996. С. 97.

не только тексты, но и читателей этих текстов, и культуру, для которой эти тексты будут органичны».¹³¹

Исторически складывалось так, что журналист словно бы попал в зазор, в онтологическую щель литературного пространства: до сакральной роли боговдохновенного книжника и активного организатора культурной ситуации он не дотягивал, и дело его было, конечно, профессией, а не служением.

Пушкин в программном стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» показывает возвышенного, неотмирного обладателя «нежного ума», мечтателя, который трудится «из вдохновенья, не из платы».¹³² Журналист же удостоивается одного-единственного благого упоминания: «Вкруг лавки журналисты бродят...»¹³³

Такие они, работники СМИ: разыскивая «пищу для пера», ждут не откровений, но сенсаций, пленяются не звонкой трелью соловья, но звоном золотых монет.

Этого своему собрату по перу сами литераторы, авторы художественных произведений, простить не могли. Журналистская работа представляла перед ними не как вариант профессии, но как искушение. Писателями могут стать лишь некоторые, наделенные особым даром и дерзновением; журналистом — любая посредственность, научившаяся щелкать по клавишам (держат перо) и потакать амплитуде читательских симпатий. Мы говорим, естественно, не о реальном журналисте и писателе — но о том подходе, что на протяжении веков культивировался в отечественной художественной литературе, способствуя закреплению негативного образа журналиста.

Сложившаяся издавна тенденция проявляет себя и в произведениях XXI в.

Герои повести Веры Галактионовой «Зона ветров» работают в провинциальном журнале. К нелицеприятным характеристикам журналиста добавляется еще одна: крайняя развращенность. Одну из работниц периодического издания люди так и зовут — Блудница. «А терпят на работе за то, что репортажи она пишет лучше всех. Сноровистая! И лучше всех вяжет и готовит, проныра-то эта! Но зачем, скажи, такие таланты на потаскух природа расходует?..»¹³⁴ — прямо заявляет самая пожилая героиня произведения, Великая Анна.

¹³¹ Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII века. С. 97.

¹³² Пушкин А.С. Стихотворения. 1824 (Михайловское) — 1836 // Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 2 Ленинград: Наука, 1977-1979. С. 7.

¹³³ Пушкин А.С. Стихотворения. 1824 (Михайловское) — 1836. С.12.

¹³⁴ Галактионова В.Г. Зона ветров // Москва. [Электронный ресурс]: https://moskvam.ru/publications/publication_2027.html (дата обращения: 13.05.2023).

Не лучшие нравственные качества являют и другие сотрудники, которые легко впадают в грех прелюбодеяния. Главный редактор делает Блудницу своим заместителем. В результате снижается качество издания: «А Блудница, ставшая заместителем Завьялова, требовала немедленно уволить Цицеру — за ненужностью корректуры.

— Он зря ходит на работу!»¹³⁵

Кроме того, Вера Галактионова показывает, что журналистика нивелирует индивидуальность человека. Канон без божественного измерения превращается в шаблон. «Он особенности искал, мой сын! — громко произнесла вдруг Великая Анна. — А газете нужна была обыкновенность. Вот и пришлось работать ему — на обыкновенность».¹³⁶

Наконец, в повести прослеживается оппозиция писательского и журналистского труда. Работник СМИ лишает себя всякого творческого, личностного начала. «Фотокорреспондент Шулесин художника в себе убивал, — сказала она, подумав. — Из дня в день, тяжело это...»

Газета убивает художника. К такому безрадостному выводу приходит автор. Сотрудники редакции, увязшие в тине порочных страстей, не замечают настоящей, главной истории, что совершается на их глазах. Их не интересует судьба Великой Анны, которая оказалась дочерью репрессированного священника; не видят они ни разрушенного храма, ни дальних огоньков строящихся богатых дач... Острые общественно-социальные проблемы, так же как и ключевые исторические события оказываются вне сферы их внимания.

Подобное бесчувствие не свойственно Баскакову, главному герою повести Михаила Тарковского «Фарт». Баскаков пишет очерки и, «открыв какого-нибудь самородка», носит с ним «как с писаной торбой»¹³⁷. Его волнует и вопрос правды. «Существует как минимум три правды. Правда литературы. Правда жизни. И просто правда. Правда литературы и правда жизни — они как два провода, и им пересекаться нельзя. Хотя бывает, литературная правда ослабнет и спикирует к жизненной. И тут замыкание! Пробой поля! Искра какой-то единой, единственной правды. И она будто окно прожжет, и что-то смертельно-личное — станет вдруг образом».¹³⁸

¹³⁵ Галактионова В.Г. Зона ветров.

¹³⁶ Галактионова В.Г. Зона ветров.

¹³⁷ Тарковский М.А. Фарт. Рождественская повесть // День литературы. [Электронный ресурс]: <https://denliteraturi.ru/article/2432> (дата обращения: 09.05.2023)

¹³⁸ Тарковский М.А. Фарт. Рождественская повесть.

Все бы хорошо, но одна проблема: Баскаков скорее писатель, чем журналист. И потому его возвышенный настрой вполне объясним. То, что существует еще «правда» вымышленного события, он не принимает во внимание: слишком мелко для творческого человека. Между тем эта «правда» год от года усиливает свои позиции, захватывая умы и пространства СМИ.

На таком столкновении двух реальностей, одна из которых вымышлена и представляет собой фейк, построен рассказ Георгия Панкратова «День птиц». Неважно, как на самом деле обстоят дела, главное — красивая иллюстрация и правильно поданная новость, которая привлечет новых подписчиков. Например, фотография счастливой птицы перед рекламируемым скворечником.

«На самом деле, — Марьяна Филипповна всегда начинала так фразу, если хотела сказать что-то важное, — про скворечники вашего Владимира говорили даже по телевизору. Сейчас не вспомню программу, но суть там была такой: его скворечники то ли по размеру не подходят, то ли по материалу, но, в общем, птицам это неудобно. Скворцам не нравится.

Вячеслав Андреевич картинно схватился за голову.

— Коллегушки, да поймите вы: главное — чтобы нравилось московской администрации. А что там нравится или не нравится скворцам... Ну найдите вы орнитологов, которые скажут, что это лучшие скворечники в мире.

— Так орнитологи этого не скажут!

— Значит, обойдемся без орнитологов. Поговорим с довольными посетителями парка, которые будут рады увековечить свои имена... Придумайте что-нибудь. Не мне же вас учить»¹³⁹.

В результате сотрудники решили купить птицу, посадить ее в неудобный скворечник и залепить прозрачным скотчем отверстие. Затем позвать фотографа и, отлепив скотч, сделать снимок, как довольная птичка вылетает из отверстия. Так пиар замещает собой правду жизни. Придуманная действительность незаметно поглощает настоящий мир; неприглядное, зато настоящее заменяется блестящей, приятной глазу декорацией. С развитием интернет-технологий и социальных сетей эта тенденция лишь усиливается.

У вымышленной действительности существует, однако, и обратная сторона. Одной из первых на это обратила внимание Ольга Славникова в романе «Прыжок в длину». Она показывает, как исподволь и незаметно красивая выдумка начинает перестраивать саму реаль-

¹³⁹ Панкратов Г. День птиц // Соты. [Электронный ресурс]: <https://litsota.ru/den-ptic/> (дата обращения: 09.05.2023).

ность. Получается, декорация, если в нее верить, способна проникать и вращаться в живую ткань событий. Грань между мирами оказывается зыбкой, а правда — мерцающей...

Главный герой романа Ольги Славниковой спортсмен Олег Ведерников, спасая ребенка, попадает под машину и становится инвалидом-колясочником. Размеренная жизнь Ведерникова меняется, когда его судьбой заинтересовались журналисты-блогеры. Они готовят пафосный и добрый фильм, в котором прототип себя не узнает. Более того, выдуманная реальность его раздражает. Ведь оригиналом для сюжета послужил не он настоящий, со своими недостатками и сомнениями, а идеальный образ, фотомонтаж под названием «Мой сын Олег», который мать героя разместила в своем блоге в социальной сети. «В тридцатилетнем примерно мужчине, погрузившем веснушчатые узкие ступни в тучную грязь неизвестного огорода, Ведерников узнавал себя и полнее, и ярче, нежели в том изжелта-бледном типе, что по утрам глядел на него исподлобья. <...> Что это было — параллельная реальность, где Ведерников оставался целым и двуногим? Может, она, эта реальность, все-таки существовала, косвенно давала о себе знать, прорываясь в убогую жизнь инвалида, ограниченную искусственным, состоящим из крыш горизонтом?»¹⁴⁰

В результате «мир фильма потихоньку пропитывал и перестраивал реальность».¹⁴¹ Более того: «Ведерников, недостоверный, почти что прозрачный, уже не мог защищать свою реальность и все слабее противился мягкой агрессии фильма. Со всех сторон его окружали декорации...»¹⁴²

«Может, она, эта реальность (вымышленная, идеализированная. — А.Ч.), все-таки существовала» — к такому неожиданному откровению приходит писатель в XXI-ом столетии. В отношении журналистики и образа журналиста этот дискурс пока не разработан. Так же как и сюжет, в котором картонные мечи и клюквенный сок блоковского «Балаганчика» кажутся объективной настоящей реальностью, а воспринимаемый органами чувств мир — иллюзией.

Таким образом, в романе Ольги Славниковой «Прыжок в длину», несмотря на сохраняющийся в современной прозе негативный образ журналиста, намечены новые пути развития этой темы.

Подобно китайскому Инь/Янь, журналист и писатель противоположны, даже враждебны друг другу и одновременно едины, цельны — но с одним нюансом: писатель прекрасно мыслит и позиционирует себя

¹⁴⁰ Славникова О.А. Прыжок в длину. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 337.

¹⁴¹ Славникова О.А. Прыжок в длину. С. 330.

¹⁴² Славникова О.А. Прыжок в длину. С. 410.

без журналистики («Фарт» Михаила Тарковского); журналист же без художественного начала деградирует стремительно («Зона ветров» Веры Галактионовой). Первого волнует вопрос правды, второго — лишь порнографический и финансовый конгломерат. Далекий от постижения правды оказывается и читатель, которому в обмен на горсть лайков можно подsunуть декорацию скворечника («День птиц» Георгия Панкратова). Но иногда декорация оживает («Прыжок в длину» Ольги Славниковой). Ожившая декорация, в свою очередь, дает надежду на возможность выправить, постепенно расшатать сформировавшееся негативное клише. И не ограничиваться лишь вопросом о соотношении литературной и жизненной правды, не довольствоваться лишь намеками на существование «единой, единственной правды», а вполне определенно заявить об Истине — Небесной, Божественной, Евангельской. Потому что только в свете этой Истины можно познать все происходящее в этом мире.

Таков общий вектор развития темы журналистики и образа журналиста в художественных произведениях XXI века.

Список литературы

1. Быкова Ю.Н. Образ журналиста: эволюция восприятия в новейшее время // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (188). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 5—7.
2. Галактионова В.Г. Зона ветров // Москва. [Электронный ресурс]: https://moskvam.ru/publications/publication_2027.html (дата обращения: 13.05.2023).
3. Долгова Н.В. Модификации образа Homo Scribens в сатирическом пространстве произведений М.А. Булгакова // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 140—153.
4. Елина Е.Г. Журналистика и журналисты в рассказах А.П. Чехова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. Вып. 4. С. 440—447.
5. Жаглова Т.М., Клишина О.О. Принципы и приемы создания образа журналиста в рассказах Чехова 1890—1900-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2005. № 2 (40). С. 24—27.
6. Загидуллина М.В. Имидж журналиста в современной литературе // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 1. Т. 11. С. 72—77.
7. Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII века // Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII — начало XIX века). М., 1996.

8. Минералов Ю.И. История русской словесности XVIII века. М.: «Владос», 2003. 255 с.
9. Панкратов Г. *День птиц* // Соты. [Электронный ресурс]: <https://litsota.ru/den-ptic/> (дата обращения: 09.05.2023).
10. Пушкин А.С. Стихотворения. 1824 (Михайловское) — 1836 // Полное собрание сочинений в 10 тт. Л.: «Наука», 1977—1979. Т. 2. 415 с.
11. Рубцов Н.М. Я люблю, когда шумят березы. М.: «Эксмо», 2006. 382 с.
12. Славникова О.А. Прыжок в длину. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019. 510 с.
13. Тарковский М.А. Фарт. Рождественская повесть // День литературы. [Электронный ресурс]: <https://denliteraturi.ru/article/2432> (дата обращения: 09.05.2023).
14. Хмура Е.А. Образ журналиста в рассказе А.П. Чехова «Два газетчика» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. №16 (135) С. 585—587.
15. Чехов А.П. Собрание сочинений. В 12 тт. Т. III. М.: «Правда», 1985. 464 с.

Сведения об авторе

Чернова Анастасия Евгеньевна, доцент кафедры филологии Перервинской духовной семинарии, доцент кафедры народной художественной культуры Московского государственного института культуры. litsot@yandex.ru

И.П. Черкасова
I.P. Cherkasova

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕТАСМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ФИЛАНТРОПИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

CONCEPTUALIZATION OF THE METASEMANTIC SPACE OF PHILANTHROPY IN MODERN MEDIA DISCOURSE

Аннотация:

Статья посвящена изучению метасмыслового наполнения концепта «филантропия» в медиадискурсе. Дискурс рассматривается как аксиологическая система, обладающая определенной функциональной перспективой, как актуализация взаимодействия структур текста с экстралингвистическими факторами. В полилогическом пространстве специфика медиадискурса получает многоплановое освещение. Основой медиадискурса является система концептов, которые

вербализуются в соответствии с характером материальной, духовной и социальной культуры. Концепты выступают как ментальные образования, хранящие важные типизируемые фрагменты опыта, включающие образно-перцептивную, понятийную и ценностную составляющие. В медиадискурсе осуществляется контекстуальное преломление опыта, концепты загружаются специфическим смысловым наполнением, совокупность наиболее частотных смыслов преобразуется в метасмыслы.

Цель статьи — выявить основополагающие составляющие метасмыслового пространства концепта «филантропия» в современном медиадискурсе, предлагающем его презентацию в полилогическом интертекстуальном пространстве. Лингвистико-герменевтические исследования на материале медиадискурса позволяют выявить не только ретроспективную картину, но и воздействие СМИ на реципиентов, способствующее формированию интереса общества к филантропии. В статье представлено семантическое наполнение концепта «филантропия», выявлены метасмыслы, репрезентирующие данный концепт. Автор приходит к выводу о том, что «филантропия» в СМИ получает особую презентацию, отличную от словарных дефиниций; выступает как совокупность смыслов (метасмыслов), репрезентирующих важную в современном мире аксиологическую категорию; является маркером в рамках дихотомии добро/зло; способствует реализации общечеловеческой концепции взаимопонимания и взаимоподдержки. Комплексная структурно-семантическая организация определяет дихотомию смыслов, формирующих концепт, демонстрирующих сложную функциональную семантику оценки. Приведенные примеры иллюстрируют освещаемые положения.

Методы анализа: сплошная выборка, контекстуальный анализ, лингвистико-герменевтический анализ, приемы количественного анализа, техника кристаллизации смысла. Результаты исследования могут найти применение в учебных курсах по теории языка, теории дискурса, стилистике, интерпретации текста. Материал может быть использован в процессе изучения концептосферы массмедийного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, концепт, филантропия, масс-медиа, метасмысл, аксиология, текст, коммуникация.

В современном сложном и противоречивом мире на первый план выходят проблемы, связанные с национальными и общечеловеческими ценностями. Именно поэтому в рамках междисциплинарной научной парадигмы исследователи обращаются как к вопросам специфики структурно-семантической организации ценностных категорий в языке, так и к способам их репрезентации в дискурсе, что позволяет

выявить национальные и общечеловеческие приоритеты и ориентиры. В полилогическом пространстве данные проблемы получают многогранное и многоплановое освещение. Как отмечает В.П. Литвинов, коммуникацию следует рассматривать как определяемое установкой на *понимание* событие в жизненном мире, содержание которого относится к миру культуры: «Коммуникация осуществляется отдельными людьми, но как коммуникация, а не просто диалог или спор, она требует от участников, чтобы они выступали в диалоге представителями культуры».¹⁴³ Именно так феномен коммуникации репрезентирован в современном медиадискурсе, демонстрирующем полилогическое интертекстуальное пространство, в рамках которого авторы статей, представляющие личную позицию или позицию определенной социальной группы, апеллируют к мнениям/текстам других культур и полилогическому пространству в целом.

Филантропия в этой связи занимает особое место. Данное понятие, являющееся маркером в дихотомии добро/зло, способствует реализации общечеловеческой концепции взаимопонимания и взаимоподдержки, способствующей сохранению человека и человечества. Милосердно-благотворительная деятельность всегда находилась в центре внимания и активно развивалась в рамках благотворительных обществ при Русской Православной Церкви. В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» писал о том, что Церковь «соединяла в одно общество людей разных состояний или во имя цели, житейского назначения, религиозно-нравственного служения, или во имя чувства сострадания и милосердия».¹⁴⁴ В наши дни научно-технического прогресса и массовой коммуникации эти общечеловеческие добродетели становятся все более и более значимыми в мире.

Цель статьи — выявить основополагающие составляющие метасмыслового пространства концепта «филантропия» в современном медиадискурсе, предлагающем его презентацию в полилогическом интертекстуальном пространстве.

Проблематика, связанная с пониманием и спецификой контекстуального представления и смыслового наполнения лингвокультурных концептов, репрезентирующих верования, исторический опыт, культурные традиции, философские размышления об общечеловеческих и национальных ценностях в различных ситуациях общения и типах дискурса, привлекает внимание многочисленных исследователей.

¹⁴³ Литвинов В.П. Полилогос: проблемное поле. Опыт первый. Опыт второй. Тольятти, 1997. С. 13.

¹⁴⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. [Электронный ресурс]: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/15 (дата обращения: 23.02.23).

И несмотря на значительное количество работ, посвященных данной проблеме, интерес к теме не угасает. Существует множество определений концепта, систематизированы приемы описания концептов через анализ данных языка, определено соотношение концепта и его языкового выражения (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицка, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, Н.А. Красавский, Е.С. Кубрякова, В.П. Нерознак, М.В. Пименова, Ю.А. Сорокин, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, З.Д. Попова и др.).

С.Г. Воркачев, обобщая накопленный концептологией опыт, отмечает, что специфика появления слова «концепт» в языковедческом дискурсе демонстрирует его принадлежность к определенной научной школе («герменевтической», «лингвокультурологической» и пр.).¹⁴⁵ Ю.С. Степанов характеризует концепт как основную ячейку культуры в ментальном мире человека, комплексную структуру, включающую понятийную и культурную составляющие; он определяет границы познания концептов: «сверху» — в сфере абстрактных определений и «снизу» — в сфере индивидуального опыта.¹⁴⁶ В «Антологии концептов»¹⁴⁷ представлены различные варианты анализа лингвокультурных концептов. По мнению В.И. Карасика, концепты выступают как ментальные образования, хранящие важные типизируемые фрагменты опыта, закрепленные в виде стереотипов, включающие образно-перцептивную, понятийную и ценностную составляющие. Учитывая тот факт, что оценочность получают только те объекты, которые значимы для коммуникантов, самой важной стороной концепта является его ценностная сторона наряду с информативным восприятием, предполагающим рациональное определение интересующей тематики, идейного наполнения, фактов; важным является фасцинативное восприятие: «эмоциональное переживание, эмпатическое слияние с этим текстом».¹⁴⁸

Пространством реализации концептов выступает текст в системе дискурса. Мы придерживаемся позиции В.П. Литвинова, определяющего текст как самостоятельный феномен человеческого мира, который анализируется как материализованный смысл. Ученый выделяет следующие особенности текста: 1) язык сообщения существует в пространстве, а не во времени; смысл текста дан вместе с механизмом его накопления; 2) ситуация чтения отделяется от жизнедеятельности, по-

¹⁴⁵ Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: «Гнозис», 2004. С.11.

¹⁴⁶ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: «Академический проект», 2004. С. 43, 81.

¹⁴⁷ Антология концептов. Т. 1–8. Волгоград: «Парадигма», 2005–2011.

¹⁴⁸ Карасик В.И. Языковые ключи. М.: «Гнозис», 2007. С. 24, 27.

нимаемый мир текста альтернативен реальному; 3) письменный текст предполагает связь с культурой. Мышление читателя, по мнению цитируемого автора, является «респонзивным», т. е. отвечающим на «смысловой вызов» текста с опорой на собственное мировоззрение с целью самовыражения. В.П. Литвинов настаивает на первичности читательской интенции в определении феномена и процессов понимания текста, несмотря на пресуппозицию авторства.¹⁴⁹ В дискурсе текст приобретает широкую палитру базирующихся на значениях смыслов.

Теория дискурса предстает на современном этапе научного развития как многоаспектное направление, открывающее перед лингвистами широкую перспективу. Многогранность понятия «дискурс» предопределила существование значительного количества его дефиниций, характеристик и типологий (Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Т.А. van Dijk, G. Brown и G. Yule, J. Diamond, N. Fairclough, B. Paltridge, I. Parker и др.), раскрывающих различные стороны возможных дискурсивных исследований. Наиболее интересными и значимыми мы считаем следующие типологии дискурса: устный/письменный (электронный) (У. Чейф и др.), институциональный/персональный (В.И. Карасик), а также типологию, базирующуюся на системе человеческих потребностей и определяемую ими (А.В. Олянич). Особое место в данной связи занимает медиадискурс (И.В. Анненкова, 2012, Т.Г. Добросклонская, 2008, 2020, В.А. Буряковская, 2014, М.Р. Желтухина, 2004, А.В. Олянич, 2007, Н.Н. Оломская, 2013, О.В. Володина, 2020, Е. Кожемякин, 2010, Е.В. Федосеева, 2016, И.А. Якоба, 2020 и др.).

И.В. Анненкова акцентирует внимание на объединении в медиадискурсе двух векторов движения человеческой деятельности по созданию «культурных» и «цивилизационных» ценностей, определяя современную эпоху как эпоху культуры готового слова или культуры интерпретации готового слова.¹⁵⁰ Т.Г. Добросклонская рассматривает медиадискурс как совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в области массовой коммуникации, которая рассматривается во всем богатстве и сложности их взаимодействия.¹⁵¹ Авторы отмечают

¹⁴⁹ Литвинов В.П. Мышление по поводу языка в традиции Г.П. Щедровицкого // Познающее мышление и социальное действие. Наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли. М.: Ф.А.С.-медиа, 2004. С. 249–305. [Электронный ресурс]: <http://shkp.ru/lib/archive/humanitarian/5/7> (дата обращения: 22. 02.23).

¹⁵⁰ Анненкова И.В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель: лингвофилософский аспект. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2012. С. 12–14.

¹⁵¹ Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: «КДУ», «Добросвет», 2020. 178 с.

глобальный характер массовой культуры, ее стремление формировать вкусы и образ жизни людей,^{152,153} широкий диапазон влияния СМИ и медийного пространства в целом на общество и литературный язык.¹⁵⁴ М.Р. Желтухина называет современный масс-медиаальный дискурс синкретичным образованием, в котором проявляются другие типы дискурса, подчиненные основной цели — оказывать воздействие на максимально широкую аудиторию посредством ее информирования и оценки сообщаемой информации.¹⁵⁵ Е.В. Федосеева выделяет две формы репрезентации действительности в медиадискурсе: по типу «отражение» и по типу «конструирование», которые различаются по сути когнитивных механизмов и специфике языковой реализации.¹⁵⁶

Нельзя не согласиться с мнением Е. Кожемякина о том, что в медиадискурсе происходит конвертация информации в смыслы, предполагающая перевод знания с одного уровня (например, институционального) на другой (например, обыденный), а также сращение информации различного типа (политической и развлекательной, событийной и рекламной и др.).¹⁵⁷ А.А. Леонтьев подчеркивает особое значение национально-культурной специфики речевого общения.¹⁵⁸ В.В. Красных акцентирует внимание на стереотипах и национально-культурной специфике построения дискурса.¹⁵⁹ В настоящее время особое внимание уделяется трансформации коммуникативных стратегий СМИ и информационной безопасности.¹⁶⁰

¹⁵² Буяковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков). Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. 228 с.

¹⁵³ Якоба И.А. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Улан-Удэ, 2020. 40 с.

¹⁵⁴ Солганик Г.Я. От слова к тексту. М.: «Просвещение», 1993. 189 с.

¹⁵⁵ Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2004. С. 6.

¹⁵⁶ Федосеева Е.В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации). Дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2016. С. 9.

¹⁵⁷ Кожемякин Е. Медиадискурс // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 2 (73). 2010. Вып. 11. С. 13–21.

¹⁵⁸ Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: «Смысл»; СПб.: «Лань», 2003. С. 89–196.

¹⁵⁹ Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М.: «Гнозис», 2002. С. 214–231.

¹⁶⁰ Дугин Е.Я. Трансформации коммуникативных стратегий медиа к мобилизационно-наступательной модели // Вестник Академии медиаиндустрии: Сборник статей / Сост., вступ. ст. Е.Я. Дугина. М.: Академия медиаиндустрии, 2022. № 2 (30).

Специфика адресата медиадискурса, согласно Н.Н. Оломской, состоит в его вовлеченности в прагматическую ситуацию, в восприятии адресатом интенций адресанта как своих собственных.¹⁶¹ При этом дескрипции СМИ и медиадискурса в целом, рекомбинируя смысловое содержание концептов, всегда являются оценочными.¹⁶² Т.А. ван Дейк акцентирует внимание на роли медиадискурса в процессе формирования идеологии общества.¹⁶³ В центре аксиологической системы медиадискурса находятся такие универсальные концепты, как «справедливость», «образование», «культура», «политика», «талант», «успех», «творчество». Особой характеристикой концептов медиадискурса можно считать чрезвычайно широкую палитру смыслов, вбираемых в себя тем или иным концептом, а также его поликультурное и полилогическое осмысление.

Феномен медиадискурса привлекает все большее внимание в рамках антропоцентрических исследований. А.Г. Баранов считает, что в настоящее время наиболее продуктивным является прагматическое направление, рассматриваемое как функциональная перспектива языка. Прагматика, ориентирующаяся на текст как социальную интеракцию, в данной связи выступает как семиотика, в которую инкорпорированы семантика и синтактика.¹⁶⁴ Г.И. Богин, изучая процессы понимания текста, использует понятие рефлексии, представляющей, согласно автору, как «связка» между опытом человека и гносеологическим образом; в результате диалога «текст — читатель» восприятие образа окрашивается опытом, а отношение к опыту претерпевает изменения. Таким образом, пространство диалога и рефлексия становятся источником опыта,¹⁶⁵ позволяют находить в тексте дополнительные смыслы и интертекстуальные связи. Контекстуальные смыслы, взаимодействуя и кристаллизуясь, образуют сложные метасмыслы, трактуемые, согласно концепции Г.И. Богина, как «знания о совокупно усматриваемых част-

С. 13–35; Соколов А.В. Языковые ресурсы коммуникативных стратегий медиа // Вестник Академии медиаиндустрии. № 2 (30). С. 46–60; Бойченко О.В., Баталова М.Э. Информационная безопасность медиакоммуникаций // МедиаВектор. Научный журнал. Вып. 4. Новосибирск—Симферополь: АНС «СибАК», 2022. С. 7–10; и др.

¹⁶¹ Оломская Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17): Филология. С. 250–259.

¹⁶² Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. М.: «Гнозис», 2007. С. 115–116, 259.

¹⁶³ Dijk T.A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. 374 p.

¹⁶⁴ Баранов А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка. Краснодар: «Просвещение — Юг», 2008. С. 6.

¹⁶⁵ Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 1993. 237 с.

ных смыслах, наращиваемых и/или растягиваемых в процессе рецепции средств, опредмечивающих эти смыслы при продукции текста и становящихся предметом, над которым рефлексировает реципиент в ходе распредмечивания в пространстве индивидуально-авторского мира, диалогического пространства «автор/текст — читатель», метапространства современного медиатекста».¹⁶⁶

Рассматривая метасмысловой континуум концепта «филантропия» в данном ключе, в работе мы использовали следующие методы: контекстуальный анализ, лингвистико-герменевтический анализ, приемы количественного анализа, технику кристаллизации смысла. Мы опирались на идеи Г.П. Щедровицкого, определяющего человека как «мыслящее мышление»,¹⁶⁷ концепцию герменевтического разума В.П. Литвинова¹⁶⁸ и систему понимания Г.И. Богина, включающую смыслы, метасмыслы и техники понимания.¹⁶⁹ Под техникой кристаллизации смысла мы понимаем процессы постепенного наращивания смыслового наполнения ключевых слов, которые в контексте мышления или в процессе репрезентации мира становятся независимыми от нормы, закрепленной словарными определениями.

Материалом послужили тексты, посвященные репрезентации филантропии в многообразии форм и способов ее проявления, представленные на сайтах наиболее популярных российских, американских, британских и немецких периодических изданий. Основой явились рейтинги газет, предложенные на сайтах «Медиалогия», Top Newspapers in Russia by web ranking | 4imn.com и World Newspapers Rankings & Reviews | 4imn.com («Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Российская газета», «Известия», USA Today, The Wall Street Journal, Los Angeles Times, Times, Guardian, Independent, Bild, Die Welt, Die Zeit и др.).

Безусловной для каждого концепта является национальная составляющая, репрезентирующая неповторимые черты мировосприятия, определяемая спецификой исторического развития. Одновременно важным для формирования взаимопонимания, взаимовыгодного

¹⁶⁶ Богин Г.И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. М., 2001. [Электронный ресурс]: <https://scibook.net/filologicheskaya-germenevtika/metaedinitysi-substantsii-ponimani-26133.html> (дата обращения: 7.02.2023).

¹⁶⁷ Щедровицкий Г.П. Сладкая диктатура мысли // Вопросы методологии. 1994. № 1–2. С. 9–12.; Он же. Мышление — Понимание — Рефлексия М.: «Наследие ММК», 2005. 800 с.

¹⁶⁸ Литвинов В.П. Минималистская программа для герменевтики // Герменевтический круг: текст — смысл — интерпретация: Сборник научных статей. Вып. 3. Армавир: РИО АГПА, 2014. С. 5–21.

¹⁶⁹ Богин Г.И. Обретение способности понимать.

межкультурного диалогического пространства является определение универсальных составляющих концептов, репрезентирующих общечеловеческие цивилизационные ценности.¹⁷⁰ В этой связи в процессе анализа мы постарались выявить смысловые составляющие, характерные для универсального концепта и представленные как неотъемлемые в различных культурах.

Идеи М. Хайдеггера, связанные с характеристикой человеческой деятельности, понимаемой и осуществляемой как культура, предполагающая реализацию верховных ценностей путем заботы о высших благах человека, с течением времени получают новое освещение: «Eine... neuzeitliche Erscheinung bekundet sich darin, daß das menschliche Tun als Kultur aufgefaßt und vollzogen wird. Kultur ist dann die Verwirklichung der obersten Werte... Im Wesen der Kultur liegt es, als solche Pflege ihrerseits sich in die Pflege zu nehmen und so zur Kulturpolitik zu werden» («Новое время проявляется в том, что человеческая деятельность воспринимается и осуществляется как культура. Культура — это реализация высших ценностей... Сущность культуры заключается в том, чтобы заботиться о себе и, таким образом, стать культурной политикой».)¹⁷¹ В этой связи особое место занимает понятие филантропии, получившее осмысление в большей мере в истории и культурологии. Лингвистико-герменевтические исследования на материале медиадискурса позволяют выявить не только ретроспективную картину, но и специфику воздействия СМИ на читателей, способствующую формированию интереса общества к филантропии.

Прежде всего, с целью понимания дальнейшего приращения смысла, формирования метасмыслового континуума, охватывающего общечеловеческую (универсальную) составляющую феномена филантропии в медиапространстве, рассмотрим определение понятия в толковых словарях. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова:

ФИЛАНТРО́ПИЯ, -и, жен. Благотворительная деятельность, оказание помощи и покровительства неимущим, нуждающимся.¹⁷²

Толковый словарь Д.Н. Ушакова предлагает следующее определение:

ФИЛАНТРОПИЯ, филантропии, мн. нет, жен. (греч. *philanthropia* — человеколюбие). Благотворительность, покровитель-

¹⁷⁰ Анненкова И.В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель: лингвофилософский аспект.

¹⁷¹ Heidegger M. Gesamtausgabe I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970 Band 5 Holzwege. Frankfurt am Main, 1977. S. 74–75.

¹⁷² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 19.01.23).

ство (обычно из снисхождения) нуждающимся. Заниматься филантропией.¹⁷³

В толковом словаре В.В. Даля читаем:

ФИЛАНТРОПИЯ — жен., греч. человеколюбие, забота об улучшении участи человечества. Филантропическое общество, человеколюбивое заведение, даровая школа, богадельня и вообще богоугодное. Филантроп, филантропка, кто посвятил себя этому делу, пользе ближнего.¹⁷⁴

Таким образом, в результате анализа можно говорить о том, что на первый план выходят понятия помощи, покровительства, нужды, бедности. Национальная специфика проявляется в использовании понятий «покровительство», «благотворительность» (благо творить), «богоугодный», апеллирующих к христианскому миропониманию. В некоторых словарях советского периода существительное «филантропия» определялось как устаревшее.

Кембриджские словари предлагают следующие дефиниции:

Philanthropy *noun* [U] UK

the activity of helping the poor, especially by giving them money (CALDT).

Philanthropy *noun* [U] US /fɪˈlænθrəˌpi/

the giving away of money, esp. in large amounts, to organizations that help people (CACD).

Longman Dictionary of Contemporary English предлагает дефиницию:

Phi-lan-thro-py /fəˈlænθrəpi/ *noun* [uncountable] the practice of giving money and help to people who are poor or in trouble.¹⁷⁵

На первые позиции выходят понятия бедности, помощи, деятельности. Национальная специфика проявляется в акцентуации материальной составляющей, понятия money (деньги).

Наиболее лаконичное определение дают издания Duden:

Philanthropie, die — Menschenliebe, предлагающие таким образом достаточно широкий спектр характеристик, включающих философское и метафорическое толкования,¹⁷⁶ объединяющие понятия «человек» и «любовь».

¹⁷³ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. [Электронный ресурс]: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 19. 01.23).

¹⁷⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikoruskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-f/116> (дата обращения: 19. 01.23).

¹⁷⁵ Longman Dictionary of Contemporary English. [Электронный ресурс]: <https://www.ldoceonline.com/search/english/direct?q=philanthropy> (дата обращения: 19.01.23).

¹⁷⁶ Duden. [Электронный ресурс]: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Philan->

Определение Extremes Deutsch:
Der Philanthrop, -en
geh.: jmd., der sein Leben dem Dienst an seinen Mitmenschen widmet
und altruistisch handelt.¹⁷⁷

Национальная специфика проявляется в акцентуации понятий службы/служения (Dienst) и альтруизма (altruistisch).

В результате можно говорить, что опирающееся на греческую лексическую единицу *philanthropia* понятие в русском (*филантропия*), английском (*philanthropy*) и немецком (*Philanthropie, die*) языках имеет универсальную составляющую: забота о бедных, материальная помощь нуждающимся людям.

В современных СМИ концепт «филантропия» приобретает целую палитру многообразных значений и смыслов, далеко выходящих за пределы тех, которые включают толковые словари. Учитывая глобальность массовой коммуникации и специфические характеристики современных СМИ, основанные на интертекстуальности, метатекстуальности и гипертекстуальности медиaprостранства, универсальная составляющая концептов получает репрезентацию в медиадискурсе различных лингвокультур. В.А. Штрейс выделяет основные социальные функции благотворительности как социокультурного феномена: экономическую, социальную, рыночную, общественную, политическую, маркетинговую.¹⁷⁸ Важность благотворительной деятельности актуализируется многочисленными научными исследованиями и рейтингами, в результате которых проводится мониторинг участия россиян в благотворительной деятельности (Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ВШЭ, фонд «Нужна помощь» и др.), определен Всемирный индекс благотворительности (World Giving Index) (Институт Гэллапа).

Рассмотрим наиболее частотные смыслы, являющиеся универсальными, выявленные нами в результате сплошной выборки и анализа текстов, представленных в современных ведущих СМИ, проиллюстрируем примерами.

В соответствии с основной идеей благотворительности, основанной на человеколюбии и закреплённой законодательством, правовыми нормами и программами развития (Федеральный закон от 24.11.1995 N

thropie (дата обращения: 22.02.23).

¹⁷⁷ Extremes Deutsch. [Электронный ресурс]: https://extremes_deutsch.de-academic.com/20914/Philanthrop (дата обращения: 22.01.23).

¹⁷⁸ Штрейс В.А. Феномен благотворительности в современной России: социально-философский анализ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2011. С. 83–84.

181-ФЗ, ред. от 29.11.2021, «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Конвенция о правах инвалидов, Государственная программа РФ «Доступная среда»), особое внимание СМИ уделяется освещению поддержки людей с ограниченными возможностями. Например: «Главный человек, который взял на себя все хлопоты по изданию книги “Сказки для и про особенных детей”, — Никита Асеев, директор Фонда поддержки людей с ограниченными возможностями “Лабиринт 42”, и я ему очень благодарна... Я счастлива, что в Москве обратили внимание на проект, надеюсь, в Кузбассе тоже оценят эту важную для нашего региона победу» (https://kuzbass.aif.ru/culture/uroki_dobroty_skazki_pro_osobennyh_zhivotnyh_stali_luchshimi_v_strane).

Эмоционально-экспрессивное наполнение текста формируется благодаря положительно окрашенной лексике, нацеленной на репрезентацию взаимосвязи понятий помощи и благодарности. Как справедливо отмечает В.А. Штрейс, в современном обществе, учитывая социокультурный контекст, благотворительность можно рассматривать как «нравственный принцип формирования системы социальной политики».¹⁷⁹

Не теряет со временем свою значимость роль филантропов в борьбе с бедностью, расовыми проблемами. Средства массовой информации, по сути, констатируют несогласие общества с фактами социальной несправедливости, выражаемое посредством многочисленных выступлений и протестов во всем мире (8.10.2022 в Праге, 25.03.2022 в Мадриде, 2.04.2022 в Лондоне и др.): «*Philanthropy for protests against racial injustice are pouring in. Wealthy individuals and small donors have contributed to an array of charitable campaigns and to support the families of unarmed African Americans killed by police*» (<https://www.washingtonpost>). Именно пресса освещает случаи несоблюдения прав.

Принимается во внимание возможность и важность обучения и профессиональной подготовки с акцентуацией на медицинских специальностях, значимость оказания помощи пострадавшим в результате военных действий путем привлечения внимания аудитории: «*A new version of the popular television show has been launched in the Middle East to help children affected by war*» (<https://www.positive.news/society/how-sesame-street-is-bringing-cheer-to-displaced-children/>). Также, например, в российских СМИ: «Несколько дней назад в Ярославскую область прибыл спецпоезд с почти пятью сотнями пассажиров — все они эвакуированы из зоны спецоперации в Украине» (https://yar.aif.ru/society/persona/budet_novaya_zhizn_zhiteli_mariupolya_stroyat_plany_na_budushchee).

¹⁷⁹ Штрейс В.А. Феномен благотворительности в современной России: социально-философский анализ. С. 81.

В последние десятилетия в центре внимания филантропов находятся вопросы экологии и изменения климата, требующие значительных финансовых вложений. Ежегодно проходят конференции ООН по вопросам изменения климата, в которых принимают участие главы государств и представители более чем 190 стран мира; в ноябре 2022 г. состоялась уже 27-я конференция (COP27). Использование метафор и эпитетов в текстах данной тематики акцентирует внимание читателей на важности «здоровья планеты», например: «Philanthropists pledge to protect 30 % of land and sea by 2030, as *the planet's health* climbs the charity agenda» (<https://www.theguardian.com/environment/2021/sep/29/record-5bn-donation-to-protect-nature-could-herald-new-green-era-of-giving-aoe>). В российских СМИ уделяется особое внимание совместным усилиям стран в этой области: «В начале августа “Известия” писали, что Россия и страны Азии разработают общий стандарт “зеленых” проектов, для чего будет создан единый методологический центр “зеленой” таксономии» (<https://iz.ru/1212782/2021-08-26/forbes-sostavil-reiting-investorov-v-blagotvoritelnost-i-ekologiiu>).

Всеобщим и аксиоматичным является признание роли искусства в истории человечества. Как справедливо пишет Э. Кассирер, история в целом имеет определенный субъект: она является историей государства или права, языка и искусства, религии или науки.¹⁸⁰ Сохраняя произведения искусства, филантропы сохраняют и создают историю. Так, например, самыми щедрыми меценатами России, по данным ежегодных рейтингов СМИ, называют А. Усманова, В. Вексельберга, М. Прохорова, Г. Тимченко и др. Достаточно частотным и традиционным является представление материалов, демонстрирующих поддержку благотворительными организациями и меценатами сферы искусства: «Er versteht seine Sammlung als Artothek, *die kostenlos ihre Werke verleiht*. Dass der Louvre das erste Museum ist, das 35 Werke aus seiner Sammlung zeigt, ist für ihn *eine Ehre*. “Das Museum ist meine zweite Heimat”, erzählte Kaplan. Der Geschäftsmann und Philanthrop lebt in Paris und New York» (<https://www.bild.de/unterhaltung/aktuelles/unterhaltung/im-louvre-doppelausstellung-um-meister-jan-50554628.bild.html>). Имплицитно проводится идея о тесной связи понятий «искусство» и «история, родина»; «филантропия» и «благородство, честь».

Безусловно, формирование эмпатичной личности, способной к сопереживанию, — чрезвычайно сложный процесс, требующий внимания. В этой связи важным является тот факт, что к посильной благотворительной деятельности часто присоединяются и дети путем вовлечения в волонтерскую деятельность и оказания помощи нуждающимся. Это способствует формированию мировоззрения подрастающего поколе-

¹⁸⁰ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: «Гардарика», 1998. С. 187.

ния: «"Auch Kinder können Tiere retten", sagt Kate Gilman Williams im Brustton der Überzeugung. „Du kannst dich jederzeit engagieren — egal, wie alt du bist“. Die Sechstklässlerin aus Texas ist zwar erst elf, aber bereits Vorsitzende ihrer eigenen Hilfsorganisation namens Kids Can Save Animals». (<https://sz-magazin.sueddeutsche.de/die-loesung-fuer-alles/tierschutz-kinder-90773>).

Использование прямой речи, разговорных форм создает атмосферу искренности, доверительности и способствует убеждению читателей в важности и необходимости этой деятельности.

Изучая формы и опыт благотворительности в разные эпохи, О.С. Хлякин приходит к выводу о том, что благотворительность как социальный институт известна со времен античности, в каждую эпоху и в каждом обществе понимание гуманности, гуманизма, филантропии приобретает специфическую окраску; содержание и формы благотворительности обусловлены цивилизационными, культурно-историческими факторами.¹⁸¹ Обращаясь к филантропии, репортеры и авторы статей СМИ размышляют о том, насколько филантропия позволяет человеку быть счастливым. Национальные фонды уделяют особое внимание заботе о сохранении традиций малых народов России путем проведения фестивалей, конференций и форумов (Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Кимры, Воронеж, Новосибирск и др.), например: «В Калужской области прошел Международный культурно-образовательный проект *"Таланты Арктики. Дети"*. Его организовали при участии ФАДН России для детей из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока... *"Таланты Арктики. Дети"* — инновационный проект по сохранению традиционной культуры и навыков, в том числе языков коренных народов» (<https://www.kp.ru/daily/217195/4304759>).

Для Америки, в свою очередь, особо значимыми являются традиции коренных жителей континента: «Increased attention to Native needs is bringing internet, electricity and running water to Indigenous communities, reports... With all of this loss and hardship has come media attention, and donations from the public, Indigenous organisations said» (<https://www.thenewhumanitarian.org/news-feature/2021/10/26/how-COVID-19-put-Native-American-needs-on-the-aid-map>).

Повторы и контекстуальные синонимы способствуют привлечению интереса читателей к имеющимся проблемам в данной области и одновременно представляют информацию об усилиях государства, направленных на их решение.

¹⁸¹ Хлякин О.С. Благотворительность как общественное явление: социально-философские аспекты. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2004. С. 9, 13.

С целью освещения деятельности филантропов, привлечения сторонников и последователей учреждаются многочисленные премии и фонды (международные и национальные), такие как «Филантроп», «Поколение», «Вера» и др. «Благотворительный фонд “Поколение” Андрей Владимирович Скоч основал в 1990-х годах. Изначально он создавался с целью помогать больным детям, но со временем начал вести работу не только по медицинским направлениям» (https://aif.ru/dontknows/file/prezident_blagotvoritelnogo_fonda_andrey_skoch_dose). Или Премия Обермайера: «*Die Obermayer Awards* wurden im Jahr 2000 von Arthur S. Obermayer (1931–2016), einem amerikanischen Unternehmer und Philanthropen, und seiner Frau Judith ins Leben gerufen. *Die Preisverleihung in Berlin* wird durch das Abgeordnetenhaus finanziell und organisatorisch unterstützt. Co-Sponsor ist das Leo Baeck Institut in New York» (<https://www.sueddeutsche.de/bayern/geschichte-berlin-preis-fuer-sechs-initiativen-zu-juedischer-vergangenheit-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-220125-99-848787>).

Концепт «филантропия» включает представление об особых личностных качествах людей, выступающих филантропами. Авторы статей акцентируют внимание на представителях бизнес-структур, которые активно занимаются помощью нуждающимся (В. Тетюхин, Г. Тимченко, О. Дерипаска, В. Потанин, М. Гучериев и др.) и даже иногда по личным причинам уходят из финансовых сфер, обращаясь к благотворительности: «Auch ist Jeff Bezos nicht der erste Top-Milliardär, der sein Wirken vom Business in private Initiativen der Weltverbesserung verlegt: Microsoft-Gründer Bill Gates (65, 110 Milliarden Dollar Vermögen)... gründete mit seiner Frau die Bill & Melinda Gates Foundation. Eine Stiftung, an die er bereits 2011 knapp ein Drittel seines Vermögens spendete» (<https://www.bild.de/geld/wirtschaft/wirtschaft/jeff-bezos-hoert-bei-amazon-auf-was-der-reichste-mann-der-welt-jetzt-vorhat-75190064.bild.html>).

Но медиадискурс — это пространство, в котором открываются и иные стороны филантропии, выступающие концептуальными составляющими в структуре медиадискурса. К ним можно отнести сближение филантропии и политики (многие депутаты Государственной Думы РФ поддерживают благотворительные инициативы), как, например, представлено в данной статье: «*On top of donations to groups influential in Democratic primaries, the billionaire presidential candidate has committed nearly a quarter of a billion dollars to his new political project in the last month alone*» (https://www.washingtonpost.com/politics/mike-bloombergs-spending-spree-8-billion-in-philanthropy-and-tens-of-millions-to-political-causes/2019/12/14/8a9e1956-1d13-11ea-87f7-f2e91143c60d_story.html).

В ряде случаев филантропия рассматривается как средство руководства, сопряженное с властью, понимаемой по Т.А. ван Дейку

как привилегированный доступ к социальным ресурсам и возможность воздействия на аудиторию.¹⁸² Возможность руководить, обладая финансовыми преимуществами, предстает как форма власти: «When *philanthropy's power couple splits*, Melinda French Gates's influence could grow... Melinda French Gates will have the opportunity to set her own *philanthropic course* after her divorce from Bill Gates» (<https://www.washingtonpost.com/technology/2021/05/05/melinda-gates-philanthropy-influence/>).

В структуру концепта входит и возможность прикрытия политических целей и амбиций: «Giustra gilt als Philanthrop. Der spendable Geschäftsmann soll enge Beziehungen zu den Clintons pflegen... Dollar spendete Giustra für die Stiftung der Clintons, die unter Korruptionsverdacht steht» (<https://www.bild.de/unterhaltung/royals/royals/megxit-dieser-superreiche-lieh-harry-und-meghan-sein-haus-in-kanada-67283972.bild.html>).

Это понятие используется и как средство повышения внутренней самооценки и самопрезентации в обществе: «In seiner Beschreibung heißt es: „Ich bin Will Smith, Schauspieler, Produzent, Rapper, *Philanthrop*, Prinz...”» (<https://www.bild.de/unterhaltung/leute/leute/der-prinz-von-bel-air-will-smith-und-airbnb-vermieten-beruehmte-serien-villa-72899296.bild.html>).

А.В. Олянич считает, что социум и отдельная личность все более нуждаются в самопрезентации, которая позволила бы максимально реализовать прочие потребности.¹⁸³ В ряде случаев презентация благотворительности выступает средством возможной конкуренции между странами (посредством Всемирного индекса благотворительности — World Giving Index): «A report by the Beacon Collaborative charity urges Britain to be friendlier to philanthropists. It says that the country should be taking advantage of its cultural riches, education and science assets, as well as the large financial sector, to become a base for global philanthropy» (The Times. Tuesday, February, 9, 2021).

Популярные личности обращаются к различным проектам, и в этом случае довольно трудно провести грань между благотворительностью в ее истинном смысле и популяризацией своего имени: «...Rihanna has had her hands in multiple philanthropic ventures, including donating to coronavirus relief efforts and showing support for anti-Asian hate protests» (<https://www.usatoday.com/story/entertainment/celebrities/2022/01/25/rihanna-climate-justice-15-million-donation-claralionel-foundation/9213949002/>).

Говоря об огромных суммах, которые не тратятся филантропами на налоги, авторы статей зачастую имплицитно ставят под сомнение ис-

¹⁸² Dijk T.A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach.

¹⁸³ Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. С.10.

крепность интенций, желаний и действий некоторых из них: «Gemeinsam ist den auf Industrievermögen basierenden Foundations, die sich in Holleins Worten als “Change Agents” mit fortschrittlichen Zielen verstehen, dass sie dank ihrer Spenden immense Steuersummen einsparen» (<https://www.zeit.de/2021/38/bipoc-kuenstler-marginalisierte-gruppen-foerderung-coronakrise-usa>). В свою очередь, миллиардеры часто отмечают попытки государственных структур переложить на них ответственность за финансирование: «But many have warned that volunteers are no panacea for the “chronically under-funded” NHS» (<https://www.positive.news/society/millions-of-brits-are-prepared-to-volunteer-for-the-nhs-research-shows/>).

Е.М. Вольф подчеркивает универсальность категории оценки.¹⁸⁴ СМИ представляют неоднозначную оценку меценатов, предлагая читателям тему для размышления сообщением об источниках дохода: «Винфрид Штёкер попадал в сводки российских СМИ и до пандемии. 74-летний немец основал компанию по лабораторной диагностике в 1987 г.ду, будучи главой лаборатории в Медицинском университете Любека. Помимо нескольких патентов, успех Штёкера подтверждает то, что в 2017 г.ду он продал компанию Euroimmun Medizinische Labordiagnostika AG, по разным данным, за € 1,2–1,3 млрд. После этого он создал частную лабораторию для исследований по иммунологии в районе Любека» (<https://iz.ru/1258035/ekaterina-korinenko/boss-urovnia-v-frg-medik-millioner-nezakonno-vaktciniroval-grazhdan>).

Тем не менее, роль филантропии в современном мире остается бесспорной. В России открываются новые региональные представительства, увеличивается количество участников экологических акций. Э. Кассирер подчеркивает роль диалогического пространства в процессе формирования понимания: «Мысль одного из партнеров воспламеняется от мысли другого», в результате посредством этого взаимодействия формируется единый смысловой мир, определяющий надежность человеческого бытия, в котором «каждая мысль должна иметь пробу языка».¹⁸⁵ Проводятся конференции и круглые столы, например: «В рамках работы Лаборатории «Инносотиум» на ПМЭФ-2021 прошли восемь сессий, посвященных филантропии и взаимодействию с некоммерческими организациями. Участники обсудили проведение Специальной олимпиады и работу НКО» (https://aif.ru/society/charity/obedinenie_usiliy_socialnaya_povestka_stala_odnoy_iz_glavnyh_na_pmef-2021).

Согласно информации, представленной в «Известиях», каждый второй житель России так или иначе участвует в благотворительности:

¹⁸⁴ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 3-е. М.: URSS, 2005. С. 9.

¹⁸⁵ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. С. 61.

путем пожертвований в социальных сетях, переводов средств напрямую, передачи вещей, волонтерской деятельности (<https://iz.ru/1255340/sergei-gurianov/doveriai-i-proveriai-rossiian-nauchat-blagotvoritelnosti>).

Таким образом, анализ эмпирического материала позволяет прийти к заключению, что концепт «филантропия» в СМИ получает специфическую репрезентацию, отличную от словарных дефиниций. Сложная комплексная структурно-семантическая организация выявляет дихотомию смыслов, формирующих концепт, демонстрирующих сложную функциональную семантику оценки. Язык, отражающий мир с различных сторон, принимая концепт как ментальное образование, совокупность смыслов, выступает, используя высказывание Э. Кассирера, как «символическая форма», как «путь к нам самим», который «продуктивен в том смысле, что лишь через него строится Я-сознание (Ich-bewusstsein) и самосознание (Selbstbewusstsein)».¹⁸⁶ Одновременно анализ эмпирического материала показывает возрастающую значимость благотворительности, милосердия, рождающие мораль сострадания, которые Н.А. Бердяев называл огромным духовным завоеванием.¹⁸⁷ Постоянные изменения общественных отношений определяют непрерывную динамику пространства концепта «филантропия», вбирающего новые и новые образы, смыслы и метасмыслы.

Список литературы

1. Анненкова И.В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель: лингвофилософский аспект. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2012. 60 с.
2. Антология концептов. Т. 1–8. Волгоград: «Парадигма», 2005–2011.
3. Баранов А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка. Краснодар: «Просвещение — Юг», 2008. 188 с.
4. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: «Республика», 1993. 382 с.
5. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 1993. 237 с.
6. Богин Г.И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. М., 2001. [Электронный ресурс]: <https://scibook.net/filologicheskaya-germenevtika/metaedinitnyi-substantsii-ponimani-26133.html> (дата обращения: 07.02.2023).
7. Бойченко О.В., Баталова М.Э. Информационная безопасность медиакommunikаций // МедиаВектор. Научный журнал. Вып. 4. Новосибирск-Симферополь: АНС «СибАК», 2022. С. 7–10.

¹⁸⁶ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. С. 61.

¹⁸⁷ Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: «Республика», 1993. С. 71.

8. *Буряковская В.А.* Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков). Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. 228 с.

9. *Володина О.В.* Женская языковая личность в медиадискурсе: когнитивно-дискурсивный подход (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2020. 23 с.

10. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. Изд. 3-е. М.: URSS, 2005. 259 с.

11. *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: «Гнозис», 2004. 205 с.

12. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: «КДУ», «Добросвет», 2020. 178 с.

13. *Дугин Е.Я.* Трансформации коммуникативных стратегий медиа к мобилизационно-наступательной модели // Вестник Академии медиаиндустрии: Сборник статей / Сост., вступ. ст. Е. Я. Дугина. М.: Академия медиаиндустрии, 2022. № 2 (30). С. 13–35.

14. *Желтухина М.Р.* Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2004. 44 с.

15. *Карасик В.И.* Языковые ключи. М.: «Гнозис», 2007. 405 с.

16. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. М.: «Гнозис», 2013. 318 с.

17. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М.: «Гардарика», 1998. 784 с.

18. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. [Электронный ресурс]: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/15 (дата обращения: 23.02.23).

19. *Кожемякин Е.* Медиадискурс // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 2 (73). 2010. Вып.11. С. 13–21.

20. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: «Гнозис», 2002. 284 с.

21. *Леонтьев А.А.* Основы психоллингвистики. М.: «Смысл»; СПб.: «Лань», 2003. 287 с.

22. *Литвинов В.П.* Мышление по поводу языка в традиции Г.П. Щедровицкого // Познающее мышление и социальное действие. Наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли. М.: Ф.А.С.-медиа, 2004. С. 249–305. [Электронный ресурс]: <http://shkp.ru/lib/archive/humanitarian/5/7> (дата обращения: 22. 02.23).

23. *Литвинов В.П.* Полилогос: проблемное поле. Опыт первый. Опыт второй. Тольятти, 1997. 180 с.

24. *Литвинов В.П.* Минималистская программа для герменевтики // Герменевтический круг: текст — смысл — интерпретация: Сборник научных статей. Вып. 3. Армавир: РИО АГПА, 2014. С. 5–21.

25. *Оломская Н.Н.* К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17): Филология. С. 250–259.

26. *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса. М.: «Гнозис», 2007. 407 с.

27. *Солганик Г.Я.* От слова к тексту. М.: «Просвещение», 1993. 189 с.

28. *Соколов А.В.* Языковые ресурсы коммуникативных стратегий медиа // Вестник Академии медиаиндустрии: Сборник статей / Сост., вступ. ст. Е. Я. Дугина. М.: Академия медиаиндустрии, 2022. № 2 (30). С. 46–60.

29. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: «Академический проект», 2004. 992 с.

30. *Хлякин О.С.* Благотворительность как общественное явление: социально-философские аспекты. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2004. 18 с.

31. *Федосеева Е.В.* Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации). Дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2016. 23 с.

32. *Штрейс В.А.* Феномен благотворительности в современной России: социально-философский анализ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2011. С. 81–85.

33. *Щедровицкий Г.П.* Сладкая диктатура мысли // Вопросы методологии. 1994. № 1–2. С. 9–12.

34. *Щедровицкий Г.П.* Мышление — Понимание — Рефлексия М.: «Наследие ММК», 2005. 800 с.

35. *Якоба И.А.* Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Улан-Удэ, 2020. 40 с.

36. *Dijk T.A. van.* Discourse and knowledge / James Paul Gee & Michael Handford (Eds.), Handbook of Discourse Analysis. London: Routledge, 2012. PP. 587–603.

37. *Dijk T.A. van.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998.

38. *Heidegger M.* Gesamtausgabe I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970 Band 5 Holzwege. Frankfurt am Main, 1977. 382 S.

39. *Fairclough N.* Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003. 374 p.

Словари

1. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. [Электронный ресурс]: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 19.01.23).

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorussskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-f/116> (дата обращения: 19.01.23).

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 19.01.22).

4. Cambridge Academic Content Dictionary. [Электронный ресурс]: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/philanthropy> (дата обращения: 22.01.23).

5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. [Электронный ресурс]: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/philanthropy> (дата обращения: 19.01.23).

6. Duden. [Электронный ресурс]: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Philanthropie> (дата обращения: 22.02.23).

7. Longman Dictionary of Contemporary English. [Электронный ресурс]: <https://www.ldoceonline.com/search/english/direct/?q=philanthropy> (дата обращения: 19.01.23).

8. Extremes Deutsch. [Электронный ресурс]: <https://extremes-deutsch.de-academic.com/20914/Philanthrop> (дата обращения: 22.01.23).

Сведения об авторе

Черкасова Инна Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). inna_cherkasova@mail.ru

А.В. Науменко-Порохина

A.V. Naumenko-Porokhina

ТВОРЧЕСТВО ВОЕННОГО ЖУРНАЛИСТА ВИКТОРА ВЕРСТАКОВА ABOUT THE WORK OF THE MILITARY JOURNALIST VIKTOR VERSTAKOV

Аннотация:

Статья посвящена анализу творчества российского поэта и военного журналиста Виктора Глебовича Верстакова (р. 1951). Целью работы было определение роли и места темы служения и защиты Отечества в наследии поэта. Научная новизна исследования заключается в том, что стихи-репортажи В.Г. Верстакова изучаются и анализируются впервые. Полученные результаты показали, что тема войны и мира, человека на войне в творчестве этого поэта занимает ведущее место и на се-

годняшний день является более чем актуальной для всего российского общества.

Ключевые слова: военная журналистика, стихотворение-репортаж, защита Отечества, офицеры.

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the work of the military journalist Viktor Glebovich Verstakov. The purpose of the study is to determine the role and place of the theme of service and protection of the Fatherland in the poet's legacy. The scientific novelty of the research lies in the fact that V. Verstakov's reportage poems are studied and analyzed for the first time. The results showed that the theme of war and peace, man at war in the poet's work occupies a leading place and today is more than relevant for our entire society.

Keywords: military journalism, poem-reportage, defense of the Fatherland, officers.

Поэтическое творчество Виктора Глебовича Верстакова (р. 1951), полковника в отставке, поэта-песенника, публициста, военного журналиста, известно и высоко оценено не только в современной военной среде, но и в гражданском обществе. О его лирике написаны две статьи обзорного характера: «Бродил я в стихиях мира...» П. Ткаченко, напечатанной в «Литературной газете» от 20 января 2022 г., и «Рыцарь без страха, но... с упреком (размышления о поэзии В. Верстакова)» А. Карпенко, размещенной на сайте «Art of war».¹⁸⁸

Поэзия В.Г. Верстакова наполнена пафосом служения Отечеству, обращена к животрепещущим вопросам бытия русского человека, к его самосознанию, традиционно формирующемуся под влиянием идей высокой гражданственности и патриотизма — исконных ценностей Русского мира.

Именно поэтому главным героем его стихов, а часто это, по сути, стихотворные репортажи, является воин — защитник Отечества, верный долгу, сохраняющий честь и достоинство в любых обстоятельствах, мужественный и стойкий борец за правду и справедливость, чтущий заветы великих воинов-предков, руководствующийся одним из главных постулатов, высказанных святым благоверным князем Александром Невским: «Не в силе Бог, а в правде; кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет! На том стояла и стоять будет Русская земля!»¹⁸⁹

Воины В.Г. Верстакова — не отвлеченные, умозрительные, а весьма конкретные личности, правдиво и точно изображенные в разных жиз-

¹⁸⁸ http://artofwar.ru/k/karpenko_a/text_0230.shtml

¹⁸⁹ Житие князя Александра Невского // *Гудзий Н.К. Хрестоматия по древней русской литературе*. М.: «Просвещение», 1973. С. 158.

ненных ситуациях. Это и Батя (читай, командир), олицетворение близкого к солдатам по духу наставника, пекущегося о подчиненных; это и безымянный сапер, прощающийся с верным другом — собакой, обещающий не бросить ее; это и прапорщик Зенин, продолживший воинскую традицию отца; и неизвестный боец под Гератом, разговаривающий с автоматом перед боем; и, конечно, войска небесной обороны, вставшие на защиту святой Русской державы. С этими героями В.Г. Верстаков встречался и в Афганистане, где служил как военкор, и в Чечне, куда выезжал в командировки в качестве военного журналиста, а также в разных воинских частях и соединениях, где бывал по заданию редакций военных газет.

Система образов в лирике поэта сильна своей историчностью и традиционностью, привлекает читателя многообразием проявления характерных национальных черт и единством порывов и устремлений: русский воин верен Отечеству и до последней капли крови сражается со злом во имя добра и справедливости.

Виктор Верстаков, будучи воином, духовно близок своим лирическим героям. Во время службы в Афганистане он не только был готов разделить, но и делил с сослуживцами и радости, и горе, познал чувство воинского братства, взаимовыручки и готовности «отдать жизнь за други своя» — все это неоценимые качества русского воинства. Афганский опыт запечатлен в ряде стихов поэта: «Из пламени Афганистана», «Нюрка», «Девятая рота», «Разговор с автоматом», «Горит звезда над городом Кабулом», «Нас в горах не найдет» и др.

Изображая героический подвиг советских воинов в Афганистане в стихотворении «Девятая рота», близком по пафосу и стилю политическому репортажу, В.Г. Верстаков, по сути, слагает гимн воинам, выполнившим свой долг перед Родиной, не отступившим в неравном бою:

*Еще на границе и дальше границы
Стоят в ожидании наши полки,
А там, на подходе к афганской столице,
Девятая рота примкнула штыки.
Девятая рота сдала партбилеты,
Из памяти вычеркнула имена.
Ведь если затянется бой до рассвета,
То не было роты, приснилась она...
Войну мы порой называем «работа»,
А все же она оставалась войной.
Идет по Кабулу Девятая рота,
И нет никого у нее за спиной.¹⁹⁰*

¹⁹⁰ Верстаков В. Девятая рота // «Честь имею, Россия» / Сост. А. Бобров. М., 2022. С. 175.

В сдержанном, почти будничном рассказе о трагической гибели Девятой роты, у которой «никого не было за спиной», поэт формирует у читателя высокое чувство сопричастности происходящему, погружая его в военную обстановку. А глубоко искренние, без ложного пафоса, публицистически страстные слова о прощении лирического героя, обращенные к погибшим, воспринимаются каждым как личные, что и объединяет всех перед лицом нависшей угрозы, делает сильными и убежденными в правоте своих действий:

*Прости же, Девятая рота, отставших:
Такая уж служба, такой был приказ.
Но завтра зачислят на должности павших
В Девятую роту кого-то из нас.¹⁹¹*

Это очень важно не только в процитированном, но и во многих других стихотворениях В. Верстакова — умение обнажить сильное патриотическое чувство наших военнослужащих и акцентировать внимание на выполнении ими воинского долга.

О мужестве и силе духа русского воина рассказывает стихотворение «Разговор с автоматом». И пусть в нем обозначено место пребывания солдата — Герат, а значит, исторически это афганская кампания, в стихотворении описано действие, которое могло произойти с любым бойцом хоть в Первую Мировую войну, хоть в Великую Отечественную, — это подготовка к решающему бою. Русский солдат, осознавая предстоящее, обращается к матери и любимой девушке с последним словом. Так повелось у русских — перед смертью просить прощения у матери и матери-Родины. Поэт напоминает нам о том, сколь неразрывна связь с близкими и Родиной у русского человека, сколь сильна его любовь к ним и как она, эта любовь, сподвигает его на борьбу с врагами земли Русской. Без славословия, предельно просто и понятно раскрывается величие духа воина, готового к решающему поединку, запечатленное поэтом-очевидцем:

*Я видел это под Гератом,
Я слышал это на войне:
Боец о чем-то с автоматом
Беседовал наедине.
Он гладил ствол, цевье и ложе,
Подствольник, магазин, затвор...
И разговор я слышал тоже,
Но то был личный разговор.
Передавать его не вправе,*

¹⁹¹ Верстаков В. Девятая рота // «Честь имею, Россия» / Сост. А. Бобров. М., 2022. С. 176.

*Скажу лишь: говорил солдат
О маме, девушке, заставе,
Стоящей на пути в Герат...
Так настоящие мужчины
Беседуют — наедине.¹⁹²*

В совсем другой, проникновенно лирической тональности звучит трагедия сапера и его лучшего друга — поисковой собаки Нюрки в стихотворении «Нюрка». О величии душевной близости двух живых существ — человека и собаки, выполняющих боевую задачу, поэт говорит предельно точно, каждое слово здесь подчеркивает глубину их чувств и переживаний, как в репортаже:

*Плачет Нюрка, живая душа,
Слезы с кровью смешались на лапах.
Плачет Нюрка, себе не простит.
Но ведь плачет. И все ей простится.
Гладит Нюрку родная рука.
Ей лизнуть бы хозяйскую руку:
Так знакома она, так легка,
Обреченная Нюркой на муку...
«Ты не плачь, Нюрка, я не умру,
Ты не плачь, я тебя не покину».¹⁹³*

О высокой степени человечности и духовности воина говорит поэт, описывая этот почти частный случай, который объективирует гуманистическую сущность происходящего, заставляя «в унисон стучать сердца». Такими и должны быть стихи о настоящем героизме: волнующими и преображающими сердца и души людей, пробуждающими в них высокие смыслы.

Высокие смыслы служения Отечеству Виктор Верстаков обозначил в стихотворении «От боя до боя недолго...». В форме философского размышления о сути бытия человека, используя риторический вопрос как способ акцентирования внимания на главном, а также повтор заключительной фразы в каждом четверостишии в качестве рефрена — «Нам нечего больше терять», поэт решает важную задачу: показывает, что только самодостаточная личность может противостоять злу и быть убежденной в правоте своего дела, поскольку способна осмыслить происходящее и принять правильное решение. Основа для всего этого — осознание истинности таких понятий, как долг, честь, вера. Читая это стихотворение,

¹⁹² Верстаков В. Разговор с автоматом // «Стихи из огня» / Сост. В. Кирюшин. М., 2022. С. 93.

¹⁹³ Верстаков В. Нюрка // Рать. Военный литературный альманах. Белгород, 2021. С. 7.

мы понимаем, сколь велико значение исторически сложившихся в русском сознании и ставших традиционными и незыблемыми принципов существования как всего общества, так и отдельной личности:

*От боя до боя недолго,
Не коротко, лишь бы не вспять.
А что нам терять, кроме долга?
Нам нечего больше терять.
Звезда из некрашеной жести
Восходит над нами опять.
А что нам терять, кроме чести?
Нам нечего больше терять.¹⁹⁴*

Война в Чечне — еще одна болевая точка нашей новейшей истории. Атмосферу непримиримой борьбы с чуждым нам, насаждаемым Западом «новым мировым порядком» воссоздает В. Верстаков в стихотворении «Волки». Образ-символ жестокости и властолюбия использован поэтом с одной целью — показать обреченность зла и несокрушимость добра на Русской земле. Не раздор и разногласие разных народов, проживающих в нашем государстве, а их дружба и взаимопонимание всегда были залогом победы добра над злом. И в этом историческая закономерность нашего общего бытия:

*Волки раньше людей отступили на Дон,
Оглушенные грохотом боя,
Где сражались чеченский и наш батальон,
Побратавшись кровавой судьбою.
Брат, нас боги рассудят, им сверху видней,
Как мы бьемся до смертного пота.
Те, кто выжил, пускай до скончания дней
Помнят, что не сдается пехота.¹⁹⁵*

А высшая правда жизни, по убеждению автора, открывается для многих в часы горьких испытаний, когда «кровавая судьба» объединяет людей, молившихся разным богам, а в результате обретших единство помыслов и устремлений и понимание совместного созидания как высшего блага. Это произведение напоминает рассказ военного корреспондента, побывавшего на месте события и отразившего его точно и правдиво.

Изображая войну и человека на войне, Виктор Верстаков всегда акцентирует внимание на бесчеловечности злых сил, развязывающих военные конфликты, и на противостоянии русского воина этим силам.

¹⁹⁴ Верстаков В. «От боя до боя недолго...» // Рать. Военный литературный альманах. Белгород, 2021. С. 18.

¹⁹⁵ Верстаков В. Волки // День поэзии — XXI век. 2020—2021. М., 2021. С. 59.

В этом и проявляется антивоенный пафос его стихов, традиционно при-
сущий всем произведениям русской литературы, начиная с древнейших
времен и «Слова о полку Игореве».

В стихотворении «Сон на Сирийской войне» поэт вновь обра-
щается к теме воинов-интернационалистов, защищающих национальные
интересы России за ее пределами. Как и в афганском цикле, здесь в пре-
дельно кратком, но подчеркнуто патриотичном духе высказана идея
верности долгу русского воина, долгу перед Родиной:

*На Средиземном море —
Воистину средь земли —
Стояли тогда в дозоре
Русские корабли.¹⁹⁶*

Лирический герой потрясен произошедшим, как истинный гу-
манист горько сожалеет о случившемся, о том, как легко враги рода че-
ловеческого уничтожают созданные веками ценности.

Самая животрепещущая тема в творчестве В. Верстакова и мно-
гих других современных российских поэтов и прозаиков — Специа-
льная военная операция на Украине, по сути, на нашей, Русской земле.
Проблема утраты исторической памяти и русского самосознания мно-
гими проживающими на территории нынешней Украины не просто ак-
туальна, она сверхважна для всего славянского мира, который коллек-
тивный Запад пытается уничтожить. Об этом говорил еще в XIX в. Ф.М.
Достоевский: «Идет борьба Бога с дьяволом, а поле борьбы — сердца
человеческие».¹⁹⁷ К тому, что произошло со многими украинцами и по-
чему они заняли националистические позиции, «позабыв» историю, В.
Верстаков относится однозначно отрицательно, осуждая предателей
за измену:

*Какая, на фиг, Украина,
Когда есть Киевская Русь —
Первооснова, сердцевина,
Славянская мечта и грусть!
Великороссы, малороссы...
Никто не мал и не велик.
Да, чуть по-разному курносы,
Да отличается язык.
Но, встретясь, понимаешь мигом:
Проходит русский человек!
А разойдемся ненадолго,*

¹⁹⁶ Верстаков В. Сон на Сирийской войне // День поэзии — XXI век. 2020–2021.
М., 2021. С. 58.

¹⁹⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: «Эксмо», 2006. С. 113.

*Вдруг обернемся на пути:
За нами Днепр, за нами Волга —
Нам больше некуда идти!*¹⁹⁸

Напоминая нынешним «братьям-славянам», утратившим историческую память, о единстве и дружбе восточных славян, поэт уверен в том, что просветление в их сознании все же произойдет и все вернется на круги своя, победит не западное «ничего личного, только бизнес», а русское «жизнь положить за други своя». Это политическое стихотворение обращено ко всем нам, сообщает о важном, напоминает о настоящих ценностях личного и общественного характера, указывает на суть происходящего, способствует прозрению и подталкивает к справедливому и правильному выбору. Воспринимается оно как набат церковного колокола, зовущего весь народ на бой с врагом и укрепляющего его дух. И главное, поэт убежден и верит в то, что только в единстве славянские народы преодолеют те испытания, которые на них обрушились в очередной раз. Публицистическое и в то же время страстное, печальное лирическое начало делает это стихотворение незабываемым, едва ли не программным, наставляющим на путь истинный каждого. И в этом (в который раз!) проявляется высокая гражданственность и патриотизм Виктора Верстакова.

Стихотворное посвящение русскому воину «Были когда-то и мы офицеры...» обращено к истории русского офицерского сословия, и в то же время это размышление о судьбах его лучших представителей, об их понимании долга, чести, веры и любви к Отечеству. Русский офицер для поэта — личность сильная, преданная своему народу во все времена, героическая в самом прямом смысле этого слова. Называя офицеров бражниками, ратниками, пленниками чести, хранителями веры, Христовой ратью, автор констатирует неизменность подлинного воинского служения этих людей Отечеству в разных исторических и жизненных ситуациях. Именно они, офицеры, по убеждению В. Верстакова, средоточие высоких нравственных идеалов, а значит, являются надежным щитом и опорой Отечеству и народу:

*Были когда-то и мы офицеры —
Бражники, ратники, юность Руси...
Пленники чести, хранители веры...
...Цифры «14-й» — «41-й»*

¹⁹⁸ Верстаков В. «Какая, на фиг, Украина!» // Позывной — Победа! Антология современной патриотической поэзии. М., 2022. С. 59.

*Перевернула эпоха сплеча.
Рвутся фронты, как лежалые нити,
И не в Галиции, возле Москвы.
Перед женой, капитан, повинитесь,
Перед Россией оставайтесь правы.¹⁹⁹*

Четырежды повторенная фраза, начинающая стихотворение, словно бы открывает каждый раз новую историческую главу в описании и понимании русского офицерства. Одновременно этот прием повтора усиливает значимость содержимого, помогает автору полно и до конца раскрыть идею произведения. Использование же местоимения «мы» указывает на личную сопричастность описываемому, словно бы растворяет личное в общем, обогащая его. В. Верстаков высказывает свое, основанное на личном опыте видение проблемы долга. Это придает стихотворению высокий, балладный характер. Неслучайно здесь и сильное акцентирование на проблеме личности, что по-журналистски своевременно и актуально!

Все это позволяет говорить о большом вкладе поэта в разработку фактически нового жанра военной журналистики — стихотворения-репортажа.

Список литературы

1. Верстаков В. «Были когда-то и мы офицеры...» // Рать. Военный литературный альманах. Белгород, 2021. С. 24.
2. Верстаков В. Волки // День поэзии — XXI век. 2020—2021. М., 2021. С. 59.
3. Верстаков В. Девятая рота // «Честь имею, Россия» / Сост. А. Бобров. М., 2022. С. 175.
4. Верстаков В. «Какая, на фиг, Украина!» // Позывной — Победа! Антология современной патриотической поэзии. М., 2022. С. 59.
5. Верстаков В. Нюрка // Рать. Военный литературный альманах. Белгород, 2021. С. 7.
6. Верстаков В. Разговор с автоматом // Стихи из огня / Сост. В. Кирюшин. М., 2022. С. 93.
7. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: «Эксмо». 2006.
8. Житие князя Александра Невского // Гудзий Н.К. Хрестоматия по древней русской литературе. М.: «Просвещение», 1973.

¹⁹⁹ Верстаков В. «Были когда-то и мы офицеры...» // Рать. Военный литературный альманах. Белгород, 2021. С. 24.

Сведения об авторе

Науменко-Порохина Алла Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры культуры Военного университета Министерства обороны им. Александра Невского.
naumenko.porohina@gmail.com

Information about the author

Naumenko-Porokhina Alla Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Culture, Military University of the Ministry of Defense named after Prince Alexander Nevsky.
naumenko.porohina@gmail.com

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИКА

А.Б. Бакурадзе
A.B. Bakuradze

УЧЕБНЫЙ КУРС «КАЗАЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ»: АКТУАЛЬНОСТЬ, ЦЕЛИ, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРВЫЕ ИТОГИ АПРОБАЦИИ

TRAINING COURSE «COSSACKS IN THE SERVICE OF THE FATHERLAND»: RELEVANCE, GOALS, STRUCTURE, CONTENT AND FIRST RESULTS OF APPROBATION

Аннотация:

В статье уточнено понятие «казачий образовательный компонент» и описаны модели его реализации (модели обучения) в организациях высшего образования на примере МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). На основании анализа этих моделей была выдвинута идея и обоснована актуальность разработки базового учебного курса «Казачество на службе Отечеству» для студентов первых курсов университетов, входящих в Ассоциацию казачьих вузов России. С учетом особенностей подготовки контингента обучающихся автором сформулированы цели данного учебного курса, имеющие как учебную, так и воспитательную направленность, а также планируемые образовательные результаты, на достижение которых ориентируется профессорско-преподавательский состав, читающий курс «Казачество на службе Отечеству». Эти цели определяют структуру содержания курса, состоящего из пяти разделов, которые после изучения первого раздела могут изучаться в различной последовательности в качестве самостоятельных образовательных модулей.

К новизне проведенного исследования следует отнести выделенные специфические критерии отбора содержания курса «Казачество на службе Отечеству», которые могут быть использованы для отбора содержания и других базовых учебных дисциплин. На основании общих и особенных критериев отбора в процессе разработки курса было обосновано содержание его пяти разделов, основные элементы которого представлены в статье: «Аксиологические и правовые основы деятельности российского казачества», «Казачьи общества и иные объединения казаков», «Исторический вклад казачества в развитие России», «Духовность и вера казачества», «Образование и культура российского казачества».

В представленном материале описаны основные характеристики учебного пособия «Казачество на службе Отечеству», предназначенного для студентов, изучающих одноименный курс. Также автор подводит первые итоги апробации данного курса, который вызвал значительный интерес у подавляющего большинства обучающихся и был признан ими как полезный. По итогам проведенной апробации были определены направления совершенствования содержания курса «Казачество на службе Отечеству» и методики его преподавания, описанные в статье.

Ключевые слова: казачий образовательный компонент, модель обучения, учебный курс, цели учебного курса, структура учебного курса, отбор содержания обучения, апробация учебного курса.

В соответствии со Стратегией государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 г. одной из задач государственной политики в отношении российского казачества является содействие воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма, гражданской ответственности и готовности к служению Отечеству с опорой на духовно-нравственные основы и ценности российского казачества.²⁰⁰ На решение этой задачи нацелен казачий образовательный компонент, который представляет собой комплекс воспитательных и учебных мероприятий, направленных на создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе ценностей и традиций российского казачества, для овладения им знаниями, умениями, навыками и компетенциями, необходимыми для обеспечения готовности к несению государственной и иной службы российского казачества, к участию в многогранной деятельности казачьих обществ и иных объединений казаков.

МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), имея статус казачьего университета, в течение более чем десяти лет проводит работу по совершенствованию казачьего образовательного компонента. Прежде всего это касается основной деятельности вуза — осуществления образовательной деятельности по программам высшего образования.

Анализ такой работы позволяет выделить несколько моделей реализации казачьего образовательного компонента (моделей обучения).

1. Модель интеграции казачьего образовательного компонента в основные образовательные программы (модель интеграции). Данная модель активно использовалась и используется в образовательном

²⁰⁰ Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гды» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 32. Ст. 5259.

процессе вуза. Так, в рамках учебных курсов по программам подготовки технологов пищевых производств изучаются темы, связанные с особенностями казачьей кухни. В ходе занятий по курсу «История» студенты знакомятся с основными событиями истории российского казачества, а в ходе занятий по гражданско-правовым дисциплинам — со спецификой регулирования правовых отношений между казачьими обществами и органами государственного и муниципального управления.

Такая модель позволяет изучить различные аспекты бытия российского казачества как составную часть будущей профессиональной деятельности студентов, расширить их кругозор в части знаний о прошлом и настоящем казаков. Однако эта модель не формирует у обучающихся систему знаний о российском казачестве и перспективах его развития в целом, акцентируя внимание студентов на выработке умений решать утилитарные вопросы по проблематике казачества, с которыми им, возможно, придется столкнуться в ходе своей будущей профессиональной деятельности.

2. Модель самостоятельных факультативных учебных курсов, посвященных российскому казачеству. Такая модель получила активное развитие в МГУТУ им. К.Г. Разумовского с 2014 г., когда вузу по решению Минобрнауки России было присвоено название «Первый казачий университет», что потребовало от образовательной организации активизации в части разработки содержания и методик учебных курсов, нацеленных на изучение всеми студентами казачьего образовательного компонента. В ходе такой работы в учебные планы университета были введены такие курсы, как «История казачества», «Духовно-нравственные основы российского казачества», «Культура казачества», «Старославянский язык», «Основы православия» и ряд других. Для координации учебной работы и научных исследований по проблематике казачества в вузе была создана кафедра истории и культуры казачества.

Проведенная работа привела к увеличению объемов изучаемого казачьего образовательного компонента. Вместе с тем, как и при реализации модели интеграции, не удалось достичь системности в изучении студентами проблематики казачества. Небольшие по объему учебные дисциплины, читаемые на разных курсах, были слабо связаны между собой, хотя их содержание в определенной степени дублировалось. Данные обстоятельства снижали мотивацию студентов к изучению таких дисциплин, поскольку многие обучающиеся не видели смысла для себя в их освоении. Решение этой проблемы лежало как в плоскости усиления связи учебной аудиторной деятельности студентов с внеаудиторной воспитательной работой, направленной на принятие ими ценностей и традиций российского казачества,²⁰¹ так и в плане создания учебной

²⁰¹ Бакурадзе А.Б., Комаров А.П. Ценности казачества: содержание, динамика

дисциплины, интегрирующей знания о прошлом и настоящем казаков нашей страны. Последнее побудило нас перейти к модели базового курса при изучении казачьего образовательного компонента.

3. Модель базового учебного курса. Проведенное нами в 2020–2021 г. исследование знаний о российском казачестве поступивших на первый курс студентов головного подразделения университета показало, что лишь примерно 6,4 % опрошенных смогли в той или иной мере дать адекватную характеристику этого социального феномена. Это были выпускники университетского колледжа, казачьих кадетских корпусов и казачьих кадетских классов, студенты, поступившие в вуз по целевому набору от казачьих обществ, а также обучающиеся, идентифицирующие себя как казаки и казачки по происхождению. По признанию около 91,2 % опрошенных студентов первого курса, они не задумывались, поступая в МГУТУ им. К.Г. Разумовского, что будут учиться в казачьем вузе. При этом около четверти поступивших в вуз студентов откровенно признались, что ничего не слышали о казаках и казачестве, а примерно каждый десятый из опрошенных утверждал, что казаков в современной России не существует.

Поскольку в обозримом будущем такая ситуация радикальным образом вряд ли изменится, была выдвинута идея построения базового учебного курса, смысл которой заключался в необходимости достижения обучающимися понимания позитивной роли российского казачества в прошлом и настоящем нашего государства. Для реализации этой идеи был разработан учебный курс «Казачество на службе Отечеству», общим объемом пять зачетных единиц, ориентированный на студентов первого года обучения всех направлений подготовки. Целями данного курса, которые носят как воспитательный, так и учебный характер, стали:

- получение обучающимися первичных знаний о казаках и казачестве;
- формирование у студентов положительного образа российского казачества;
- пробуждение у них желания участвовать в жизни казачьих обществ и иных объединений казаков.

Для того чтобы указанные цели были реализованы, в рамках курса «Казачество на службе Отечеству» необходимо решить комплекс воспитательных и учебных задач, которые позволяют достичь следующих образовательных результатов.

1. Освоение студентами понятий «российское казачество» и «казак», изучение и осознание традиционных казачьих ценностей и правовых основ деятельности современного российского казачества, которые

определяют статус казачьих обществ и регламентируют их государственную и иную службу.

2. Понимание студентами целей, направлений работы и структуры казачьих обществ Российской Федерации, их отличий от иных объединений казаков, а также знание особенностей деятельности таких объединений на примере наиболее крупных из них.

3. Осознание обучающимися исторического вклада казачества в развитие России, что предусматривает: знание ими основных вех истории освоения и развития казаками новых территорий нашего государства; наличие представлений об участии казачества в защите Российского государства и его народа от внешних агрессий; знание основных направлений социально-экономической жизни казаков в различные эпохи, способствовавших как становлению и сохранению самого казачества, так и расцвету экономики, социальной и духовной жизни страны в целом.

4. Понимание студентами того факта, что духовным стержнем казачества является православие, что проявляется в постоянном следовании казаков и казачек православным традициям; знание основ православного базиса культуры казачества вне зависимости от религиозных убеждений самих обучающихся.

5. Знание обучающимися основ многогранной культуры казачества: от песенной и танцевальной культуры до казачьей кухни; наличие представлений о системе непрерывного казачьего образования; знание о произведениях литературы и искусства, героями которых являются казаки и казачки.

Указанные цели и планируемые результаты образовательной деятельности определили структуру учебной дисциплины «Казачество на службе Отечеству». Она включает в себя пять образовательных модулей (разделов):

1. Аксиологические и правовые основы деятельности российского казачества.

2. Казачьи общества и иные объединения казаков.

3. Исторический вклад казачества в развитие России.

4. Духовность и вера казачества.

5. Образование и культура российского казачества.

Предусматривается, что изучение курса начинается с первого модуля, а далее их последовательность может быть различной. Это диктуется как принципом нелинейности, лежащим в основе построения содержания данной учебной дисциплины, так и особенностями организации образовательного процесса, связанными с формированием оптимального для студентов и преподавателей расписания занятий.

Применение принципа нелинейности в организации содержания учебной дисциплины «Казачество на службе Отечеству» означа-

ет отход от принципа историзма, который чаще всего используется при построении учебных курсов в высшей школе. Такой отход обосновывается стремлением усилить значение курса как побудителя интереса обучающихся к многогранной деятельности современного российского казачества. Знакомство с ней сильнее стимулирует подавляющее большинство студентов к изучению истории казачества по сравнению с изучением ее в начале курса, когда для значительной части обучающихся непонятен смысл освоения новых исторических знаний, которые, по их мнению, никак не связаны с современной действительностью и их будущей профессиональной деятельностью. Вместе с тем, уже при изучении первого модуля «Аксиологические и правовые основы деятельности российского казачества» необходимо привлечение многочисленных исторических фактов, иллюстрирующих ценности казачества и подводящих студентов к осознанию правовых оснований современного российского казачества. Это выдвигает значительные требования к преподавателям данного модуля в части знания ими как закономерностей исторического процесса, так и истории казачества.

Одной из важнейших дидактических проблем, которую пришлось решать авторам курса «Казачество на службе Отечеству», стала проблема отбора содержания обучения по названным выше образовательным модулям. С одной стороны, оно должно было соответствовать всем требованиям современной теории и практики высшего образования, а с другой — отвечать таким критериям, как:

- достаточность для осознания студентами важной роли казачества в становлении и укреплении российской государственности, в защите независимости Родины в различные исторические эпохи;

- ориентация на формирование позитивного образа российского казачества в сознании студентов в сочетании с пониманием ими сложности и противоречивости российского казачества как социального феномена, его истории и современного положения;

- мотивация на продолжение изучения темы казачества и возникновение желания принять участие в деятельности казачьих обществ и иных объединений казаков или усиление такого желания для тех обучающихся, которые уже являются казаками и казачками;

- сочетание достаточной сложности учебного материала с его доступностью, что достигается качественным методическим обеспечением образовательного процесса и стимулирует студентов на дальнейшее изучение феномена российского казачества.

Выделенные нами специфические критерии могут быть использованы для отбора содержания базовых учебных дисциплин по различным проблематикам.

Исходя из указанных выше целей курса, его структуры и критериев отбора было определено содержание учебной дисциплины «Казачество на службе Отечеству».

Первый раздел курса, в рамках которого изучаются аксиологические и правовые основы деятельности российского казачества, начинается с рассмотрения определения понятия «российское казачество», данного в Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021—2030 гг. Его освоению студентами способствует обращение к определениям понятий «казак», «казачество», данным в разные исторические эпохи выдающимися учеными и литераторами нашей страны (В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, В.И. Даль, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой и др.)²⁰². И хотя не все эти определения носят научный характер, но каждое из них показывает ту или иную существенную характеристику казачества, что необходимо для формирования у обучающихся позитивного представления о казаках.

Изучение первого раздела курса продолжается знакомством студентов с ценностями казачества, которые нашли свое отражение в казачьих заповедях²⁰³. В ходе семинарского занятия проводится обсуждение влияния ценностей казачества на образ жизни казаков в различные исторические эпохи, а также рассматривается проблема актуальности в современном мире казачьих заповедей, сформулированных в XIX столетии.

Также в первом разделе курса в достаточно большом объеме представлен правовой блок, в состав которого входят темы «Правовое регулирование возрождения казачества», «Правовой статус казачьего общества», «Правовые основы государственной и иной службы российского казачества». В целях формирования у студентов видения своих жизненных перспектив, связанных с казачеством, изучаются условия вступления в казачьи общества, цели и направления их деятельности, содержание государственной и иной службы российского казачества, порядок принятия на себя обязательств по ее несению. На это ориентированы как лекционные, так и практические занятия. В ходе последних студенты обсуждают содержание различных направлений возрождения российского казачества и свой возможный вклад в данный процесс.

Второй раздел курса начинается с изучения общих и особенных характеристик казачьих обществ и общественных объединений казаков. Данный раздел нацелен на формирование у студентов пред-

²⁰² Казачество. Энциклопедия. М.: «Энциклопедия», 2008. 720 с.

²⁰³ Казачьи заповеди от природного казака Евсеева Ивана Васильевича, который жил на хуторе Набатов. [Электронный ресурс]: <http://russkie-kazaki.ru/kazachii-zapovedi> (дата обращения: 05.04.2023).

ставлений о различных казачьих организациях России, прежде всего Всероссийском казачьем обществе. Поэтому в нем подробно рассматривается иерархия казачьих обществ: первичные и районные (юртовые) казачьи общества, окружные (отдельские) казачьи общества, войсковые казачьи общества.

В развитие темы несения казачеством государственной и иной службы во втором разделе курса рассматриваются ее организационные аспекты. Также продолжается знакомство обучающихся со Стратегией государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 г. и с основными мероприятиями плана ее реализации в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Поскольку одним из направлений указанной Стратегии является консолидация российского казачества, в содержании этого раздела значительный упор сделан на изучение студентами деятельности нереестровых объединений казаков, прежде всего таких крупных, как «Союз казаков России» и «Союз казаков-воинов России и зарубежья».

Итоговое занятие по второму разделу проводится в виде практикума на тему «Проектирование деятельности станицы», выполняемого в группах из 5–8 студентов. Каждой группе предлагается кейс с описанием условий территории (природно-климатических, социально-экономических и пр.), на которой размещается станица. Обучающимся необходимо:

1. определить и обосновать ведущие виды деятельности казаков станицы, описав основные действия по их реализации;
2. определить и обосновать дополнительные виды деятельности казаков станицы, описав основные действия по их реализации;
3. определить перспективные направления дальнейшего развития станицы и первоочередные меры по их реализации;
4. выявить факторы, способствующие деятельности станицы;
5. выявить факторы, препятствующие деятельности станицы;
6. сформулировать требования к казакам и казачкам, живущим в станице, исходя из ведущих и дополнительных видов деятельности, а также перспектив развития станицы.

Выполнение такого практикума позволяет обобщить знания, полученные студентами в результате обучения по первому и второму разделам курса, развить у них навыки командной работы, критического мышления, проектной деятельности и стимулировать дальнейший интерес к изучению российского казачества.

Третий раздел курса посвящен изучению исторического вклада казачества в развитие России. При разработке содержания данного раздела мы должны были ответить на вопрос: «Какое содержание многогранной

истории российского казачества должно быть освоено студентами неисторических специальностей, обучающимися в МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), чтобы они осознали прогрессивную роль казаков в истории России?» При ответе на этот вопрос были выделены три содержательные доминанты, по которым и осуществлен отбор фактического материала:

1. освоение новых территорий и защита казаками границ Отечества;
2. служение казаков Российскому государству на различных этапах его исторического развития;
3. участие казаков в социально-экономических процессах.

Перед тем как приступить к освещению этих тем, рассматриваются вопросы о происхождении казачества и расселении казаков, особенности служилого и вольного казачества. В рамках первой доминанты студентами изучались темы «Защита казаками границ Русской земли и освоение новых территорий в XV—XVII вв.», «Освоение казаками новых территорий в XVIII—XIX вв. Защита границ Российской империи», «Роль казачества в современных геополитических процессах». Освоение знаний по этим темам позволяет обучающимся осознать значимость роли российского казачества в расширении нашего государства и укреплении его территориальной целостности, увязав процессы формирования территории страны начиная с эпохи Московского государства и современные геополитические процессы.

Вторая доминанта предполагает рассмотрение тем «Казачество на службе Российского государства в XV—XVIII вв.», «Служба и героическое участие казаков в войнах в составе российской армии в XIX — начале XX в.», «Казачество в период Советской власти», «Героизм казаков в Великой Отечественной войне», «Казачество в Вооруженных Силах современной России». Их изучение дает возможность студентам познакомиться с основными событиями из героического прошлого российского казачества и увидеть продолжение воинских традиций казаков в настоящем. В рамках указанных тем изучаются как вопросы, связанные с особенностями военного искусства казаков, так и сложные проблемы политической истории России, напрямую затронувшие казачество. К их числу относятся вопросы о политике Петра I в отношении казаков и превращении казачества в сословие Российской империи, о противостоянии «белых» и «красных» казаков в годы Гражданской войны и советской политике расказачивания, о массовом героизме казаков на фронтах Великой Отечественной войны и поддержке отдельными представителями казачества нацистской Германии и ее союзников, а также ряд других.

Третья доминанта изучения истории казачества представлена темами «Экономика казачества в XIV—XVII вв.», «Социально-экономическая жизнь казаков в период Российской империи» и «Основные направ-

ления участия казаков в развитии экономики современной России». Их освоение дает возможность студентам понять особенности социально-экономического уклада российских казаков, проживавших на различных территориях, связав его с современным состоянием казачьих хозяйств. Это позволяет обучающимся лучше уяснить меры, которые предлагают государством в ходе поддержки социально-экономического развития современного российского казачества.

Значительное внимание в ходе изучения раздела «Исторический вклад казачества в развитие России» уделяется знаковым событиям истории казачества, демонстрирующим героизм казаков и их ориентацию на ценности патриотизма.²⁰⁴ К таким событиям относятся азовское осадное сидение казаков, рейд конницы М.И. Платова во время Бородинского сражения, рейд по тылам немецких войск кавалерийской группы Л.М. Доватора во время битвы под Москвой и Куцевская атака в августе 1942 г. Также при освоении данного раздела курса студенты знакомятся с боевыми заслугами и биографиями выдающихся воинов-казаков, прославивших себя как в качестве военачальников (М.И. Платов, Я.П. Бакланов, А.Г. Головкин, М.М. Попов и др.), так и в качестве рядовых воинов и младших командиров (К.И. Аксенов, К.Ф. Крючков, Д.Ф. Лавриненко, К.И. Недорубов и др.), с судьбами знаменитых военных конструкторов и инженеров — казаков по происхождению (С.И. Мосин, Ф.В. Токарев, Д.М. Карбышев и др.), с казачьими войсками, существовавшими в различные периоды отечественной истории.²⁰⁵

Четвертый раздел курса — «Духовность и вера казачества» посвящен духовной основе мировоззрения казаков, которой является православие. В результате освоения данного раздела курса студентами должен быть осознан тот факт, что каждый казак является воином — защитником своего Отечества и своей веры. Понимая это, казаки истари опирались на православные ценности в воспитании своих детей, что на различных примерах традиционного образа жизни российского казачества показывается в рамках лекционных занятий по данному разделу.

Поэтому в курсе «Казачество на службе Отечеству» значительный объем учебного времени занимает изучение православия. Прежде всего это касается освоения обучающимися основ православного ве-

²⁰⁴ Бакурадзе А.Б., Комаров А.П., Похилук А.В. Патриотизм и православие как ценности казачества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1. С. 94–102.

²⁰⁵ Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М.: Воениздат, 1995. 556 с.

роучения, постижение которых дает студентам возможность понимать различные аспекты православного мировоззрения и разнообразных его проявлений. В ходе изучения раздела «Духовность и вера казачества» обучающиеся уясняют для себя роль православных праздников в культуре казачества, знакомятся с небесными покровителями различных казачьих войск и святыми из казачьих родов, узнают историю особо почитаемых казаками икон, монастырей и храмов. Обучение по данному разделу содержательно тесно связано с преподаванием учебной дисциплины «Религиоведение», что позволяет студентам осознать особенности православного мировоззрения, сравнивая его с мировоззрением представителей иных конфессий, изучить религиозные представления казаков, не исповедующих православие (калмыков, бурят и пр.).

Самым разнообразным по содержанию среди разделов курса «Казачество на службе Отечеству» является его пятый раздел, посвященный культуре казачества. Он интегрирует в себе знания о многогранных ее проявлениях в различных сферах человеческой жизнедеятельности.

Открывается этот раздел темой «Образование казаков», изучая которую студенты знакомятся с основами казачьей педагогики и системой непрерывного образования казачества. Сложность ее освоения заключается в том, что при наличии у студентов представлений о сфере образования на уровне обыденного познания они, за исключением обучающихся на направлениях педагогической подготовки, не обладают теоретическими знаниями в области педагогики. Поэтому в процессе преподавания студенты непедagogических направлений подготовки осваивают понятия «образование», «воспитание», «обучение», «уровень образования», «образовательная организация», «педагогика» и ряд других, позволяющих понять содержание данной темы. В ходе ее изучения основной упор делается на традициях воспитания казаков и казачек и использовании таких традиций в современном образовательном процессе. Также изучается структура системы непрерывного казачьего образования по уровням основного образования с учетом его интеграции с дополнительными образовательными программами. При этом значительное внимание уделяется знакомству с образовательным процессом в казачьих кадетских корпусах, в которых в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» освоение общеобразовательных предметов сочетается с подготовкой учащихся (кадет) к несению государственной, военной или иной службы российского казачества.²⁰⁶

²⁰⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Рос-

Одной из ключевых в данном разделе курса является тема «Изображение казачества в литературе. Творчество выдающихся казачьих писателей и поэтов». В ходе ее изучения студенты обращаются как к уже знакомым им по школьному курсу литературы произведениям, героями которых являются казаки, например, поэме А.С. Пушкина «Полтава» и повести «Капитанская дочка», повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», так и к произведениям классиков отечественной литературы, не изучаемым в школе, но посвященным теме казачества (стихотворение М.Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная» и его же поэма «Аул Бастунджи», повести Л.Н. Толстого «Казаки» и «Кавказский пленник» и др.). Это дает возможность обучающимся благодаря уникальным художественным средствам литературы познать многогранность казачества как социальной общности, понять его отношение к окружающей действительности, уяснить мотивы действий казаков, сформированные их традиционными ценностями. В этой связи особую актуальность приобретает изучение произведений писателей и поэтов — казаков по происхождению. Первыми в их ряду стоят лауреат Нобелевской премии по литературе М.А. Шолохов, поэт Н.Н. Тuroверов, «Гомер казачества» Ф.Д. Крюков, автор романа «Даурия» К.Ф. Седых, чьи произведения подробно изучаются в рамках указанной темы.

Выше уже отмечалось, что построенная по модульному принципу учебная дисциплина «Казачество на службе Отечеству» после прохождения первого раздела может иметь различную структуру, предполагающую разные последовательности изучения разделов. Однако целесообразно, чтобы темы «Традиции культуры казачества. Казачьи обряды» и «Быт казаков» изучались после прохождения четвертого раздела, поскольку традиции, обряды и быт казачества во многом определяются православным мировоззрением. Кроме того, при изучении этих тем важным является построение внутридисциплинарной связи с уже освоенными обучающимися в первом разделе курса аксиологическими основаниями казачества.

Значительное место в пятом разделе курса отводится знакомству студентов с вкладом казаков в различные виды искусств, чему посвящены темы «Певческая культура казаков», «Танцевальная культура казаков», «Тема казачества в живописи. Знаменитые художники-казаки». Их преподавание требует наличия специалистов, хорошо понимающих специфику казачьих песен и танцев, знающих особенности различных жанров живописи. Также при изучении тем, связанных с искусством казачества, обязательным является использование современных техниче-

ских средств обучения, позволяющих демонстрировать различные эффекты, которые дают возможность активного чувственного познания. Без этих средств сегодня невозможно полноценное освоение содержания учебных курсов, ориентированных на проблематику культуры.

Интегрирует изучение традиций и искусства казаков тема «Казачьи музеи и памятники славы казачества», в ходе которой студенты знакомятся с местами, где каждый может соприкоснуться с самобытной казачьей культурой, почувствовать ее неисчерпаемость и высокий потенциал развития. Также пониманию многогранности культуры казачества способствует знакомство студентов с традиционными казачьими видами спорта и особенностями кухни казаков, чему посвящены соответствующие темы в пятом разделе курса.

Для изучения студентами курса «Казачество на службе Отечеству» было подготовлено одноименное учебное пособие, структура которого соответствует структуре образовательной программы данного курса.²⁰⁷ Содержание учебного пособия отражает основное содержание рассматриваемых в ходе каждой темы вопросов. Пособие снабжено цветными вклейками, которые дополняют текст, позволяя наглядно представить героическую историю и современное развитие казачества, почувствовать неисчерпаемое богатство казачьей культуры. Тем самым разработанное специалистами университета учебное пособие ориентировано как на рациональное, так и на чувственное познание обучающихся. В качестве дополнительной учебной литературы студенты университета активно используют ресурсы электронной библиотеки казачества, созданной Российской государственной библиотекой в рамках реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 г.

В настоящее время курс «Казачество на службе Отечеству» проходит апробацию в рамках образовательного процесса по всем направлениям подготовки, которые ведутся в МГУТУ им. К.Г. Разумовского. По результатам ее первого года нами были внесены изменения в содержание ряда тем. Помимо естественных правок, связанных с совершенствованием законодательной базы, регламентирующей государственную и иную службу российского казачества, изменения касались увеличения объема материалов о выдающихся представителях казачества и их достижениях на благо Отечества, о героизме казаков в защите Родины, в том числе в настоящее время. Такое увеличение произошло за счет сокращения времени на изучение второстепенных фактов истории и современного положения казачества, знание которых необходимо

²⁰⁷ Казачество на службе Отечеству. М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского, 2021. 220 с.

ограниченному кругу специалистов. Также в учебное пособие были внесены правки, позволяющие однозначно трактовать решения высших судебных органов СССР и Российской Федерации в отношении казаков, принимавших активное участие в Великой Отечественной войне на стороне нацистской Германии и ее союзников. Они необходимы прежде всего для воспитания негативного отношения молодежи к предательству, отношения, которое традиционно было присуще казачьей среде.

Опрос студентов очной и очно-заочной форм обучения головного подразделения МГУТУ им. К.Г. Разумовского об их отношении к курсу «Казачество на службе Отечеству», проведенный в декабре 2022 — феврале 2023 г., в котором участвовало примерно две трети первокурсников, показал, что 42,5 % опрошенных оценили его как очень интересный, а 45,4 % — как интересный. При этом доля студентов, сказавших, что данный курс им абсолютно неинтересен или скорее неинтересен, составила 1,2 % и 0,7 % от числа опрошенных соответственно. Остальные студенты (10,2 %) указали на средний уровень своего интереса к данному курсу. Отвечая на вопрос о полезности знаний и умений, которые они приобретают в рамках изучения курса «Казачество на службе Отечеству», 38,6 % первокурсников указали, что он очень полезен, а 47,1 % — что достаточно полезен. На средний уровень полезности для них данного курса указали 12,3 % опрошенных. Как недостаточно полезный или бесполезный оценили курс 1,6 % и 0,4 % обучающихся соответственно.

На основании полученных данных можно констатировать, что студенты в целом высоко оценили уровень своего интереса и полезность курса «Казачество на службе Отечеству». Однако это не означает, что его содержание не требует корректировок по итогам анализа результатов апробации. Основными направлениями его совершенствования станут:

- уточнение содержания курса в части разделов, посвященных истории и культуры казачества;

- дальнейшая разработка методики преподавания курса и его дидактического обеспечения: формирование кейса практических работ, определение содержания семинарских занятий, подготовка методических рекомендаций для студентов и преподавателей, дальнейшее формирование фондов оценочных средств, создание современных средств электронного обучения;

- построение внутридисциплинарных связей между разделами и темами курса, а также междисциплинарных связей с широким спектром учебных дисциплин, преподающихся на разных направлениях подготовки;

- интеграция курса с родственными учебными дисциплинами гуманитарного цикла;

— интеграция курса с дополнительными общеразвивающими программами и дополнительными профессиональными программами повышения квалификации и профессиональной переподготовки, включенными в казачий образовательный компонент;

— разработка углубленной версии курса для его изучения студентами казачьего бакалавриата, набор которого будет осуществляться в 2023 учебном году в рамках государственного задания университету;

— внесение необходимых изменений в учебное пособие «Казачество на службе Отечеству».

Детализация планируемых изменений будет осуществлена после анализа хода и результатов образовательного процесса по курсу «Казачество на службе Отечеству» в 2022/23 учебном году.

Таким образом, в рамках совершенствования казачьего образовательного компонента нами был проведен анализ его моделей, которые на протяжении более чем десяти лет реализовывались в МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). Результатом такого анализа стало выдвижение идеи о необходимости создания базового курса для знакомства студентов университета с феноменом казачества. В ходе реализации этой идеи были сформулированы цели, структура и отобрано содержание курса «Казачество на службе Отечеству», изучаемого студентами первого курса всех направлений подготовки МГУТУ им. К.Г. Разумовского. С 2021/22 учебного года в университете ведется работа по апробации этого курса, первые результаты которой показали высокий интерес к нему студентов и его востребованность обучающимися. После соответствующей доработки этот учебный курс может быть предложен как базовый для использования в университетах, входящих в Ассоциацию казачьих вузов России.

Список литературы

1. Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М.: Воениздат, 1995. 556 с.

2. Бакурадзе А.Б., Комаров А.П. Ценности казачества: содержание, динамика и механизмы формирования. М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), 2022. 224 с.

3. Бакурадзе А.Б., Комаров А.П., Похилюк А.В. Патриотизм и правослабие как ценности казачества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1. С. 94–102.

4. Казачество. Энциклопедия. М.: «Энциклопедия», 2008. 720 с.

5. Казачество на службе Отечеству: Учебное пособие. М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского, 2021. 220 с.

6. Казачьи заповеди от природного казака Евсеева Ивана Васильевича, который жил на хуторе Набатов. [Электронный ресурс]: <http://russkie-kazaki.ru/kazachii-zapovedi> (дата обращения: 05.04.2023).

7. Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 г. ды» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 32. Ст. 5259.

8. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]: <https://zakon-ob-obrazovanii.ru> (дата обращения: 06.04.2023).

Сведения об авторе

Бакурадзе Андрей Бондович, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет).

П.Ш. Алиева

P.Sh. Aliyeva

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО РОСТА
В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАЧЕСТВА**

**FOREIGN LANGUAGES AS A FACTOR OF PERSONAL GROWTH
IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION OF THE COSSACKS**

Аннотация:

В наши дни большое внимание уделяется вопросам создания образовательной среды, нацеленной на развитие личности в поликультурной среде, на формирование и становление профессиональных возможностей и качеств личности как будущего специалиста. Развитие и подготовка молодых специалистов, умеющих принимать поливариативность культур и обладающих коммуникативными навыками, позволяют выработать новые идеи поликультурного образовательного пространства, обращенного к ценностям гуманистического мировосприятия. Воспитание и обучение как непрерывный индивидуальный процесс и означает, что основной задачей деятельности высшего учебного заведения является не только подготовка высококвалифицированных специалистов, но и формирование личности обучающихся с гармонично сочетающимися профессиональными, нравственными и духовными качествами. Подобная тенденция позволяет подготовить молодых специалистов, способных обеспечить сотрудничество в глобальной среде, и повышает их востребованность среди специалистов на рынке труда.

Целью статьи является рассмотрение влияния изучаемого иностранного языка на личность будущего специалиста, на его ментальное и духовное развитие. В связи с этим ставятся задачи проанализировать различные гипотезы взаимосвязи культурного опыта человека и его социальных отношений, предложенные зарубежными и отечественными учеными, а также рассмотреть, какое влияние на мозг человека оказывает изучение языков. Методом исследования послужил обзор литературы по данной теме, который помог создать теоретическую базу исследования, проанализировать степень проработанности темы, обосновать выбор направления исследования.

Современные исследования мозга при помощи электроэнцефалографии и магнитно-резонансной томографии позволяют выявить когнитивные преимущества изучения иностранных языков. Приведены примеры из исследований психологов и нейрофизиологов о положительном влиянии изучения языков на когнитивные процессы. Подчеркивается значимость знания иностранных языков для поликультурного общения, в том числе и с диаспорами казаков в разных странах, для расширения культурных горизонтов через чтение зарубежной литературы о казаках и, наконец, для повышения уровня знания родного языка. Рассматриваемые вопросы особенно актуальны для учреждений высшего образования. Современный высококвалифицированный специалист должен обладать не только базовыми профессиональными знаниями, но и отличаться комплексом личностных, в том числе духовных качеств, осознанно воспринимать свою профессиональную и социальную деятельность и ее значимость в обществе. В данном аспекте рассмотрение вопросов развития и реализации личности будущего специалиста со знанием иностранных языков является насущным. На основании вышесказанного можно констатировать, что градация личности, формирование нравственных ориентаций и ценностей проходят через познавательные процессы и культуру при изучении иностранных языков.

Ключевые слова:

гипотеза языковой относительности, национальная и культурная идентификация, восприятие, рецепция и анализ новой информации, монолингвы, билингвы, полилингвы.

Abstract:

Nowadays, much attention is paid to the creation of an educational environment aimed at the individual in a multicultural environment, the formation and development of professional opportunities and the quality of the individual as a future specialist. The development and training of young people who are able to accept the diversity of cultures and have communication

skills make it possible to develop new paradigms and ideas for a multicultural educational space that addresses the values of a humanistic worldview. Education and training as a continuous individual process and means that the main task of the activity of a higher educational institution is not only the training of highly qualified specialists, but also the formation of the personality of students with harmoniously combined professional, moral and spiritual qualities. global environment and increase their demand among specialists in the labor market.

The main purpose of the proposed article is to consider the influence of the studied foreign language on the individual, on his mental and spiritual development. In this regard, the task is to analyze various hypotheses of the relationship between the cultural experience of a person and his social relations, proposed by foreign and domestic scientists, and also to consider the direct impact on the human brain of learning languages. The research method was a review of the literature on the research topic, which helped to establish the theoretical basis of the research, analyze the degree of elaboration of the topic, and justify the choice of research direction.

Modern brain studies using electroencephalography and magnetic resonance topography reveal the cognitive benefits of learning foreign languages. Examples are given from studies by psychologists and neurophysiologists on the positive impact on cognitive processes of learning languages. The importance of knowledge of foreign languages for multicultural communication, including with the Cossack diasporas in different countries, for expanding cultural horizons through reading foreign literature about the Cossacks and, finally, for increasing the level of knowledge of the native language through the prism of comparative vocabulary is emphasized. The issues under consideration are especially relevant for educational institutions of higher professional training. A modern specialist should have not only basic professional knowledge, but also be distinguished by a complex of personal and spiritual qualities, consciously perceive his activity and its significance in society. In this aspect, consideration of the issues of development and realization of the personality of a future specialist with knowledge of foreign languages is essential. Based on the foregoing, we can state that the gradation of the individual, the formation of moral orientations and values pass through the cognitive elements and culture during the study of foreign languages.

Keywords: linguistic relativity hypothesis, national and cultural identification, perception, reception and analysis of new information, monolinguals, bilinguals, polylinguals.

***Изучение иностранного языка
есть расширение сферы всего того,
что мы вообще можем изучить.***

*Ханс Георг Гадамер,
основатель «философской герменевтики»*

В связи с расширением киберпространства, развитием теории программированного управления учебным процессом и формированием личности в целом в последнее время большую актуальность приобрела проблема управления познавательной деятельностью.²⁰⁸ Американский лингвист Бенджамин Ли Уорф считал, что каждый носитель определенного языка обладает особым мировоззрением, которое оказывает на него огромное влияние на протяжении всей его жизни. А как же отражается на личности человека знание двух и трех языков? Может ли это влиять на формирование характера человека? Влияют ли непосредственно на нашу личность различные языковые структуры или эти изменения связаны с культурными различиями?

Гипотеза языковой относительности Уорфа предполагает проблему сложной языковой подготовки на пересечении трансцендентности и человеческой деятельности. Нынешняя миграционная ситуация превратила в миграционные центры национальные государства, которые в прошлом воспринимали понятия народ/государство/нация как некую естественную взаимозависимость, где язык является национальной особенностью.²⁰⁹ В настоящее время связи между языками и национальной и культурной идентификацией имеют тенденцию к сложным разнонаправленным трансформациям, которые ведут либо к ослаблению влияния этой связи, либо же, наоборот, к ее укреплению и расширению.

Хотя родной язык имеет особое значение для каждого человека, это не означает, что он не готов принимать другие языки, обогащающие человеческие связи. Культурный опыт человека совершенствуется, если он владеет несколькими языками, что также позволяет ему расширять социальные отношения, понимать и принимать культурные характеристики, трансформирующиеся с течением времени, и диверсифицировать чувство принадлежности.

²⁰⁸ Махмудова П.М., Алиева П.Ш., Кабыш Н.Ф. Теоретические аспекты проблемы управления познавательной деятельностью студентов // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 181–183.

²⁰⁹ Language in culture / Ed. by H. Hoijer. Chicago, 1954. 326 p.; Lee P. The Whorf theory complex: A crit. reconstruction. Amsterdam; Philadelphia; Benjamins, 1996. XIX. 323 p.

В начале 1960-х гг. канадские ученые исследовали отличие билингов от монолингов и пришли к выводу, что билингвы имеют тенденцию раннего развития когнитивных и социальных навыков. Билингвизм способствует формированию умственной гибкости и аналитических способностей, играющих важную роль в построении концепций. Кроме того, особое внимание к языкам мотивирует человека проводить сравнения и приобретать металингвистические навыки.

Изучение языка — один из лучших возможных способов развития мозга, расширения его способностей к более полному восприятию, рецепции и анализу новой информации. Изучение иностранного языка создает дополнительные возможности, чтобы освоить любые другие системы, например, языки программирования, современные научные разработки и новые технологии. Способность к освоению нескольких систем одновременно открывает новые познавательные возможности, «прокачивает» наши способности к исследованию, анализу, обучению, что, в свою очередь, совершенствует личность и расширяет границы реальности.

Мозг человека является сложной и многокомпонентной системой взаимосвязей, которая еще не изучена в достаточной мере. Каждую долю секунды она образует миллиарды комбинаций, влияющих на наши решения, оценки, эмоции, рефлексy, чувства и т. д. Все эти процессы проходят нейронными путями, по которым перемещаются гормоны и большинство нейромедиаторов, включающих определенные части мозга или запускающих нейронную связь. В зависимости от ситуации существуют и другие механизмы, включающие и отключающие активность различных частей мозга.

Рациональное мышление, обучение, творчество — то, что мы привыкли связывать с человеком, — регулируется передней частью коры головного мозга (предфронтальной).

Процесс обучения — это процесс формирования новых нейронных связей — синапсов и качественного изменения уже существующих нейронных связей. Американский нейрофизиолог Айра Блэк определил знания как сетевую архитектуру между нейронами, а обучение — как модификацию этой архитектуры. Точка соединения нейронов — это синапс. Нейроны соединяются рецепторами аксонов и дендритов при участии специфических химических веществ, называемых лигандами. Большинство из них — известные нам нейротрансмиттеры, такие как эндорфин или дофамин.²¹⁰ Нейробиолог Кенденс Перт назвала их «informational substance», т. е. информационным веществом. По мере

²¹⁰ Как меняется твой мозг, когда ты учишь иностранный язык? [Электронный ресурс]: https://www.youtube.com/watch?v=3j4_i4Ao5YE (дата обращения: 13.03.2023).

того как мы узнаем что-то новое, появляется новая цепочка или меняется старая. Нейротрансмиттеры — как буквы алфавита, а синапсы — это как набор слов, которыми мы владеем.

Часть мозга, отвечающая за процесс изучения языка, расположена в левом полушарии и называется перисильвиевой областью. Область, отвечающая за синтаксис и грамматику, находится в ее передней части и называется центром Брока. В задней части перисильвиевой области находится центр Вернике, который отвечает за рецепцию звуков, их анализ и восприятие. Так, например, если у человека поврежден центр Брока, он не сможет говорить, а если центр Вернике, то он перестанет понимать услышанное.²¹¹

Изучение иностранных языков в любом возрасте является процессом творческим, поскольку каждый обучающийся пытается что-то придумать самостоятельно, чтобы облегчить себе запоминание слов и грамматических правил. А это и означает поиск нестандартных подходов к решению различных задач. Поэтому люди, которые постоянно занимаются изучением иностранных языков, более успешны в решении самых различных проблем своей жизнедеятельности, так как у них более развита творческая жилка.

Знание иностранного языка открывает перед нами богатство культуры другого народа, знакомит с его обычаями, праздниками, биографиями великих людей и многими другими интереснейшими сведениями. Владея иностранным языком, можно узнать много и о родной культуре, традициях, великих представителях своего народа. Для молодых казаков, студентов вуза это возможность знакомства с казачьими диаспорами во многих странах, например, с Ассоциацией казаков в США, которой ныне руководит Сергей Цапенко.²¹² Или же с казачьим обществом «Посольский Австралийский отдел» в диаспоре потомков казаков-переселенцев из Забайкалья во главе с атаманом Семеном Бойковым. Основной деятельностью этой диаспоры является развитие дружбы и сотрудничества между народами, укрепление связей с казачеством за рубежом, культурное, духовное и нравственное воспитание молодежи, сохранение и развитие казачьих традиций и обычаев за рубежом.²¹³

²¹¹ Языковые зоны мозга. Изучение языков. [Электронный ресурс]: http://xlench.bget.ru/doku.php/useful/psy/lang?do=export_xhtml (дата обращения: 13.03.2023).

²¹² Интервью с верховным атаманом казаков Америки Сергеем Цапенко на конгрессе соотечественников в Санкт-Петербурге. <https://zema.su/blog/intervyu-s-verkhovnym-atamanom-kazakov-ameriki-sergeem-tsapenko-na-kongresse-sootchestvennikov> (дата обращения: 13.03.2023).

²¹³ Посольский Австралийский отдел СКВРИЗ забайкальских казаков.

Знание иностранного языка дает возможность ознакомиться с судьбами таких удивительных личностей, как, например, Джон Бэзил Турчин, изобретатель крепости на колесах — бронепоезда, американский генерал, донской казак Иван Васильевич Турчанинов. Хорошо зная английский язык, можно знакомиться с оригиналами художественных произведений зарубежных писателей о казаках, например, с книгой Мориса Хиндуса (Maurice Hindus) «The Cossacks: the Story of a Warrior People». Можно участвовать в форумах на сайтах, таких как Russia beyond, где часто публикуются материалы о исторических событиях, связанных с казаками (например, такие: «You've been wrong about Cossacks this whole time», «How Russia helped Iran create a Cossack unit», «How Russian Cossacks fought for and against Hitler», «How Russian 'Cossacks' tried to conquer Africa», «How the Cossacks Were Betrayed by Britain in World War II»).²¹⁴

Чтобы вдохновить студентов изучать иностранный язык, преподаватели организуют праздники в иностранном стиле и знакомят учащихся с культурой страны, язык которой они изучают. Ведь в современном мире по-настоящему образованный человек не тот, кто знает иностранный язык и общается на нем, а тот, кто знает и понимает культурные особенности страны изучаемого языка, ее литературу, искусство, политику.

Некоторые ученые отмечают, что изучение иностранных языков заставляет человека больше любить свой родной язык и изучать его более тщательно. Это может показаться парадоксальным, тем не менее это правда. Изучая иностранный язык, большинство людей в России замечает, что русский язык отличается сложностью, а это усиливает интерес и любовь к нему, развивает патриотизм. Кроме того, изучая иностранный язык, человек проводит параллели с русским, сравнивает, ищет сходства и различия. Это также означает, что он начинает «погружаться» в язык. Именно любопытство расширяет кругозор, а это, в свою очередь, способствует личностному росту молодых людей.

Процесс нравственного развития и выработки ценностной ориентации студентов является важнейшим звеном среди множества взаимосвязанных процессов организации, функционирования, управления, развития и саморазвития, ценностного самоопределения. Развитие личности, формирование у обучающихся нравственных ориентаций и ценностей при обучении иностранному языку проходят через познавательные элементы и культуру. Эффективным способом развития личности

[Электронный ресурс]: <http://aukazak.com.au/> (дата обращения: 13.03.2023).

²¹⁴ <https://www.rbth.com/>

посредством изучения иностранного языка является чтение художественных, публицистических, научных текстов, знакомство и общение студентов как в поликультурном пространстве, так и пределах различных зарубежных диаспор одного этноса. Базисные духовно-нравственные ценности составляют проекцию отношения студентов к окружающей социальной действительности. От степени сбалансированности основополагающих нравственных ценностей при влиянии институциональных, политических, экономических и культурных институтов зависит не только эффективность социокультурного воспитания молодежи, но и непосредственно общественно-политические преобразования общества.

Список литературы

1. Махмудова П.М., Алиева П.Ш., Кабыш Н.Ф. Теоретические аспекты проблемы управления познавательной деятельностью студентов // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 181–183.
2. Language in culture / Ed. by H. Hoijer. Chicago, 1954. 326 p.
3. Lee P. The Whorf theory complex: A crit. reconstruction. Amsterdam; Philadelphia; Benjamins, 1996. XIX. 323 p.
4. Языковые зоны мозга. Изучение языков. [Электронный ресурс]: http://xlench.bget.ru/doku.php/useful/psy/lang?do=export_xhtml (дата обращения: 13.03.2023).
5. Интервью с верховным атаманом казаков Америки Сергеем Цапенко на конгрессе соотечественников в Санкт-Петербурге. [Электронный ресурс]: <https://zema.su/blog/intervyu-s-verkhovnym-atanom-kazakov-ameriki-sergeem-tsapenko-na-kongresse-sootechestvennikov> (дата обращения: 13.03.2023).

Сведения об авторе

Алиева Патимат Шапиулаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Тел.: 89288028919. patima.alieva@yandex.ru

Information about the author

Aliyeva Patimat Shapiulayevna, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management. patima.alieva@yandex.ru

Е.Б. Манузина, М.С. Евтюшина

E.B. Manuzina, M.S. Evtyushina

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЙ, КОМФОРТНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ШКОЛЕ

DESIGNING A PSYCHOLOGICALLY SAFE COMFORTABLE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE SCHOOL

Аннотация:

В статье представлены результаты теоретического анализа и опытно-экспериментального исследования, направленного на создание модели психологически безопасной и комфортной образовательной среды учебного учреждения.

Целью работы является описание процесса проектирования модели управления психологически безопасной, комфортной образовательной среды школы на основе диагностического исследования, которое предполагало изучение отношения педагогов к образовательной среде школы, выявление ее значимых характеристик и удовлетворенность ими, а также диагностику защищенности от психологического насилия во взаимодействии с различными участниками образовательного процесса.

Сбор данных осуществлялся посредством онлайн-опроса педагогов сельских и городских школ по методике изучения психологически безопасной образовательной среды, разработанной И.А. Баевой. Результаты диагностического исследования рассмотрены по когнитивному, эмоциональному и поведенческому показателям отношений педагогов к образовательной среде школы. Представлены значимые характеристики при описании социального компонента психологически безопасной образовательной среды в школе, к которым относятся: взаимоотношение с учениками, сохранение личного достоинства, взаимоотношение учеников с учителями и уважение к себе, возможность проявлять инициативу, высказывать свое мнение и др. Приведены данные об удовлетворенности педагогов образовательной средой школы. Учителя сельских и городских школ в целом дали высокие показатели безопасности образовательной среды. Однако зафиксирован также немалый процент педагогов, которые указывают на то, что они не всегда чувствуют себя полностью защищенными в педагогическом коллективе, а также при общении как с обучающимися, так и с их родителями (законными представителями).

В статье даны рекомендации по проектированию психологически безопасной, комфортной образовательной среды школы и рас-

крыта роль руководителя образовательной организации в рамках данного направления. Представлены подходы к проектированию модели психологически безопасной, комфортной образовательной среды, а также рассматриваются некоторые аспекты управления таким проектированием. Авторы детально описывают модель психологически безопасной, комфортной образовательной среды школы, включающую целевой, диагностический, содержательный, организационно-деятельностный и результативный компоненты. Представленная модель позволяет наглядно раскрыть изучаемый объект, его внутреннее строение и дает возможность целостно представить данный феномен.

Ключевые слова: образовательная среда, психологическая безопасность, психологическая комфортность, школа, педагоги, удовлетворенность, защищенность, взаимодействие.

Психологически безопасная и комфортная образовательная среда является важным условием обеспечения эффективного функционирования участников образовательных отношений, позволяющая им полноценно развиваться.

События, происходящие в политической, социальной, экономической, культурной и духовной сферах общества, накладывают свой отпечаток на процесс образования. Общественные трансформации вызывают разные последствия, как положительные, так и негативные. Деструктивные последствия повышают социальную напряженность, влияют на психологическое состояние личности. Все это оказывает влияние на процесс образования и повышает значение психологически безопасного, комфортного пребывания в образовательном пространстве. В федеральных государственных образовательных стандартах закреплено, что результатом выполнения требований реализации образовательных программ является создание комфортной развивающей образовательной среды для обучающихся и педагогических работников, где они будут получать качественное образование и находиться в физически, психологически и социально благополучной обстановке.

Актуализация проблемы психологической безопасности современной школы обусловлена рядом причин. С одной стороны, отмечается возрастание потребности на государственном и общественном уровнях в формировании психически здоровой личности, способной адекватно отвечать на политические, информационные, социально-психологические и технологические вызовы настоящего времени. С другой стороны, школа отражает социальные процессы, протекающие в обществе, путем трансляции социокультурных норм. Кроме того, отмечается изменение целевых показателей в образовании, свя-

занное с пересмотром участниками образовательного процесса форм и границ субъектности, что поднимает такие вопросы, как права, обязанности, позиции и роли учителей, администрации, учащихся, родителей и в целом самого государства. Соответственно, для сохранения здоровья и обеспечения психологического благополучия участников образовательного процесса важно, чтобы они испытывали чувство безопасности и комфорта.

При рассмотрении составляющих психологической безопасности традиционно выделяют ряд показателей, которым она должна отвечать. Так, участники должны быть защищены от фактов психического насилия в ходе межличностного взаимодействия. Психологическое насилие вызывает эмоциональное напряжение, унижает и негативно влияет на самооценку жертвы. Следующий показатель — это формирование личностно-доверительного общения. Доверие между учителями, администрацией, детьми, родителями способствует благополучному протеканию процесса обучения и воспитания личности, а также своевременному выявлению и устранению факторов риска. Важным показателем является содействие формированию референтной значимой среды, которая позволит ощущать эмоциональную защищенность и безопасность. Участники образовательного процесса должны идентифицировать себя со школой, которая является значимой для них и способствует удовлетворению базовых потребностей. Не менее важный показатель — обеспечение психического и психологического здоровья субъектов образовательной среды. Оно позволяет человеку благополучно реализовывать потребности, противостоит стрессовым ситуациям, помогает продуктивно обучаться и работать, вносить вклад в развитие будущего. Таким образом, психологическая безопасность, отвечающая указанным выше показателям, будет способствовать запуску позитивных возможностей психического и профессионального развития у всех участников учебно-воспитательного процесса — учителей, учеников, родителей.

Психологическую безопасность необходимо рассматривать в совокупности с ее комфортностью. Под психологическим комфортом следует понимать такие условия, при которых индивид будет чувствовать себя спокойно, без необходимости защищаться.²¹⁵ Принцип психологической комфортности является ведущим при рассмотрении инновационных образовательных систем, предполагая уменьшение или устранение факторов стресса в учебном процессе, а также создание и поддержание

²¹⁵ Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: «Союз», 2002. С. 105.

атмосферы, способствующей снятию внутреннего напряжения и открытому общению между субъектами образования.

Для изучения состояния образовательной среды в плане психологической безопасности было проведено исследование в городских и сельских школах Алтайского края. Исследование осуществлялось по методике психологически безопасной образовательной среды в школе, разработанной И.А. Баевой. Данная методика позволяет выявить отношение участников к образовательной среде в школе, определить ее значимые характеристики, степень удовлетворенности ими и степень защищенности от психологического насилия в ходе образовательного взаимодействия. Опросник включает три части, для каждой из сторон процесса образования: педагогов, учеников и их родителей.²¹⁶ В рамках данного исследования была проведена диагностика педагогических работников. В опросе приняли участие 250 человек: из них 130 педагогов школ г. Бийска Алтайского края и 120 учителей Бийского и Троицкого районов Алтайского края. Преимуществом данной диагностики является такое построение вопросов, которое позволяет избежать социально желательных ответов. Опрос был анонимный, в нем участвовали как молодые педагоги, со стажем работы от 1,5 месяцев, так и учителя с большим опытом, максимальный стаж составил 48 лет.

Сбор данных осуществлялся методом онлайн-опроса респондентов по структурированной анкете, включающей закрытые вопросы. При опросе педагогов оценивались следующие показатели: отношение к образовательной среде в школе; значимые характеристики образовательной среды школы и удовлетворенность ими; защищенность от психологического насилия во взаимодействии с различными участниками образовательного процесса. Вопросы по каждому показателю позволяли выявить различные аспекты для совершенствования психологической поддержки учебно-воспитательного процесса в контексте психологической безопасности образовательной среды в условиях сельских и городских школ.

В ходе анкетирования были получены следующие результаты. У большинства из опрошенных учителей Бийска, а именно у 72 % сформировано положительное отношение к образовательной среде своей школы. У 26 % данное отношение противоречиво и у 2 % респондентов оно негативное. Среди сельских учителей положительное отношение сформировано у 74 % учителей, негативное у 2 % и нейтральное у 24 %. По анализу данного показателя получается, что нет принципиальной разницы в ответах между городскими и сельскими педагогами школ.

²¹⁶ Баева И.А., Тарасова С.В. Безопасная образовательная среда: моделирование и развитие. Учебное пособие. СПб.: ЛОИРО, 2017. С. 234.

В целом общий результат показал высокий уровень безопасности образовательной среды: более половины учителей (73 %) удовлетворены образовательной средой школы и чувствуют себя в ней комфортно и безопасно. Но также имеется процент людей, у которых, согласно интерпретации полученных данных, отмечается противоречивое (25 %) и негативное (2 %) отношение; это позволяет предположить, что учитель не всегда чувствует себя защищенным в стенах школы.

Деятельность педагога требует постоянного совершенствования профессионализма и помогает развитию способностей человека. На основании полученных данных следует отметить, что большинство участников опроса довольны своей работой по профессии учителя (79 %) и у пятой части респондентов по этому показателю противоречивое мнение. Выполняемая работа вызывает чаще хорошее настроение у 87 % от общего числа опрошенных, но у 9 % — негативное. Почти все респонденты считают работу учителя интересной и увлекательной. Данные результаты указывают на то, что в образовательных организациях есть педагоги, которые не удовлетворены своей профессиональной деятельностью.

Согласно полученным результатам изменить место работы планируют 19 % опрошенных, из них 1 % сельских учителей и 18 % городских педагогов. Это указывает на текучесть педагогических кадров, которая в большей степени характерна для городских школ. Однако при ответе на вопрос: «Если бы Вы по каким-либо причинам были временно не трудоустроены, вернулись ли бы на прежнее место работы?» — были получены следующие ответы. Вернулись бы в профессию 64 % педагогов городских школ и 54 % — сельских, не думали над этим вопросом 40 % сельских учителей и 24 % городских, остальные ответили отрицательно. Примечательно, что большинство респондентов, как городских, так и сельских учителей, при возможности хотели бы получить другую специальность и связать свое профессиональное развитие с ней (42 % и 40 %, соответственно). 36 % сельских учителей и лишь 6 % городских планируют продолжить педагогическую деятельность в образовательной организации.

Данная методика также позволила оценить когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты отношения педагогов к образовательной среде. Так, при оценке когнитивного компонента отмечается у 92 % положительное отношение и у 8 % нейтральное. В эмоциональном компоненте положительное отношение у 84 %, у 14 % — нейтральное и у 2 % — негативное. Поведенческий компонент более половины оценивают как нейтральный — 60 %, 36 % — как положительный и 4 % — как негативный.²¹⁷

²¹⁷ Евтюшина М.С., Манузина Е.Б. Диагностика психологически безопасной,

Анализ данных позволил выявить уровень защищенности педагогов от разных видов психологических угроз со стороны участников процесса образования. Отдельно выделены защищенность от угроз со стороны учеников, коллег и администрации школы. При анализе данных было отмечено, что отсутствует принципиальная разница в ответах городских и сельских учителей, поэтому далее ответы приведены в обобщенном виде. В целом большая часть опрошенных ощущают себя психологически защищенными. Однако сравнивая отрицательные ответы, можно сделать вывод о том, что при взаимодействии с учениками менее всего учителя защищены от оскорбления (21 %), высмеивания (18 %), недоброжелательного отношения (15 %), угроз (12 %) и обидного обзывания (21 %). Со стороны администрации встречаются принуждение делать что-либо против желания учителя (19 %), игнорирование (13 %) и угрозы (8 %). В ответах о взаимоотношении с коллегами некоторые респонденты указывают недоброжелательное отношение (16 %), оскорбления (16 %) или высмеивание (12 %). Из приведенных данных видно, что учителя нередко сталкиваются с негативным отношением всех участников образовательного процесса, что эта профессия является стрессогенной, а значит, во избежание профессионального выгорания требует грамотно построенной работы руководителя организации и помощи со стороны психологической службы.

С целью совершенствования учебно-воспитательного процесса школы на основе анализа теоретических и практических разработок моделирования систем управления (Д.А. Новиков, В.С. Лазарев, П.И. Третьяков, Т.И. Шамова), а также на основе результатов диагностического исследования безопасности образовательной среды, ее субъектов и оценки ресурсов образовательной организации была сконструирована модель управления психологически безопасной, комфортной образовательной средой. Проектирование направлено на поиск путей согласования основных характеристик психологической безопасности и комфорта со спецификой программ обучения и потребностями участников процесса образования.²¹⁸ Формирование психологически безопасной, комфортной образовательной среды должно обеспечить в учебном

комфортной образовательной среды (на примере школ г. Бийска) // Развитие личности в образовательном пространстве. [Электронный ресурс]: Материалы XX Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (Бийск, 26 мая 2022 г.) / Отв. ред. Л.А. Мокрецова. Бийск: АГПУ им. В.М. Шукшина, 2022. С. 288–294.

²¹⁸ Чернова О.В., Шендрик И.Г. Проектирование образовательной среды: Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2006. С. 47.

заведении атмосферу защищенности участников образовательного процесса от угроз душевному спокойствию, психическому здоровью и позитивному развитию.

В содержание модели управления психологически безопасной, комфортной образовательной средой необходимо включить диагностический компонент, который предполагает обследование школьной среды для выявления уровня психологической безопасности и комфортности. В качестве диагностических методик могут быть использованы методика психологически безопасной образовательной среды (И.А. Баева), тесты на выявление уровня тревожности (В. Амен, Р. Тэмпл, М. Дорки), методики диагностики уровня эмоционального выгорания личности (В.В. Бойко, В. Каппони, Т. Новак), опросники установления профессионального выгорания (Н.Е. Водопьянова, К. Маслач, С. Джексон) и др.

При проектировании модели психологически безопасной, комфортной образовательной среды школы необходимо учитывать различные компоненты безопасности, а именно физический (анти-террористическая, пожарная, санитарно-эпидемиологическая, инженерно-техническая безопасность), педагогический, духовно-нравственный, социальный и управленческий. Отсутствие одного из компонентов может негативно сказаться на общем состоянии безопасности участников образования. Управленцу необходимо проработать варианты взаимодействия всех этих компонентов с учетом деятельности субъектов учебно-воспитательного процесса.

Организационно-деятельностный компонент модели включает комплекс профилактических мероприятий, психологическое консультирование, социально-психологическое обучение, психологическую коррекцию или реабилитацию. В рамках психологической профилактики должна быть организована информационная работа для выявления факторов, способствующих возникновению трудных и кризисных ситуаций, и методов противодействия им. Такая работа может проводиться в форме лекций, показов тематических фильмов, изучения специальной литературы. Лекции и беседы могут быть на такие темы, как способы решения конфликтов, защита от буллинга, предупреждение девиаций, снятие эмоционального напряжения. Психологическая профилактика направлена на организацию здорового образа жизни, что позволит противостоять негативным факторам образовательной среды. Для активизации личностных ресурсов можно проводить тренинги по снятию психо-профессионального напряжения, досуговые мероприятия. При наличии негативных проявлений необходимы мероприятия по профилактике рецидивов, которые могут быть организованы в виде работы психолога с участниками образовательного процесса,

нуждающимися в помощи и поддержке. Большое значение будет иметь разработанный для педагогов комплекс занятий и упражнений по отработке различных ситуаций, несущих угрозу психологическому благополучию в школе.

В помощь учителю в учебном заведении должна осуществляться деятельность психолога и социального педагога, которые не только ведут психологическую работу с детьми, но организуют психологическое консультирование, коррекцию и реабилитацию педагогов. Психологическое консультирование учителей может проводиться по темам разрешения проблем поведения, обучения и общения учащихся, по вопросам разработки и реализации программ обучения и воспитания согласно психологическому развитию детей, при необходимости — по теме разрешения межгрупповых, межличностных и внутриличностных конфликтов участников образования. Психологическая коррекция позволяет устранить проблемы в личностном или профессиональном развитии и гармонизировать психологическое здоровье учителя. Психологическая реабилитация направлена на мобилизацию адаптивных систем организма, что позволит пережить психотравмирующие обстоятельства и минимизировать профессиональное выгорание педагога.

При проектировании модели психологически безопасной, комфортной образовательной среды необходимо ориентироваться на следующие результаты: минимизацию негативных каналов информации, регулирование степени нагрузки и многозадачности, положительную динамику позитивного отношения к образовательной среде в школе, эмоциональный комфорт всех участников образовательного процесса, позитивный психологический климат в коллективе и др.

В заключении необходимо отметить, что представленная модель психологически безопасной, комфортной образовательной среды школы раскрывает сущность данного феномена и является аналитическим средством, позволяющим преодолеть множество проблем, связанных с принятием оптимальных управленческих решений в сложных ситуациях.

Список литературы

1. *Баева И.А.* Психологическая безопасность в образовании. СПб.: «Союз», 2002. 271 с.
2. *Баева И.А., Тарасова С.В.* Безопасная образовательная среда: моделирование и развитие. Учебное пособие. СПб.: ЛОИРО, 2017. 256 с.
3. *Евтюшина М.С., Манузина Е.Б.* Диагностика психологически безопасной, комфортной образовательной среды (на примере школ г.

Бийска) // Развитие личности в образовательном пространстве. [Электронный ресурс]: Материалы XX Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (Бийск, 26 мая 2022 г.) / Отв. ред. Л.А. Мокрецова. Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2022. С. 288–294.

4. Чернова О.В., Шендрик И.Г. Проектирование образовательной среды: Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2006. 93 с.

Сведения об авторах

Манузина Елена Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина. *manuzina70@mail.ru*

Евтюшина Мария Сергеевна, магистрант Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина. *marijameri@mail.ru*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г.С. Амрахова
G.S. Amrahova

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: НОВЫЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ УЧЕБНИК

CULTURAL HERITAGE: THE NEW CULTURAL TEXTBOOK

Культурное наследие. Том I. Нематериальное наследие (слово, танец, музыка). Учебное пособие / Под ред. Д.М. Володихина, сост. Е.Г. Боронина. М.: «Снежный ком М», 2022. 420 с.

Культурное наследие. Том II. Материальное наследие (музей, дом, храм). Учебное пособие / Под ред. Д.М. Володихина. М.: «Снежный ком М», 2022. 376 с.

В 2022 г. коллективом кафедры культурного наследия Московского государственного института культуры было подготовлено и выпущено в свет учебное пособие «Культурное наследие» в 2-х томах. Том первый посвящен нематериальному наследию русского народа, имеет подзаголовок «Слово, танец, музыка» и раскрывает фольклорную составляющую народной культуры, ее словесный, музыкальный и танцевально-игровой аспекты. Том второй освещает материальное культурное наследие, имеет подзаголовок «Музей, дом, храм», затрагивает проблемы организации музейного дела и различные аспекты материальной культуры русского народа: народное деревянное зодчество, русскую иконопись, русское народное декоративно-прикладное искусство, ювелирное искусство, фортификационное искусство и др.

Сборник вышел под редакцией заведующего кафедрой культурного наследия МГИК доктора исторических наук Д.М. Володихина, составителем первого тома стала профессор Е.Г. Боронина, составителем второго тома — профессор Д.М. Володихин. Рецензенты нового учебного пособия — доктор исторических наук Г.Р. Наумова (МГУ им. М.В. Ломоносова), доктор исторических наук С.В. Алексеев (МГИК), доктор филологических наук А.Н. Власов (ИРЛИ РАН, Пушкинский Дом).

Пособие включает ряд статей — глав книги, — излагающих краткое содержание учебных курсов высшей школы. В первом томе охвачены дисциплины подготовки бакалавриата по направлению 51.03.02. «Народная художественная культура», профиль «Руководство этнокультурным центром» и дисциплины магистратуры 51.04.02 «На-

родная художественная культура», программа подготовки «Культурное наследие русского народа». Во втором томе изложены курсы дисциплин бакалавриата 51.03.04 «Музеология и охрана культурного и природного наследия», профиль «Выставочная деятельность», а также дисциплин магистратуры 51.04.04. того же направления по программе «Теория и практика музейного проектирования».

Учебное пособие — итог многолетней практики преподавания учебных дисциплин на кафедре народной художественной культуры и кафедре музеологии (с 2020 по 2022 г. составлявших единую кафедру культурного наследия) Московского государственного института культуры.

Научное издание открывается вводной статьей доктора исторических наук Д.М. Володихина «Что такое культурное наследие?», в которой автор соотносит понятие «культурное наследие» с понятиями «цивилизация» и «цивилизационный подход к мировой истории». Традицией автор называет постоянную связь между нематериальной сверхценностью, «управляющей» цивилизацией, и вполне материальным социумом, а сверхценностью для России — православие.

Главы (статьи) обоих томов состоят из разделов и снабжены списком рекомендуемой литературы.

Статья кандидата педагогических наук Е.Г. Борониной «Теория и история народной художественной культуры» отражает взгляд автора на народную художественную культуру как часть традиционной народной культуры. Глава содержит разделы: «Изучение фольклора как явления традиционной народной культуры», «Традиции в народной культуре», «Свойства, функции и структура народной художественной культуры», «Объекты нематериального культурного наследия», «Становление комплексного подхода в изучении фольклора», «Фольклор как явление вербальной культуры народа», «Этноконфессиональная специфика русской культуры», «Дохристианское мировоззрение», «Традиционная картина мира». «Христианизация язычества», «Жизненные ценности народной культуры».

О фольклористике, различных ее направлениях, школах, современном состоянии пишет кандидат философских наук В.Б. Сорокин, раскрывая содержание учебного курса «Русская фольклористика» в разделах: «Отрасли фольклористики», «История русской фольклористики», «Собирание, изучение и издание фольклора в XVIII веке», «Русская фольклористика в XIX веке», «Академические школы русской фольклористики», «Русская фольклористика в XX веке».

Содержание курса «Русская традиционная культура» излагает в одноименной статье кандидат педагогических наук В.И. Ситников. Автор называет традицию едва ли не единственным средством поддержа-

ния исторической памяти и сохранения национально-культурной идентичности и делает вывод о том, что традиционность является наиболее существенным признаком фольклора как одной из форм народной культуры. Как основные в курсе выделены термины «традиционная культура», «фольклор», приведены различные их трактовки отечественными учеными: В.Е. Гусевым, И.Е. Фадеевой, П.Г. Богатыревым, К.В. Чистовым, Б.Н. Путиловым, М.С. Каганом, В.С. Вороновым, А.С. Канцедикасом, И.И. Земцовским, В.Я. Проппом.

Курс «Методика полевых исследований» написан кандидатом филологических наук А.Е. Черновой в форме, напоминающей эссе, с цитированием экспедиционных записей, с размышлениями «вслух». Тема раскрывается посредством нескольких разделов: «Методы и приемы обследования, формы собирательской работы», «Что такое комплексный подход», «Инструкция по сборам. Типы вопросников и анкет», «Основные виды работы в “поле”», «В гости к старообрядцам». Имеется приложение «Полевые вопросники», выполненное по материалам А.В. Кулагиной, В.А. Ковпика, А.А. Родионовой, Т.А. Листова, И.А. Кремлева, Ю.Г. Круглова, а также по программе сбора музыкального материала РАМ им. Гнесиных.

Героический эпос представлен с аксиологических позиций в статье доктора философских наук А.С. Миронова «Устный героический эпос русских». Статья содержит разделы: «Что такое былины. К определению жанра», «Отличие былины от смежных фольклорных жанров. Функция жанра», «Исторические корни устного героического эпоса русских. Первые публикации старин», «Открытие распространенного живого бытования эпоса в 1859 г.ду. Эпоха Рыбникова», «Былинный эпос как феномен народной культуры XIX—XX веков», «Герои былин, их классификация. Герои дохристианского типа с мотивацией “ветхого” человека», «Христианизированный былинный герой», «Поэтика былин», «Былины в культуре образованного общества», «История изучения русского эпоса». Автор раскрывает личные смыслы и связанные с ними ценностные концепты, транслируемые богатырями русских былин, указывает, что, к большому сожалению, традиционные смыслы и ценности русского эпоса в XXI в. остаются не актуализированными ни средствами профессионального искусства, ни в педагогике.

Русское песенное народное творчество раскрывается кандидатом педагогических наук Е.Г. Борониной с позиций современного этномузыказнания. Материал изложен в двух разделах: «Теоретические основы русского народного песенного творчества», где отмечены основные свойства песенного фольклора, его жанровая структура, существование во множестве местных традиций, и второй раздел — «Региональные традиции русского песенного творчества», где приводится

описание западнорусских, севернорусских, среднерусских, казачьих, южнорусских, уральско-сибирских традиций. Местные отличия показаны в музыкально-этнографических, музыкально-стилевом и исполнительском проявлениях.

Глава «Инструментальная культура русского народа» выполнена преподавателем кафедры культурного наследия МГИК К.С. Васиным с точки зрения современной этноорганологии. В статье рассматриваются четыре группы русских народных инструментов: идиофоны, мембранофоны, хордофоны и аэрофоны, указывается на распространенность конкретного музыкального инструмента в определенных регионах России и приводится описание самих инструментов, раскрываются приемы игры на них. Описываются особенности сольного и ансамблевого традиционного исполнительства, приводятся сведения о вокальной имитации инструментального наигрыша — пения «под язык».

«Народный танец и традиционные народные игры» — материал, подготовленный доцентом О.А. Федотовской для курса, читаемого на бакалавриате «Руководство этнокультурным центром». Статья содержит два раздела. В первом — «Традиционные игры» — приводится жанровая классификация народных игр, дается короткий обзор публикаций известных авторов: Е.А. Покровского, В.Н. Всеволодского-Генгросса, Г.С. Виноградова, М.А. Ключевой, И.А. Морозова, а также дана небольшая подборка считалок и подвижных игр. Во втором разделе — «Народный танец» — представлены исследования народного танца, выполненные А.А. Климовым, А.И. Шилиным, М.Б. Едемским, И.А. Морозовым, Е.А. Парховой, Г.П. Парадовской. Указывается на региональные различия в народном танце. С этой целью подробнее рассматриваются северная и южная танцевальные традиции по известным публикациям — А.В. Руднева «Курские танки и карагоды» (1978) и «А в Усть-Цильме поют... Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы» (1992). В статье приводятся данные о многофигурных танцевальных композициях, о феномене народной пляски в контексте братчины и обрядов, о составе пляшущих, об особой атмосфере народной пляски.

Глава «Фольклорный театр» — совместная работа преподавателя кафедры народной художественной культуры А.Н. Котова и доцента той же кафедры А.Е. Черновой. Одноименный учебный курс раскрывается в разделах: «Три кита фольклорного театра (обряд, игра, образительность)», «Скоморохи, бубны и смех в Средневековье», «Древнерусские специальные богослужебные чины и первые мистерии», «Как царь Алексей Михайлович первый спектакль смотрел», «Огненные картины в небе. Всешутейный собор Петра I и другие увеселения начала XVIII века», «Народные драмы», «Народный кукольный театр», «Перед заветным окошком (городские увеселения)», «Фольклорный театр в XX веке».

О русском красноречии пишет кандидат философских наук В.Б. Сорокин, раскрывая тему посредством разделов: «Что такое ораторское искусство», «Применение ораторского искусства», «Виды ораторского искусства», «Секреты ораторского мастерства», «Истоки науки красноречия», «Ораторское искусство в Древней Руси и при Петре I», «Ломоносовский период русской риторики», «Период расцвета русской риторики», «Ораторское искусство в России советских и постсоветских лет».

Во втором томе учебного пособия представлены музееведческие дисциплины.

Открывается том статьей кандидата исторических наук О.А. Денисовой «Музейное дело», содержание которой раскрывается посредством разделов: «Феномен коллекционирования в античной и средневековой культуре», «Возникновение европейских музеев», «Музей эпохи Просвещения», «Развитие европейских музеев в XIX — начале XX века», «Музеи мира в XX веке». Музейное дело показано от зарождения в эпоху античности до современных форм: тактильный и интегрированный музей, музей-заповедник, экомuseum, детский музей, музей для инвалидов и др.

Следующая статья посвящена теме комплектования, учета и хранения музейных фондов, подробно проанализирована электронная система учета в музее. Автор статьи — кандидат исторических наук Н.И. Демирова — основным видит ответ на вопрос: зачем приходят в музей? Тема раскрывается посредством анализа опыта фондовой работы, а также вопросов научного комплектования и учета музейных фондов. Рассматриваются вопросы основного, или закрытого, хранения как наиболее распространенного, а также открытого хранения, предполагающего возможность доступа посетителей не только к экспозиции, но и в хранилище.

Статья кандидата исторических наук О.А. Денисовой посвящена режиму учета и хранения драгоценных металлов и камней в музее. Автор описывает виды и формы музейных предметов, которые частично или полностью состоят из драгоценных металлов и драгоценных камней, рассматривает законодательные положения и акты по их постановке на учет и хранению, пишет о необходимости создания специального музейного фонда для таких предметов.

Другая статья того же автора, доцента О.А. Денисовой, раскрывает специфику режима учета и хранения оружия в музее, что представляет собой не менее сложную задачу, чем экспозиция драгоценных металлов и камней. Раскрываются вопросы классификации оружия, особенности его учета и хранения в музейных фондах и экспозиции. Кратко охарактеризована законодательная база этой деятельности — комплекс законов, приказов и постановлений, где отражены ситуации, касающиеся действий с оружием в музейном пространстве, а именно: 1) приоб-

речение; 2) хранение; 3) учет; 4) экспонирование; 5) перемещение; 6) транспортировка; 7) ввоз и вывоз.

Следующая глава «Организация выставочной деятельности в музее» написана практикующими специалистами В.В. Петуховой, заведующей экспозиционно-выставочным отделом ГМЗ «Царицыно», и М.М. Тренихиным, кандидатом искусствоведения, доцентом кафедры народной художественной культуры МГИК. Авторы раскрывают весь спектр вопросов разработки, планирования и реализации выставочных проектов на примере московского музея «Царицыно», федеральных музеев и опыта иностранных коллег (по материалам стажировок в Музее Виктории и Альберта в Лондоне).

Статья этих же авторов — В.В. Петуховой и М.М. Тренихина — «Проектирование и создание экспозиций» раскрывает широкий круг вопросов организации музейного дела. Рассматриваются такие темы, как порядок работы над выставочным проектом, разработка научной концепции выставки, подбор экспонатов и формирование тематико-экспозиционного плана (ТЭП), заключение договоров на предоставление экспонатов, создание дизайн-проекта выставки, светового и мультимедийного оснащения, создание текстов и графического дизайна выставки. Представлены виды культурно-образовательной деятельности: экскурсии, арт-медиации, музей в школе, инклюзия.

Доктор исторических наук Д.М. Володихин и кандидат исторических наук И.В. Родионова разработали главу «Русская иконопись», где рассматривают духовную сущность и законы художественного изображения святых и святынь на иконах. Указывается, что в русском иконописании принято выделять следующие основные школы: новгородскую, псковскую, ростово-суздальскую, ярославскую, тверскую, московскую, строгановскую, палехскую. Описываются особенности икон так называемых «северных писем». Авторы прослеживают историю становления иконописных школ Руси, отмечают уникальность работ Андрея Рублева и Дионисия, приводят мнения известных отечественных историков и искусствоведов, в том числе профессора МГУ В.А. Плугина. Указывая на возрождение традиций русского иконописания в конце XX — начале XXI в., авторы отмечают, что одним из самых известных центров иконописи в России стала Оптина пустынь.

О ювелирном искусстве и художественном металле пишет кандидат искусствоведения Е.Ю. Пухначева. Автор описывает свойства металлов и техники их обработки, дает обзор ювелирного искусства в Древней Руси и России, показывает приемы обработки художественного металла — цветного и черного, пишет об изготовлении парадного оружия и доспехов, затрагивает вопросы росписи по металлу, описывает ювелирные камни, приводит их классификацию.

Доцент Е.Ю. Пухначева пишет также о русском народном декоративно-прикладном искусстве, раскрывает такие его сущностные свойства, как традиционность, вариативность, коллективность. Автор подробно останавливается на вопросах художественной обработки дерева, кости, камня, тканей, техники художественной керамики и лаковой живописи. Подробно пишет об узорном ткачестве и его местных вариантах: узорном, переборном, закладном, ремизном, браном, пестряди. Останавливается на вопросах крестьянской вышивки в ее многообразной региональной конкретике.

М.С. Ерохина, старший преподаватель кафедры культурного наследия МГИК, разработала главу «Народное деревянное зодчество». В ней рассказывается о народных зодчих, об их инструментах и материале для строительства, видах деревянных построек, типах деревянных домов и хозяйственных построек: амбар, овин, баня, колодец, корабль, мост, мельница, кузня, обетный крест. Рассмотрены принципы строительства деревянных церквей (преимущественно на Русском Севере). В конце главы затронуты различные аспекты реставрации и сохранения памятников деревянного зодчества.

Доктор исторических наук Л.В. Беловинский сообщает о новом направлении в музейном деле и охране культурного наследия — индустриальном наследии. На Западе заниматься вопросами сохранения индустриального наследия стали с начала 50-х гг. XX столетия, в России это направление только зарождается — у нас существует единственный музеефицированный завод в Нижнем Тагиле. В ряде случаев музеефицированы отдельные промышленные постройки и промышленные узлы. Это новшество встречает много препятствий, поскольку развитие отечественного музееведения существенно отличается от зарубежного — у нас в стране музеи финансируются из госбюджета, на Западе — спонсорами. Экономические интересы предприятий и компаний вступают в противоречие с национальными интересами в сфере сохранения индустриального культурного наследия.

В статье того же автора о фортификационном наследии рассматриваются отечественные оборонные постройки от Средних веков до середины XX в. Приводятся примеры сохранившихся построек начиная от кремлей (в основном вокруг Москвы) и заканчивая дотами времен Великой Отечественной войны. Сообщаемые сведения увязаны воедино с военной историей страны. Развитие отечественной фортификации рассматривается параллельно с таковым же в Западной Европе.

Имеющее столь развернутое содержание учебное пособие «Культурное наследие» является успешным обобщением многолетнего образовательного опыта кафедры культурного наследия Московского государственного института культуры в области нематериального и ма-

териального культурного наследия. Книга предназначена для студентов, изучающих народную художественную культуру, музейное дело, культурологию, историю искусств, историю русской литературы, фольклористику.

Сведения об авторе

Амрахова Галина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника Учебно-методического управления Московского государственного лингвистического университета.

Н.В. Белов

N.V. Belov

**НА ПУТЯХ К КОМПЛЕКСНОМУ ВОЕВОДОВЕДЕНИЮ:
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ Д.М. ВОЛОДИХИНА
«ПОЛКОВОДЦЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА» (М.:
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 2020. 344 С.)**

**TOWARDS A COMPREHENSIVE «MILITARY LEADERS SCIENCE»:
NOTES ON THE MARGINS OF D.M. VOLODIKHIN'S BOOK
«THE MILITARY LEADERS OF THE MOSCOW STARDOM».
(MOSCOW: «MOLODAYA GVARDIYA», 2020. 344 P.)**

Аннотация: Недавняя книга Д.М. Володихина побуждает к размышлениям о путях развития и перспективах новой «науки о воеводствах». Эта субдисциплина зародилась в конце 1980-х гг. на почве социально-политической истории. Развиваясь долгие годы в русле московской исторической школы, в настоящее время она вышла на качественно новый уровень, получив подпитку со стороны петербургской традиции изучения «феодальной» России. Однако единственным ее институциональным воплощением остается ученический круг Д.М. Володихина. В этом отношении новая книга ученого подводит итоги важного этапа аккумуляции тех подходов к анализу исторического материала, которые легли в основу воеводства на его нынешнем этапе. Дальнейшее развитие этого направления исторических исследований сопряжено с комплексным анализом и синтезом источников, а также новейших разработок и трендов современной историографии.

Ключевые слова: персональная история, военная история, воеводства, военно-служилая знать, Московская Русь, летописание, разрядные книги.

Воеводство — так автор этих строк отчасти в шутку, но все же так более всерьез назвал локальную область исторического

знания, занимающуюся изучением среднего и высшего командного состава вооруженных сил Московской Руси XV — начала XVII в.²¹⁹ В сфере его внимания входят научные проблемы различного плана, как то: формирование и развитие воеводского корпуса, социальный состав военной элиты, компетенции командных кадров и механизмы принятия ими решений, их роль в управлении армией (как на стратегическом, так и на тактическом уровнях) и место в политической системе Русского государства.

Стало быть, воеводоведение — в том случае, если мы признаем за ним право на существование в виде отдельного направления исторических исследований — по своей природе тяготеет к комплексному подходу. В теоретическом отношении оно взращено на почве социально-политической истории,²²⁰ но впитало в себя немало и от других дисциплин: будь то *military history*, методы просопографии или же приемы классической текстологии. В его поле зрения — разнородные источники: от летописей и воинских разрядов до актов, родословцев, синодиков, вкладных и кормовых книг. А значит, помимо комплексных методических подходов, оно требует от историка комплексного же подхода к изучению письменных источников.

Если мы попытаемся определить «возраст» воеводоведения, то он будет небольшим. Его первые робкие ростки появились на излете XX в., и лишь в 2010-е и в начале 2020-х гг. наметились контуры его окончательного оформления в виде отдельной субдисциплины. Можно сказать, что она вошла в «возраст средний». Подросла настолько, чтобы обрести некую самостоятельность, произвела на свет собственные подходы к изучению исторического материала, но еще не до конца выработала общие исследовательские приемы и методы.

Большую роль в становлении новой «науки о воеводах» сыграли работы московского историка Д.М. Володихина. Три монографии Володихина, увидевшие свет на протяжении 2010-х гг., заложили основы сугубо академического, системного изучения русского воеводского корпуса от эпохи Ивана III, когда тот впервые оформился в отдельную институцию, до Смуты начала XVII столетия, приведшей к его кардинальной ломке.²²¹ Главной заслугой Д.М. Володихина является то,

²¹⁹ Белов Н.В. Федор Хромой — боярин и воевода Ивана III. СПб., 2022. С. 9, 10.

²²⁰ Отдельные его элементы встречаются в работах второй половины XX в. за авторством А.А. Зимина, В.Б. Кобрин, В.И. Буганова, В.И. Корецкого, Р.Г. Скрынникова, Г.В. Абрамовича и др.

²²¹ Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011; Он же. Русский воеводский корпус от опричнины до семибоярщины. Очерки истории. М., 2015; Он же. Полководцы Ивана III. СПб., 2017.

что ему удалось проследить динамику изменения социального состава высшего военного командования России, а именно — вскрыть факт постепенного сокращения в нем доли нетитулованной (прежде всего старомосковской) знати и, напротив, усиления роли титулованной, или княжеской, аристократии. Такое положение вещей, считает Володихин, стало причиной обострения внутриэлитной борьбы и в конце концов привело к созданию опричнины, в которой историк видит главным образом военную реформу и попытку старомосковского боярства взять «реванш» в политическом противостоянии с набравшим силу и оттеснившим его от высших армейских должностей титулованным «князьем».

Свои теоретические выкладки (которые, разумеется, далеко не исчерпываются одним лишь названным выше сюжетом)²²² Д.М. Володихин неоднократно переводил и в сугубо практическую плоскость — используя их при написании биографий тех или иных наиболее заметных военачальников Московской Руси XV — начала XVII в. В этом отношении определенную черту долгим, в полтора десятилетия, разысканиям историка подводит рецензируемая книга.

Конечно, собранные под одной обложкой очерки о воеводах «московского» периода русской истории издавались и ранее — достаточно вспомнить работы В.В. Каргалова,²²³ Н.С. Борисова²²⁴ и, с некоторыми оговорками, В.А. Волкова.²²⁵ Однако их отличие от новой книги Д.М. Володихина велико. С одной стороны, тексты всех перечисленных авторов подпадают под определение не сугубо научной, но — научно-популярной литературы. Не будет здесь исключением и книга Володихина, изданная в серии «Жизнь замечательных людей». Дело в другом, а именно — в подходе к написанию воеводских биографий. Если у В.В. Каргалова мы видим в первую очередь жизнеописание полководца — по сути, расцвеченный деталями «послужной список» воеводы, у Н.С. Борисова — опыт «романтической биографии» в духе Томаса Карлейля, а у В.А. Волкова — краткие биографически заточенные заметки (тяготеющие по форме к энциклопедическому формату), то в книге Д.М. Володихина все иначе. Перед нами — живо написанные,

²²² Кратко см.: *Pavlov A.P. D.M. Volodihin, Social 'nyj sostav russkogo voevodskogo korpusa pri Ivane IV // Cahiers du monde russe. 2011. Vol. 52. N. 4. P. 663–667.*

²²³ *Каргалов В.В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989. С. 171–328; Он же. Московские воеводы XVI—XVII вв. М., 2002. С. 10–79.*

²²⁴ *Борисов Н.С. Русские полководцы XIII—XVI веков. М., 1993. С. 121–189.*

²²⁵ *Волков В.А. Русская рать: богатыри, витязи и воеводы. М., 2005. С. 169–287.* Ряд очерков переиздавались в позднейших книгах и в последний раз все вместе в кн.: *Волков В.А. Ратные силы Московской державы. М., 2023. С. 396–455.*

но в то же время выдержанные вполне в рамках академической науки биографии в подлинном смысле этого слова. Помимо главнейших вех военной карьеры того или иного лица автор обращает большое внимание и на другие, казалось бы, вспомогательные, но на деле не менее важные аспекты: служебную историю рода героя, его собственное положение в структуре воеводского корпуса и политической элиты, личный вклад в военные и административные деяния русского правительства, влияние, которое он оказывал на государственные процессы. В этом плане володихинские воеводы оказываются органично встроены в те социальные системы координат, которые задавали тон и попросту — определяли жизненный уклад служилого человека Московской Руси: это род (с выслуженной за десятилетия, если не за века, родовой «честью»); это придворные структуры — от военной иерархии до Боярской думы, все то, что входило в широкое понятие Государева двора; и, наконец, это негласный круг «государевых любимцев», иначе говоря тот неформальный, но очень живучий институт, который позднее получит имя фаворитизма. Отмечая место воеводы в этих «координатных плоскостях», прослеживая изменения его военного и придворного статуса (и, к слову, статуса его рода) — в прямой связи с личной военной службой, пресловутым «послужным списком», Д.М. Володихин создает не просто биографию воеводы — поскольку эта биография неизменно оказывается окрашена в социальные цвета. Именно так, в таких категориях, надо полагать, во многом и мыслили себя и свою жизнь герои книги Володихина — русские служилые аристократы XV—XVI вв.²²⁶

Наше представление о развитии воеводоведения (а значит, и о месте в нем новой книги Д.М. Володихина) не будет сколь-нибудь полным, если не коснуться вопроса о научных школах, его породивших. На первый взгляд может показаться, что это направление лишено какой-либо институциональной составляющей. Однако это не так. Прежде всего отметим, что, за исключением белгородского историка В.В. Пенского (посвятившего свои работы изучению среднего и младшего командного состава — что налагает на них особую специфику)²²⁷ и автора этих строк (причисляющего себя к последователям петербургских историков-«феодалов», ведущих свою «родословную» от С.Ф. Платонова), все специалисты, непосредственно занимавшиеся «вое-

²²⁶ См., например: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 14–15, 21–22, 27 и др.

²²⁷ *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М., 2017.

водскими» проблемами, неизменно принадлежат к московской исторической школе.²²⁸

Оба зачинателя изучения воеводских биографий, В.В. Каргалов и Н.С. Борисов, являются учениками Б.А. Рыбакова. Оба они — специалисты в области военной и политической истории Руси XIV—XVI вв.²²⁹ Их интерес к воеводам сугубо вторичен. Это по большей части сопутствующая тема, важная постольку, поскольку ее разработка влияет на результаты основных, магистральных разысканий. В.В. Каргалов — знаток воинских разрядов, и именно на их основе он прежде всего писал свои «воеводские» очерки. Оптика Н.С. Борисова несколько отлична: она сосредоточена в основном на летописных материалах и ранее изданных (главным образом дореволюционных) работах историков.

Специалисты по воеводам «второго призыва» — В.А. Волков и не названный прежде А.Г. Бахтин (написавший, однако, несколько работ и по стилю весьма близкий к Волкову)²³⁰ — принадлежат к ученическому кругу А.Г. Кузьмина, который по своему генезису — плоть от плоти школы М.Н. Тихомирова. Будучи специалистами по военной и дипломатической истории России XVI в.,²³¹ и В.А. Волков, и А.Г. Бахтин обращали внимание на главных действующих лиц своих исследований — госуда-

²²⁸ Спорадически обращались к биографиям московских воевод XV—XVI вв. В.Д. Назаров (Москва), В.А. Аракчеев (Москва), В.П. Ульянов (Нижевартовск), Я.Г. Солодкин (Нижевартовск), М.А. Зинько (Москва), С.Ю. Панченко (Белгород), А.Л. Корзинин (С.-Петербург), М.А. Несин (С.-Петербург), К.Ю. Ерусалимский (Москва), И.Г. Пономарева (Москва), В.В. Шапошник (С.-Петербург), Б.А. Илюшин (Н. Новгород), А.И. Раздорский и А.П. Павлов (С.-Петербург) и др. Мы оставляем за скобками не в пример более многочисленные жизнеописания воевод эпохи Смуты и первых Романовых, создаваемые по большей части на основе других комплексов исторических источников; отметим лишь, что в рамках этого направления ныне плодотворно работают И.Б. Бабулин, А.П. Богданов, Д.М. Володихин, В.Н. Глазьев, А.Ю. Кабанов, В.Н. Козляков, Я.В. Леонтьев, Ю.А. Мизис, А.П. Павлов, Я.Н. Рабинович, Я.Г. Солодкин, Ю.М. Эскин и др.

²²⁹ Каргалов В.В. Оборона южной границы Российского государства в первой половине XVI столетия. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1977; Борисов Н.С. Политика московских князей: конец XIII — первая половина XIV в. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1998.

²³⁰ Бахтин А.Г. Князь Дмитрий Елецкий: к вопросу основания г. Царевококшайска. Исторический очерк. Йошкар-Ола, 2006; Он же. Воевода И.В. Хабар-Симский // Военно-исторический журнал. 2017. № 6. С. 72–79.

²³¹ Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV—XVI вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001; Волков В.А. Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV — первой половины XVII в. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005.

ревых больших воевод — в той степени, в которой это могло дополнить и углубить полученные наблюдения и выводы.

С этой точки зрения работы Д.М. Володихина, чья докторская диссертация была прямо посвящена воеводоведческой проблеме,²³² стали первыми специальными трудами по истории русского командного состава XV — начала XVII в. и биографиям его отдельных представителей. Формально Володихин — ученик В.А. Плугина, однако его принадлежность к последователям М.Н. Тихомирова, в том числе отчасти А.А. Зимина — в чисто методологическом отношении — несомненна.

За пределами московской школы воеводоведение особенно не распространилось — здесь можно назвать лишь серию работ петербуржца Ю.Г. Алексеева, крупнейшего знатока военного дела времен Ивана III. Однако эти воеводские биографии²³³ либо «коллективные портреты» военной знати²³⁴ также представляют собой не более чем приложение к созданной ученым монографической истории походов русских войск второй половины XV столетия.²³⁵ Важно упомянуть и единичный (тем не менее, крайне плодотворный) опыт обращения к биографическому жанру ученика Ю.Г. Алексеева, М.М. Крома.²³⁶ Особый случай — созданное А.И. Филюшкиным (учеником В.П. Загоровского и Р.Г. Скрынникова) капитальное жизнеописание князя Андрея Курбского, в основу которого положены совершенно нетипичные для «воеводских» работ источники личного происхождения (как самого князя Курбского, так и его державного оппонента царя Ивана Грозного).²³⁷

Возвращаясь к Д.М. Володихину и завершая неоправданно (так, во всяком случае, может показаться) затянувшееся историографическое отступление, стоит сказать, что в последние годы под руководством ученого были защищены две кандидатские диссертации, темы которых непосредственно касаются практических вопросов воеводоведения, а именно — работы с такими важнейшими источниками, как разрядные книги.²³⁸ Еще в паре случаев процесс подготовки диссертационных

²³² *Володихин Д.М.* Социальный состав высшего командования вооруженных сил России в 1530–1570-е гг. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2010.

²³³ *Алексеев Ю.Г.* На службе России. Боярин Яков Захарыч // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 55–69.

²³⁴ Переизданы в кн.: *Алексеев Ю.Г.* Военная история допетровской Руси. СПб., 2018. С. 681–715.

²³⁵ *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007 (2-е изд. 2009).

²³⁶ *Кром М.М.* Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 98–115.

²³⁷ *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский... Популярный вариант: *Филюшкин А.И.* Андрей Курбский. М., 2008.

²³⁸ *Подчасов Н.А.* Разрядные документы как источник по военно-администра-

исследований, по-видимому, прервался, однако был издан ряд статей биографического жанра.²³⁹ Общность подхода к анализу исторического материала, свойственная всем четырем историкам — Н.А. Подчасову, К.Э. Аксаян, Л.П. Пресняковой и Я.В. Некрасовой, — свидетельствует о процессе институционализации и позволяет нам говорить о появлении особой «школы Д.М. Володихина».

На примере работ помянутой выше «когорты» учеников Володихина хорошо видны те методические приемы, которые применяет при написании биографий московских воевод сам ученый. (Увы, в силу популярного характера большинства таких биографий научная «кухня» Д.М. Володихина зачастую оказывается скрыта от взгляда читателя и может быть реконструирована лишь методом ретроспекции.) В основу положена работа с разрядными источниками. Извлеченные из разрядов сведения составляют «становой хребет» будущей биографии, тот самый «послужной список» воеводы. Затем данные разрядов дополняются за счет обращения к летописному и актовому материалам, запискам иностранцев и др. Эти последние создают своего рода фон, или контекст, жизненного пути знатного служильца.

Не останавливаясь на описании отдельных «методических процедур» (благо, они подробно изложены в названных выше диссертациях Н.А. Подчасова и К.Э. Аксаяна), отметим, что такой подход к стратификации источников и порядку работы с ними всецело обоснован, хотя и имеет некоторые изъяны. Особенно хорошо они заметны на примере работ учеников Д.М. Володихина — работ не популярных, а сугубо академических и, следовательно, обязанных отвечать повышенным требованиям. Это, в первую очередь, принципиальный отказ от использования архивных источников и уверенность в исчерпывающем характере сведений опубликованных разрядных книг. Обращение к рукописным материалам убеждает нас как раз-таки в обратном. Во-вторых, это огра-

тивной деятельности рода князей Трубецких на службе Московского государства: вторая половина XVI — начало XVII века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018; Аксаян К.Э. Военно-служилая деятельность князей Шуйских в зеркале разрядных источников (1560-е — 1610 г.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021. См. также статьи: Подчасов Н.А. Служилая биография князя Ф.М. Трубецкого как представителя военной элиты России второй половины XVI в. // Историческое обозрение. Вып. 17. М., 2016. С. 34–41; Аксаян К.Э. Служилая биография князя Ивана Андреевича Шуйского по материалам разрядных книг // Клио. 2020. № 10 (166). С. 128–135.

²³⁹ Преснякова Л.П. Служилая биография воеводы XVI столетия князя И.Д. Бельского // Русская военная элита. Сборник материалов научной конференции. Севастополь, 2015. С. 24–43; Некрасова Я.В. Воевода князь А.И. Вяземский-Глухой: реконструкция служилой биографии по материалам разрядных источников // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2016. № 4. С. 3–14.

ничение использования «дополнительных» источников: не только летописей и актов (недурно изданных — в смысле их количества), но и синодиков, вкладных и кормовых книг, мало напечатанных и по большей части лежащих в архивах и рукописных отделах России и сопредельных стран. И здесь, на наш взгляд, также стоит вести речь о сознательном сужении источниковой базы и, как следствие, сокращении добытых фактов и потере исторически обусловленных контекстов. Впрочем, сосредоточенность именно на разрядных источниках имеет и свои сильные стороны, среди которых — очевидное совершенствование их использования и извлечение из них невидимой при первом взгляде косвенной информации.

Безусловно, соединение, с одной стороны, «московских» подходов, применяемых Д.М. Володихиным и его учениками (вполне в духе разрядных «штудий» А.А. Зимина), и, с другой стороны, «петербургского» взгляда на источниковедение истории военно-служилой элиты сквозь призму в значительной части неизданных родословцев, поминальных книг, актов и учетных документов Двора (развиваемого ныне учениками Р.Г. Скрынникова и А.П. Павлова, прежде всего А.Л. Корзининым и А.В. Сергеевым),²⁴⁰ вкупе с классическим, характерным как для Москвы, так и для Петербурга, летописеведением в перспективе способно ощутимо расширить как границы воеводоведения, так и получаемые в рамках него исследовательские результаты. (Что, справедливости ради, отчасти и в ограниченном масштабе уже было предпринято автором этих строк в ряде работ.)²⁴¹

²⁴⁰ Корзинин А.Л. Государев двор в доопричный период: 1550–1565 г. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2016; Сергеев А.В. Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI — начале XVII века: князья Ростовские и Ярославские. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. См. их работы, выполненные в русле «воеводской» темы: Корзинин А.Л. «Яз грамот не прочитаю, потому что яз грамот не умею» — к биографии опричника Романа Васильева сына Алферьева // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 134–141; Он же. Басмановы и опричнина // Российское государство в XVI — начале XVIII века: Сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова. СПб.; М., 2022. С. 53–80; Сергеев А.В. Воеводы Русского государства второй половины XVI века: князья Хворостинины // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., 2016. С. 221–238.

²⁴¹ Белов Н.В. Человек-загадка. Князь Михаил Иванович Колышка Патрикеев, воевода Ивана III // Историческое обозрение. Вып. 22. М., 2021. С. 55–63; Он же. Еще раз о Федоре Юрьевиче Шукке Кутузове, воеводе Василия III // Novogardia. 2021. № 1. С. 116–146; Он же. Князь Василий Михайлович Щенятев, боярин и воевода времени «боярского правления» // Материалы и исследования по истории России. Вып. 15. Нижневартовск, 2021. С. 19–35; Он же. Федор Хромой — боярин и воевода Ивана III.

Такая установка, вполне отвечающая комплексному «вызову», который бросает на данном этапе своего развития «наука о воеводах» новым поколениям историков, ни в коей мере не ущемляет те несомненные завоевания этого сравнительно молодого направления, что были сделаны (и продолжают совершаться поныне) Д.М. Володихиным и его школой.

Покончив с долгими, но необходимыми вводными замечаниями, обратимся, наконец, к рецензируемой книге.

Структурно, если не брать в расчет введение и сопутствующие любой печатной продукции серии «ЖЗЛ» разделы, книга состоит из десяти глав. Каждая посвящена биографии одного либо двух воевод: кн. Д.Д. Холмскому, кн. Д.В. Щене, В.Ф. Образцу и его сыну И.В. Хабару Симским, Я.З. и Ю.З. Кошкиным, кн. А.В. Ростовскому, А.Д. Басманову-Плещеву, кн. М.И. Воротынскому, кн. С.И. Микулинскому, кн. Д.И. Хворостинину и кн. И.П. Шуйскому. Принципиально новыми из них являются первые четыре главы: прочие очерки либо уже публиковались прежде,²⁴² либо представляют собой сокращение более ранних текстов.²⁴³ Впрочем, эти «старые» очерки подверглись редактуре, перед нами их «дополненное и исправленное» издание. По меньшей мере одно из таких дополнений носит характер полемики: очевидно, отвечая на выпад М.А. Зинько²⁴⁴ (хотя и не называя ее имени), Д.М. Володихин привел дополнительные (на наш взгляд, справедливые) аргументы в пользу факта опалы князя Семена Микулинского в 1554–1558 г. (с. 265).²⁴⁵ Ученными оказались и новейшие наблюдения В.В. Пенского относительно численности русских и татарских воинских контингентов (с. 244, 266), и ряд других научных достижений последних лет.

Нет нужды пересказывать содержание всех десяти глав — о нем читатель может узнать самостоятельно, обратившись к книге. Отметим только, что в отличие от работ В.В. Каргалова, рисующих образ московских воевод прежде всего как полководцев (*military leaders* — английский эквивалент в данном случае куда более точен), книга Д.М. Володихина в равной степени дает представление о воеводах и как о представителях

СПб., 2022.

²⁴² Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009 (2-е изд. 2014); Он же. Опричнина и «псы государевы». М., 2010. Переиздано в кн.: Володихин Д.М. Иван Грозный и его окружение. М., 2016.

²⁴³ Володихин Д.М. Иван Шуйский. М., 2012 (2-е изд. 2020); Он же. Князь Александр Владимирович Ростовский, воевода Ивана Великого. М., 2017.

²⁴⁴ Зинько М.А. «Не человек, но агел Божий»: опыт изучения биографии князя Семена Ивановича Микулинского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 76–77.

²⁴⁵ Здесь и далее в круглых скобках даются ссылки на страницы рецензируемой книги.

политической элиты Русского государства. В этой связи важны наблюдения Володихина, к примеру, насчет непростого встраивания выходца из Тверского княжеского дома князя Даниила Холмского в структуру московской боярской иерархии (и как следствие — его превращения в первого русского полководца, «который был тактиком в чистом виде») (с. 9–12, 26–29). Или же о социальной природе местнического конфликта боярина Якова Кошкина с князем Даниилом Щеней, явившегося следствием системного оттеснения старого московского боярства от рычагов управления русской армией (с. 113–120).²⁴⁶ Или о роли боярина Алексея Басманова в осуществлении опричной «реформы», также проистекавшей (по мнению Володихина, не вполне разделяемому автором этих строк) из усиления роли титулованной княжеской знати в военно-политических структурах Русского царства — в ущерб старым московским нетитулованным служильцам (с. 177–181, 190). Или об участии князя Ивана Шуйского в рискованной политической борьбе начала правления царя Федора Ивановича (с. 330–333).

Социальная составляющая в книге Д.М. Володихина вовсе не превалирует над военной, но удачно ее дополняет. Не менее любопытными видятся подходы историка к решению чисто военных вопросов, как то: реконструкции боев на Ведроше 1500 г. и под Опочкой 1517-го, на Свияге 1524-го и под Псковом в 1581–1582 гг. (с. 54–61, 100–105, 132–139, 313–329), подсчет численности русских войск в Полоцком походе 1562–1563 г. (здесь автор полемизирует по ряду пунктов с А.Н. Лобиним²⁴⁷ и корректирует — в сторону уменьшения — результаты своих прежних вычислений)²⁴⁸ (с. 172–175) и ряд иных. Достойны внимания и сюжеты, находящиеся на стыке военной и политической жизни Московской Руси, главные из которых — введение и отмена опричнины в связи с конкретными событиями на «фронтах» вооруженного противостояния с Литвой и Крымом (с. 177–178, 287–288).

Словом, перед нами попытка создания *комплексной* биографии виднейших русских воевод второй половины XV — конца XVI в. Разумеется, популярный характер книги и отмеченное выше сознательное сокращение источниковой базы накладывают известные ограничения на точность и полноту полученных результатов. Порой эти ограничения весьма существенны, как, например, при попытках выяснения психоло-

²⁴⁶ Подробно: Володихин Д.М. Полководцы Ивана III. С. 100–125.

²⁴⁷ Ср.: Лобин А.Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6). С. 55, 57, 74.

²⁴⁸ Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII—XVI веках. М., 1994. С. 92.

гических установок и мотивов служилых людей, основанных в лучшем случае на отрывочных сведениях немногих нарративов либо документов, — когда, возможно, стоило бы проявить известную осторожность. Впрочем, надо понимать, что книга Д.М. Володихина (научно-популярность стиля которой еще раз стоит подчеркнуть) ценна не только (а местами и не столько) содержащимися в ней фактическими сведениями, сколько теми подходами как в работе с разрядными источниками, так и в синтезе персональной, военной и социально-политической истории, которые, в свою очередь, позволяют существенно расширить исследовательские горизонты и в перспективе — углубить наши знания о служилой знати Русского государства.

Те рамки, что были изначально заданы Д.М. Володихиным при отборе источникового материала для своих работ, порой не позволяют прояснить отдельные моменты биографий знатных служилых. Особенно это касается вопросов о датах их смертей. Как правило, эти даты привязывают к последним упоминаниям лиц в разрядных книгах и других материалах государственного делопроизводства — прием, конечно, методически верный, но лишенный известной точности. В таких случаях зачастую приходится прибегать к другим источникам, а именно — поминальным книгам, прежде всего синодикам. Так, например, Д.М. Володихин пишет о том, что с середины 1530-х гг. И.В. Хабар-Симский «более не упоминается в источниках, он ушел из жизни» (с. 105). Историк ссылается на данные С.Б. Веселовского о смерти Ивана Хабарова в 1534 г.²⁴⁹ Эту дату можно уточнить. В древнейшем синодике Троице-Сергиева монастыря (так называемом синодике ризницы) имя И.В. Хабарова записано в самом конце годовой рубрики за 7043 (1534/35 г.),²⁵⁰ вскоре после кн. Ф.Д. Шевыря Щепина-Оболенского († до 1 июня 1535 г.)²⁵¹ и незадолго до кн. И.М. Воротынского († 21 июля 1535 г.).²⁵² Из чего можно сделать осторожный вывод о том, что смерть настигла Ивана Хабарова в первой половине лета 1535 г. Допущение Д.М. Володихина (вполне естественное в случае отсутствия надежных сведений) о постриге кн. Д.В. Щени опровергается все тем же синодиком: и в нем, и в других помянниках князь Даниил фигурирует лишь под своим мирским именем (в отличие,

²⁴⁹ См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 151.

²⁵⁰ РГБ. Ф. 304/III (Собрание ризницы Троице-Сергиева монастыря). № 25. Л. 187.

²⁵¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 58.

²⁵² *Гириберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмоскovie XIV—XVII вв. Ч. 1: Надписи XIV—XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М., 1960. № 31. С. 22–23.

скажем, от своего сына Михаила-Мисаила или же внука Петра-Пимена Щенятевых).²⁵³

Обращение к неизданным летописным памятникам также способно дополнить те обстоятельства жизни и службы московских воевод, что кажутся туманными при использовании одних лишь опубликованных источников. К примеру, изданный автором этих строк отрывок митрополичьего летописца всецело подтверждает гипотезу Д.М. Володихина (впервые высказанную А.А. Зиминим)²⁵⁴ об опале князя М.И. Воротынского в связи с военным неудачей на южной границе Руси (с. 215–216).²⁵⁵ Суждения Володихина о походе русских войск на Казань в 1524 г. (с. 132–139)²⁵⁶ могли бы обогатиться, а его доверие к сведениям Сигизмунда Герберштейна — неуклонно возрасти, обратись историк к тексту неизданного Волоколамского летописца из собрания С.О. Долгова²⁵⁷ (подробный рассказ которого об этом военном предприятии ввел в оборот А.А. Зимин и позднее использовал в своих работах В.А. Волков).²⁵⁸

Ряд тезисов Д.М. Володихина нуждаются в корректировке — уже в связи не с ограниченным кругом источников, а скорее с не всегда последовательным учетом работ предшественников. Так, при подсчете численности сил сторон в битве на Ведроше 1500 г. Д.М. Володихин получает цифры в 6–9 тыс. литовских и 7–12 тыс. русских воинов (с. 62–64). Историк упоминает оценку мобилизационного потенциала Литвы, данную А.Н. Лобиним, но ни слова не говорит о специальной работе Н.В. Смирнова, в которой подробно разбираются состав и численность вооруженных контингентов обеих армий на Ведроше (и получают, к слову, схожие цифры: 5–6 тыс. литовцев и 8–9 тыс. русских).²⁵⁹

²⁵³ РГБ. Ф. 304/III (Собрание ризницы Троице-Сергиева монастыря). № 25. Л. 11 об., 163.

²⁵⁴ Зимин А.А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 97–98.

²⁵⁵ Белов Н.В. Фрагменты митрополичьего летописания кануна опричнины // Словесность и история. 2021. № 1 (5). С. 70–72.

²⁵⁶ Подробно: Володихин Д.М. «Сеча велика, якова же не бывала... от Доньскова побоища». Сражение на реке Свияге в 1524 г.: спор источников // И.Д. Ковальченко: Человек. Ученый. Профессор. Материалы VI Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (к 95-летию со дня рождения). СПб., 2020. С. 211–220.

²⁵⁷ РГБ. Ф. 92 (Собрание С.О. Долгова). № 2. Л. 140 об. — 141 об.

²⁵⁸ О нем см.: Белов Н.В. Неопубликованные памятники отечественного летописания в работах В.А. Волкова по русской военной истории XV—XVII веков // Волков В.А. Русская история. Избранные труды. М., 2022. С. 611–613.

²⁵⁹ Смирнов Н.В. Реконструкция состава и численности русских и литовских войск в битве на Ведроше // Русское Средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012. С. 598–624.

В некоторых случаях выборочный подход к использованию литературы выходит за рамки простого ее неучета и оборачивается ошибками или неточностями.

К таковым относятся, например, слова Д.М. Володихина о том, что «поход миром» Ивана III на Великий Новгород в 1479 г. «сопровождался артиллерийским обстрелом» города (с. 23, 25). Тот же факт отмечен в книгах Н.С. Борисова и В.А. Волкова.²⁶⁰ Летописи не сообщают о боях под Новгородом, это известие встречается лишь у В.Н. Татищева. О его ошибочности (равно как и о происхождении — Татищев попросту смешал летописные сообщения о двух разных походах: 1477 и 1479 г.) убедительно писал Я.С. Лурье.²⁶¹

Присутствуют в книге и упущения биографического свойства. Говорится (вслед за А.А. Зиминим)²⁶² о женитьбе князя Юрия Патрикеевича на дочери Василия I Анне (с. 43), хотя В.А. Кучкин показал, что Анна была сестрой этого государя, дочерью Дмитрия Донского.²⁶³ Или о постриге боярина И.И. Хабарова в 1578 г. (с. 106), однако таковой, по всей видимости, состоялся в ноябре 1555 г.²⁶⁴ (и уж во всяком случае до 1573 г., когда Иван Хабаров назван иноком в послании Ивана IV братии Кириллова Белозерского монастыря).²⁶⁵ Его отец, И.В. Хабар-Симский, получил чин окольничего не «вскоре после победы» у Нижнего Новгорода 1505 г. (с. 92), а чин боярина — не «вскоре» после успешной обороны Рязани в 1521-м (с. 98), а в 1509 и 1528 г.. соответственно²⁶⁶ (ниже по тексту Д.М. Володихин сообщает о победе «боярина» И.В. Хабарова на Свияге в 1524 г. (с. 105), что хронологически неверно). Наконец, в очерке о князе Д.Д. Холмском совсем не упомянут факт обретения им боярства, произошедшего где-то к октябрю 1479 г.²⁶⁷

²⁶⁰ Борисов Н.С. Иван III. М., 2000. С. 288–289; Волков В.А. Иван III. Непобедимый государь. М., 2018. С. 57–58.

²⁶¹ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 157.

²⁶² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 29.

²⁶³ Кучкин В.А. Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев // Отечественная история. 2006. № 1. С. 154–155, 157.

²⁶⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 354–355.

²⁶⁵ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 167, 172, 174, 175, 177, 191, 192.

²⁶⁶ Korzinin A.L., Shtykov N.V. The Structure of the Boyarskaya Duma and the Court Administration in Vasily III's Reigning // Bylye Gody. 2017. Vol. 44. Iss. 2. P. 336.

²⁶⁷ Корзинин А.Л. Состав думных и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Ч. 1. Думные чины // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 332.

Изложенные замечания еще раз убеждают в необходимости комплексного подхода при написании воеводovedческих работ — что, конечно, не снижает ценности книги Д.М. Володихина (ибо ничьи тексты не лишены недостатков). При всей «рамочности» той базы источников, что была задана Володихиным в ходе создания книги, а значит, ограниченности познавательного потенциала применяемых ученым подходов, самый взгляд на воеводские биографии сквозь многогранную призму социально-политических отношений XV—XVI вв. видится автору этих строк весьма перспективным, а приемы работы историка с разрядной документацией — заслуживающими внимания. Володихинские «Полководцы Московского царства» (а вместе с тем и другие работы ученого, и тексты его учеников) — важный и необходимый этап становления новой «науки о воеводах». Этап, без которого путь к комплексному воеводоведению был бы куда более долог и тернист. Остается лишь довершить этот путь. В этом-то и состоит первейшая задача настоящих и будущих исследователей воеводской темы.

Список литературы

1. Аксaньян К.Э. Служилая биография князя Ивана Андреевича Шуйского по материалам разрядных книг // Клио. 2020. № 10 (166). С. 128–135.
2. Аксaньян К.Э. Военно-служилая деятельность князей Шуйских в зеркале разрядных источников (1560-е — 1610 г.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021. 26 с.
3. Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII—XVI веках. М.: «Аванта+», 1994. 134 с.
4. Алексеев Ю.Г. На службе России. Боярин Яков Захарыч // Дом Романовых в истории России. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. С. 55–69.
5. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 463 с.
6. Алексеев Ю.Г. Военная история допетровской Руси / Вступит. ст. К.В. Петрова, С.В. Стрельникова, Н.В. Штыкова. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 752 с.
7. Белов Н.В. Еще раз о Федоре Юрьевиче Щуке Кутузове, воеводе Василия III // Novogardia. 2021. № 1. С. 116–146.
8. Белов Н.В. Князь Василий Михайлович Щенятев, боярин и воевода времени «боярского правления» // Материалы и исследования по истории России. Вып. 15. Нижневартовск: «Киммерия», 2021. С. 19–35.
9. Белов Н.В. Фрагменты митрополичьего летописания кануна опричнины // Словесность и история. 2021. № 1 (5). С. 62–88.

10. *Белов Н.В.* Человек-загадка. Князь Михаил Иванович Колышка Патрикеев, воевода Ивана III // Историческое обозрение. Вып. 22. М.: ИПО «Радетель»; Изд-во НИБ, 2021. С. 55–63.

11. *Белов Н.В.* Неопубликованные памятники отечественного летописания в работах В.А. Волкова по русской военной истории XV—XVII веков // *Волков В.А.* Русская история. Избранные труды. М.: «Прометей», 2022. С. 608–623.

12. *Белов Н.В.* Федор Хромой — боярин и воевода Ивана III. СПб.: «Евразия», 2022. 160 с.

13. *Бахтин А.Г.* Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001. 44 с.

14. *Бахтин А.Г.* Князь Дмитрий Елецкий: к вопросу основания г. Царевококшайска. Исторический очерк. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской, 2006. 58 с.

15. *Бахтин А.Г.* Воевода И.В. Хабар-Симский // Военно-исторический журнал. 2017. № 6. С. 72–79.

16. *Борисов Н.С.* Русские полководцы XIII—XVI веков. М.: «Просвещение», 1993. 192 с.

17. *Борисов Н.С.* Политика московских князей: конец XIII — первая половина XIV в. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1998. 37 с.

18. *Борисов Н.С.* Иван III. М.: «Молодая гвардия», 2000. 644 с.

19. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: «Наука», 1969. 583 с.

20. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. *Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева*. М.: «Наука», 1987. 439 с.

21. *Волков В.А.* Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV — первой половины XVII в. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005. 30 с.

22. *Волков В.А.* Русская рать: богатыри, витязи и воеводы. М.: «Эксмо», «Алгоритм», 2005. 384 с.

23. *Волков В.А.* Иван III. Непобедимый государь. М.: «Ломоносовъ», 2018. 216 с.

24. *Волков В.А.* Ратные силы Московской державы. М.: «Академический проект», 2023. 487 с.

25. *Володихин Д.М.* Воеводы Ивана Грозного. М.: «Вече», 2009. 320 с.

26. *Володихин Д.М.* Опричнина и «псы государевы». М.: «Вече», 2010. 301 с.

27. *Володихин Д.М.* Социальный состав высшего командования вооруженных сил России в 1530–1570-е гг. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2010. 41 с.

28. *Володихин Д.М.* Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2011. 296 с.
29. *Володихин Д.М.* Иван Шуйский. М.: «Вече», 2012. 351 с.
30. *Володихин Д.М.* Русский воеводский корпус от опричнины до семибоярщины. Очерки истории. М.: РИСИ, 2015. 146 с.
31. *Володихин Д.М.* Иван Грозный и его окружение. М.: «Академический проект», 2016. 614 с.
32. *Володихин Д.М.* Князь Александр Владимирович Ростовский, воевода Ивана Великого. М.: «Русские витязи», 2017. 51 с.
33. *Володихин Д.М.* Полководцы Ивана III. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2017. 224 с.
34. *Володихин Д.М.* «Сеча велика, якова же не бывала... от Доньскова побоища». Сражение на реке Свияге в 1524 г.: спор источников // И.Д. Ковальченко: Человек. Ученый. Профессор. Материалы VI Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (к 95-летию со дня рождения). СПб.: «Алетейя», 2020. С. 211–220.
35. *Гиришберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Ч. 1: Надписи XIV—XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3–77.
36. *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М.: «Мысль», 1964. 535 с.
37. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М.: «Наука», 1988. 348 с.
38. *Зинько М.А.* «Не человек, но аггел Божий»: опыт изучения биографии князя Семена Ивановича Микулинского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 73–78.
39. *Каргалов В.В.* Оборона южной границы Российского государства в первой половине XVI столетия. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1977. 32 с.
40. *Каргалов В.В.* Полководцы X—XVI вв. М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1989. 334 с.
41. *Каргалов В.В.* Московские воеводы XVI—XVII вв. М.: «Русское слово», 2002. 336 с.
42. *Корзинин А.Л.* «Яз грамот не прочитаю, потому что яз грамот не умею» — к биографии опричника Романа Васильева сына Алферьева // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 134–141.
43. *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 г. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2016. 36 с.
44. *Корзинин А.Л.* Состав думных и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Ч. 1. Думные чины // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 318–356.

45. *Корзинин А.Л.* Басмановы и опричнина // Российское государство в XVI — начале XVIII века: Сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова. СПб.; М.: «Старая Басманная», 2022. С. 53–80.

46. *Кром М.М.* Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. Вып. 4. М.: УРСС, 2000. С. 98–115.

47. *Кучкин В.А.* Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев // Отечественная история. 2006. № 1. С. 154–168.

48. *Лобин А.Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6). С. 45–78.

49. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1994. 240 с.

50. *Некрасова Я.В.* Воевода князь А.И. Вяземский-Глухой: реконструкция служилой биографии по материалам разрядных источников // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2016. № 4. С. 3–14.

51. *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М.: «Центрполиграф», 2017. 318 с.

52. *Подчасов Н.А.* Служилая биография князя Ф.М. Трубецкого как представителя военной элиты России второй половины XVI в. // Историческое обозрение. Вып. 17. М.: ИПО «Радетель»; Изд-во НИБ, 2016. С. 34–41.

53. *Подчасов Н.А.* Разрядные документы как источник по военно-административной деятельности рода князей Трубецких на службе Московского государства: вторая половина XVI — начало XVII века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018. 21 с.

54. Послания Ивана Грозного / Подг. *Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 716 с.

55. *Преснякова Л.П.* Служилая биография воеводы XVI столетия князя И.Д. Бельского // Русская военная элита. Сборник материалов научной конференции. Севастополь: «Шико-Севастополь», 2015. С. 24–43.

56. *Сергеев А.В.* Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI — начале XVII века: князья Ростовские и Ярославские. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 35 с.

57. *Сергеев А.В.* Воеводы Русского государства второй половины XVI века: князья Хворостинины // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.: Древлехранилище, 2016. С. 221–238.

58. *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб.: «Наука», 1992. 573 с.

59. *Смирнов Н.В.* Реконструкция состава и численности русских и литовских войск в битве на Ведроше // Русское Средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М.: Древлехранилище, 2012. С. 598–624.

60. *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 624 с.

61. *Филюшкин А.И.* Андрей Курбский. М.: «Молодая гвардия», 2008. 298 с.

62. *Korzinin A.L., Shtykov N.V.* The Structure of the Boyarskaya Duma and the Court Administration in Vasily III's Reigning // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Iss. 2. P. 330–341.

63. *Pavlov A.P. D.M. Volodihin,* Social'nyj sostav russkogo voevodskogo korpusa pri Ivane IV // *Cahiers du monde russe*. 2011. Vol. 52. N. 4. P. 663–667.

Сведения об авторе

Белов Никита Васильевич, магистрант факультета филологии Санкт-Петербургского государственного университета. *belovnikita1997@yandex.ru*

С.Е. Шушов
S.E. Shishov

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

AXIOLOGICAL ASPECTS OF YOUTH EDUCATION THROUGH THE PRISM OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS

Именно под таким названием состоялась десятая, юбилейная Международная научно-практическая конференция, которая прошла 17 марта 2023 г. в Московском государственном университете технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Организатором выступила кафедра педагогики и психологии профессионального образования факультета социально-гуманитарных технологий МГУТУ им. К.Г. Разумовского совместно с научно-педагогическими работниками Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова (Республика Казахстан).

Более 10 лет коллеги из дружественных университетов анализируют процессы развития общества, подверженного глобализации и мас-

совой цифровой коммуникации. Эти процессы серьезно влияют на систему образования и инициируют кардинальные изменения в учебном процессе. С известной долей допущения можно говорить о «точке бифуркации» в развитии аксиологических аспектов воспитания молодежи сквозь призму цифровой трансформации образовательного процесса.

В частности, активно применяются технологии информационного контактирования в дистанционной учебной работе в цифровой среде; налицо глобализирующиеся процессы информационного влияния на молодежь, осуществляемые территориально удаленными субъектами; в образовательном процессе используются робототехнические средства, программы искусственного интеллекта, высокотехнологичное оборудование; образовательные технологии переплетаются с информационными средствами для создания конвергентных междисциплинарных методик; образовательные услуги оцифровываются, также как и контроль результатов учебных достижений.

Для обсуждения влияния именно этих тенденций на аксиологические аспекты воспитания молодежи были приглашены более 50 ученых педагогов и психологов из России, Казахстана, Китая, Белоруссии, Турции, Ливана, Республики Кот-д'Ивуар, Канады, Мальты, Германии и других стран.

«Наше научное собрание имеет очень широкую аудиторию и разнообразную проблематику. Сегодня в рамках конференции актуальные вопросы образования и педагогики будут рассматривать специалисты из различных стран мира. Уверен, что мы преумножим знания, обменяемся опытом и плодотворно поработаем», — приветствовал участников конференции проректор МГУТУ по учебно-методической работе Михаил Юрьевич Стояновский.

«Актуальность конференции связана с тем, что цифровые технологии в обучении быстро развиваются. Цифровая трансформация затрагивает все сферы жизни человека и упрощает его повседневный быт. Но стоит отдельно обсудить проблему социализации, самоидентификации в цифровом мире. Поэтому цифровая аксиология должна быть инструментом “мягкой силы” в руках педагогического образования», — отметил ректор КарУ им. Е.А. Букетова Дулатбеков Нурлан Орынбасарович.

К позитивным тенденциям в образовании участники конференции отнесли следующие: интеллектуализация информационной деятельности (Юлина Галина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета социально-гуманитарных технологий) и информационного взаимодействия субъектов образования (Шишов Сергей Евгеньевич, доктор педагогических наук, профессор) за счет предоставления инструментов моделирования, исследования, проектиро-

вания, имитации виртуальной среды в рамках содержательно-методического подхода (Муликова Салтанат Алтаевна, доктор педагогических наук, доцент, декан педагогического факультета КарУ им. Е.А. Букетова); увеличение объема образовательного материала, рост спектра тематики на базе гипермедийной формы его реализации (Кубрушко Петр Федорович, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К.А. Тимирязева); реализация современных форм и методик обучения в разрезе современных научно-исследовательских методов познания на основе законов физических и социальных явлений; появление принципиально новых средств обучения, опирающихся на цифровые технологии (Роберт Ирэна Веняминовна, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор), применение которых определяет рост мотивации к обучению и развитие самостоятельности обучаемых; расширение форм учебной деятельности, неkontaktной работы, в том числе на базе виртуальной реальности, «дополненной реальности» (Карманова Жанат Алпысовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры дошкольной и психолого-педагогической подготовки КарУ им. Е.А. Букетова).

Были отмечены также и негативные тенденции: преобладание констатирующего мышления и ослабление дискурсивного мышления, ослабление навыка концентрации внимания на основополагающих информационных единицах (Козлов Олег Александрович, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории информатики и информатизации образования Института стратегии образования РАО); рассредоточенность внимания обучающихся из-за избыточности информации; «контентная слепота» обучающихся (термин И.В. Роберт), связанная с затруднением осознания морально-ценностного компонента информации (Чинков Валерий Ростиславович, кандидат педагогических наук, доцент, член Экспертного совета по международному сотрудничеству); приоритет визуального представления информации над содержательным (Анисет Габриэль Кочофа, основатель Ассоциации иностранных студентов в России, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, почетный профессор более чем семи российских и зарубежных университетов, Верховный комиссар по международному сотрудничеству, заместитель генерального секретаря Евразийской организации экономического сотрудничества); клипово-комиксное осознание информации, приводящее к искажению ее содержательной составляющей (Аду Яо Никэз (Adu Yao Nikez), кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов,

член Попечительского совета Ассоциация иностранных студентов в России, Республика Кот-д'Ивуар); примитивное представление информации (мультипликационные видеоряды, визуализация моделей, преобладание графиков, инфограмм и пр.) (Гелишли Южел, PhD, профессор университета Гази в Анкаре, Турция); развитие у молодежи алгоритмического стиля мышления, ориентированного на точное следование усвоенным алгоритмам работы (Сарсенбаева Гульнара Молдрахмановна, кандидат педагогических наук, директор Департамента качества, Американский университет Мальты); неадекватность восприятия молодыми людьми физической действительности после пребывания в виртуальной реальности (Гау Катарина, руководитель группы учебно-терапевтической помощи ученикам начальной школы, социальный педагог в сфере ювенальной юстиции, г. Вильхелмсхафен, Германия); умственная и эмоциональная напряженность при использовании виртуального контента (Касымова Лаура Сериковна, PhD, психометрист, Центр психологических услуг и исследований в Торонто, Канада).

Эти изменения в сфере образования в рамках использования цифровых технологий являют собой системообразующий фактор цифровой трансформации образования (Шеститко Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск).

Цифровая трансформация в образовании серьезно влияет на гуманитарно-ориентированную основу, на аксиологию (философию ценностей) образования, преобразует ее по когнитивно-интеллектуальному, психолого-педагогическому, информационно-технологическому, здоровьесберегательному направлениям, а также влияет на информационную безопасность личности молодого человека (Полупан Ксения Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук», заместитель директора проектного офиса БФУ им. И. Канта, Калининград).

Участники конференции пришли к пониманию того, что сфера образования в период цифровой трансформации обязана ориентироваться, во-первых, на сохранение традиционных ценностей образования, а во-вторых, на развитие, коррелирующее с уровнем научно-технологического прогресса.

В XXI в. серьезно проявилось противоречие между экономическими и философско-психологическими подходами к сфере ценностных ориентаций, которая является основополагающим элементом внутренней личностной структуры.

В итоге предложено ориентироваться на следующую структуру ценностей образования в период цифровой трансформации: философско-психологические ценности, определяющие приоритетность

для молодого человека принятых в конкретном обществе философских, духовных, психологических аспектов восприятия; когнитивно-интеллектуальные, определяющие значимость для молодого человека аспектов познания окружающей реальности, экспериментальной, научно-исследовательской работы, связанной с расширением границ восприятия виртуального мира; социальные (морально-этические), определяющие приоритетность для молодого человека принятых в конкретном обществе морали, этики в отношениях между людьми; национально-этнические, определяющие приоритетность патриотизма, гражданственности, справедливости, национальных традиций при принятии молодым человеком жизненных решений; культурно-эстетические, определяющие значимость традиций красоты, гармонии, верности, дружбы; конвергентно-технологические, определяющие значимость для молодого человека обучения по образовательным, информационным и коммуникационным технологиям (аналоговой и цифровой реализации); здоровьесберегающие, определяющие необходимость соблюдать психолого-педагогические, санитарно-гигиенические и технические требования учебной деятельности в цифровой информационно-образовательной среде. Кроме того, обязательной ценностью является осознание приоритета информационной безопасности личности при использовании цифровых технологий. Обязательной блокировке подлежит: информация, оскорбляющая человеческое достоинство, неэтичная информация, информация, запрещенная законодательством, оскорбляющая моральные ценности, агрессивная информация.

По итогам конференции готовится к публикации совместный сборник научных материалов.

Сведения об авторе

Шишов Сергей Евгеньевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного университета технологий и управления им К.Г. Разумовского. seshishov@mail.ru

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С ПРИЦЕЛОМ НА ШИРОКУЮ АУДИТОРИЮ

26 января 2023 г. в библиотеке имени М.Ю. Лермонтова города Москвы состоялась всероссийская конференция с международным участием «История: наука, искусство, ремесло». Мероприятие объединило историков, филологов, писателей, литературных критиков. Ведущим организатором научной встречи стал МГУТУ имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), от которого в оргкомитет конференции

вошли Д.М. Володихин, проректор по научной работе МГУТУ, В.В. Утяева, начальник отдела конгрессо-выставочных мероприятий, и С.В. Беликов, председатель студенческого научного общества университета. Соорганизаторами конференции выступили редакционный комитет научного ежегодника «Историческое обозрение» и московское литературно-философское сообщество «Бастион». Прямая видеотрансляция этого научно-просветительского мероприятия, рассчитанная на студенческую аудиторию, велась on-line на сайте МГУТУ.

Выступавшие докладчики говорили о предназначении истории и историка, о менявшихся в различные эпохи целях и задачах накопления исторических знаний, об истории как идеологии, назидании для государственных элит и эпическом нарративном повествовании. Затрагивалась тема взаимодействия истории и литературы, их взаимообогащения на стыке научно-художественных жанров повествования и в fiction-литературе, в частности, в фантастике и исторической романистике. Участники обсуждали современную философию истории, поднимали проблемы генеалогии как направления микроистории и сегмента исторических исследований, широко востребованного в современном обществе.

Доктор исторических наук, профессор МГУ и проректор МГУТУ по научной работе Д.М. Володихин представил доклад «Поворот к лицу. Исторический персонализм как современная философия истории», где рассказал о роли историка в современной науке. Ученый констатировал: «В большинстве случаев государство равнодушно к труду историка, который работает в Академии наук или в вузе. Программы, по которым историк должен отчитываться, как правило, основаны на идее социального синтеза, а она предполагает, что историческое знание кого-то на уровне общества в целом должно чему-то научить, предотвратить какие-то беды, показать, как правильно развиваться, дать советы на будущее. Проблема этого подхода заключается в том, что до сих пор не доказано существование непреложного закона общественного развития». Историк добавил, что мечта о социальном синтезе в области репрезентации истории существует, но в реальности никак не осуществима.

Председатель Историко-просветительского общества «Радетель», главный редактор научного ежегодника «Историческое обозрение», доктор исторических наук С.В. Алексеев (Москва) выступил с докладом «Назначение истории и историка». Прозвучали тезисы, согласно которым «изначально, во времена “отцов истории”, история являлась прежде всего учебником и наставлением для немногочисленного образованного слоя общества, причастного к власти. Цели и адресация истории оставались неизменными и в христианском Средневековье, и в эпоху Просвещения, хотя менялись идеи и жанры исторического повествования, отношение к самой реальности. Но уже в XVIII в. исто-

рическое знание начинает расслаиваться на чистую науку и “большую” историю. Со сменой и демократизацией европейских элит история теряет своего традиционного адресата, элиты теперь не способны воспринимать всю полноту усложнившегося исторического знания. С осознанием этого теряется и цель историка. Ситуация усугубляется в XX в., когда складывается массовое общество, которое требует от историка не ученой работы, а труда исторического романиста».

С докладом «Мистика как маркер гуманизма» выступил профессор МГУТУ, доктор филологических наук, член Союзов писателей России и Беларуси А.Н. Андреев. Еще один представитель МГУТУ профессор, доктор философских наук М.Ю. Чернавский сделал доклад-видеопрезентацию на тему «История как идеология». А.Е. Чернова, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного института культуры, писатель и собиратель фольклора, ознакомила присутствующих с темой «Современная устная история: на примере устной истории Онежского района Архангельской области». В частности, прозвучали записанные докладчицей устные истории, связанные с периодом Гражданской войны, с темой противостояния белых и красных в названном регионе, и ярко характеризующие восприятие тех событий местным населением.

На примере выступления О.И. Елисеевой, кандидата исторических наук, доцента Московского государственного института культуры и писателя, исторического романиста, участникам встречи было продемонстрировано, как могут дополнять друг друга история и художественная литература в творческом процессе создания произведений и в области литературоведческих исследований. Доклад «Наследники Пиковой дамы, или Кто получил богатства Старухи? Опыт реконструкции пространства мистической повести А.С. Пушкина» показал, как профессиональный историк, специалист по конкретной исторической эпохе, способен расширить диапазон восприятия смыслов произведения, насколько глубже он может вскрыть потаенные пласты, заложенные автором, порой даже неосознанно, в художественный текст. За спинами персонажей «Пиковой дамы» О.И. Елисеева выстраивает целые ряды исторических фигур, послуживших Пушкину прототипами и известных далеко за пределами России.

В докладе «Генеалогия как микроистория и искусство поиска» Н.В. Иртениной (Московская область), писателя и публициста, исследователя генеалогии казачества, прозвучала мысль, что «генеалогия, в связи с широким интересом к ней в современном обществе, становится одним из главных способов приобщения множества людей к истории. На фоне того, как неудовлетворительно преподается в школах и непрофильных вузах история и как вообще советские и постсоветские учебники отбивают интерес к ней у молодого поколения, занятия генеалогией,

напротив, пробуждают этот интерес, рождают увлеченность историей, порой на довольно глубоком уровне». В ходе обсуждения доклада участники пришли к выводу, что занятия поиском собственных предков могут, во-первых, послужить фактором развития патриотического сознания, особенно у молодых людей, во-вторых, скорректировать у индивидумов восприятие отечественной истории, искаженное «классовым подходом» и идеологическими установками недавнего прошлого.

Также на конференции представили свои доклады, посвященные идеям, которые рождаются на стыке истории и литературы, Е.А. Федорчук, кандидат филологических наук, писатель и литературный критик из Саратова («Прошлое и будущее как два способа конструирования “иного”») а также П.А. Матыцына, писатель, издатель журнала «ФанСити» («История как приключение»).

После каждого доклада звучали вопросы из зала, тематические дополнения и возражения. В целом формат встречи и ее смысловая насыщенность вызвали одобрение аудитории. Напряженный обмен идеями создал атмосферу насыщенной дискуссии.

Во время конференции был организован сбор книг в рамках благотворительной акции «Подари книги Донбассу». Собранные тома затем отправились в библиотеки и вузы Луганска. Также участникам встречи были представлены и вручены уникальные издания МГУТУ, посвященные развитию российского казачества. По итогам конференции планируется издать сборник прозвучавших докладов.

Редакция журнала «Вестник МГУТУ»

КАЗАЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

На пасхальной неделе, 20–21 апреля 2023 г., в Москве прошла международная научная конференция «Казачество на службе Отечеству». Организационной площадкой для этого крупного и знакового мероприятия стал Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), предоставивший свои аудитории для участников и гостей конференции.

В связи с активизацией деятельности МГУТУ в сфере научных разработок по темам казачества университет заявляет свое стремление к тому, чтобы служить своего рода экспертной лабораторией по данному направлению, превратиться в полноценный крупный научно-исследовательский и научно-практический центр изучения истории и культуры казачества. Для реализации этих планов МГУТУ предполагает агрегировать, подключая к своей работе, лучшие научные

кадры России и зарубежья, примером чего может служить прошедшая в апреле конференция. Помимо профессоров и преподавателей самого МГУТУ на мероприятие были приглашены специалисты из разных городов и регионов страны, а также из-за рубежа. В конференции приняли участие представители Института российской истории Российской Академии наук, Императорского православного палестинского общества, Южного федерального университета, а также иных крупных научных и образовательных центров. Были представлены, в частности, Ростов-на-Дону, Саратов, Армавир, Воронежская и Московская области, Республика Беларусь, участвовали эксперты казачьего сообщества из Западной Европы.

Председателем программного комитета конференции выступил Д.М. Володихин, доктор исторических наук, проректор по научной деятельности МГУТУ, сопредседателями — Г.Н. Юлина, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета социально-гуманитарных технологий, и А.Б. Бакурадзе, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования. Проведение конференции обеспечивал также организационный комитет в составе Б.К. Федорова, заместителя проректора по научной работе, кандидата экономических наук, доцента, В.В. Утяевой, начальника отдела конгрессо-выставочных мероприятий МГУТУ, и В.В. Калиты, кандидата психологических наук, доцента, заместителя декана факультета социально-гуманитарных технологий.

Работа конференции началась в стенах православного вуза с благословения ее участников и гостей, молитвы и приветственного слова митрополита Ставропольского и Невинномысского Кирилла (Покровского), председателя Синодального комитета РПЦ по взаимодействию с казачеством. Сам владыка не смог присутствовать, его замещал иерей Тимофей Чайкин. Пленарное заседание в зале ученых советов МГУТУ открыли также приветственные речи ректора университета А.С. Миронova и казачьего полковника К.Г. Крамера, атамана казачьей общины г. Ганновер, координатора казачьих общин Германии и союза атаманов казачьих общин Европы. В своем приветствии К.Г. Крамер говорил о том, как живется в текущих непростых условиях казакам зарубежья, о сохранении связей с Россией и сбережении потомками казаков-эмигрантов казачьих традиций за рубежом.

В основной части пленарного заседания прозвучало несколько докладов по темам истории казачества, отражения феномена казачества в литературе и педагогики казачества. Так, доктор исторических наук Д.М. Володихин рассказал в своем выступлении об участии казаков в героической обороне Пскова от польских войск короля Стефана Батория

в 1581–1582 г. и, в частности, о судьбе выдающегося военно-политического деятеля вольного донского казачества XVI в. атамана Михаила Черкашенина.

Советник ректора МГУТУ, кандидат исторических наук, председатель Координационного совета Объединения историко-просветительских организаций «Наследие Империи» генерал-лейтенант Л.П. Решетников выступил с темой «Казачество в белой эмиграции». Докладчик поведал о своей многолетней работе на греческом острове Лемнос по воссозданию вместе с православным отрядом волонтеров русского эмигрантского кладбища времен конца Гражданской войны в России, о восстановлении сотен имен погибших на острове и похороненных там казаков, офицеров, членов их семей, о создании воинского мемориала на Лемносе в память о русских людях, выброшенных из России кровавой политической смутой.

В исполнении кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Центра истории русского феодализма ИРИ РАН Н.И. Никитина, прозвучал доклад по теме ранней истории формирования и устроения казачьей вольницы на окраинах России — «Взаимоотношения вольного казачества с Московским государством в XVI—XVII вв.». Уважаемый докладчик подчеркнул, что главное в истории взаимоотношений российской государственности и вольного казачества не конфликт интересов, а многостороннее сотрудничество. Представитель Южного федерального университета В.П. Трут, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений ЮФУ (Ростов-на-Дону), выступил с темой «Развитие военного искусства казаков в эпоху Петра I».

С наработками своего исследования «Результаты Всероссийской переписи населения 2020 г.: казачий аспект» выступил А.В. Бредихин, кандидат исторических наук, научный руководитель АНО социально-экономического и политического консалтинга «Центр этнических и международных исследований», доцент кафедры истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования МГУТУ.

Доктор философских наук А.Б. Бакурадзе, заведующий кафедрой истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования МГУТУ, ознакомил аудиторию со своей научной разработкой «Воплощение идей педагогики казачества в современном образовательном процессе».

Педагогическую тему продолжила доктор филологических наук Н.Д. Котовчихина, директор международного центра по изучению литературного наследия М.А. Шолохова с докладом об исследовании художественной литературы о казачестве и казаках как факторе патриотического воспитания детей и молодежи, причем не только юношества

из казачьих семей и исторических казачьих краев, но и в целом подрастающих поколений России.

На этом пленарное заседание было завершено, затем работа конференции возобновилась в формате секционных чтений по двум направлениям: секция по истории казачества и секция по педагогике казачества.

В исторической секции председательствовал проректор по научной деятельности МГУТУ Д.М. Володихин, роль сопредседателя исполнил профессор Института истории и международных отношений ЮФУ В.П. Трут.

С докладом о подвиге Лейб-гвардии казачьего полка в битве при Лейпциге 1813 г., когда казаками был спасен от пленения наполеоновскими войсками государь Александр I, выступил П.В. Мультигули, кандидат исторических наук, профессор кафедры культуры казачества МГУТУ, член Императорского православного палестинского общества.

Литературовед и писатель, кандидат филологических наук, член Союза российских писателей Е.А. Федорчук (Саратов) представила свой анализ поэтического творчества донского казака, яркого поэта белой эмиграции Николая Туроверова. Важно подчеркнуть гражданскую позицию автора доклада: литература белой эмиграции, в том числе казачья по происхождению и важнейшим этическим мотивам, — полноправная часть большой русской литературы в целом и важнейший источник, повествующий о настроениях, чаяниях, восприятии русской истории той частью казачества, которая оказалась за рубежом. Н.Н. Туроверов представлен Е.А. Федорчук как поэт первой величины, один из лучших в русской литературе XX столетия. С этим можно согласиться.

С архивно-исторической темой выступил А.В. Малов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН. Его доклад ознакомил слушателей с историей формирования, описания, хранения и использования фонда коллекции «Донские дела» в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 111). А.В. Малов рассказал в подробностях о фундаментальных работах, связанных с публикацией названного массива архивных материалов.

Выступление доктора исторических наук, профессора, главного редактора научного ежегодника «Историческое обозрение», председателя Историко-просветительского общества «Радетель» С.В. Алексеева было посвящено возникновению слова «казачество» (XIV—XV вв.) и постепенному формированию нового смысла этого термина на Руси в середине — второй половине XV в. (вместе со складыванием собственно русского вольного и служилого казачества как крупного социального

явления). Доклад был отмечен источниковедческой фундированностью высокого уровня.

Завершило секцию чтений по истории казачества выступление Н.В. Иртениной, члена Союза писателей России, лауреата конкурса Издательского совета РПЦ «Новая библиотека», исследователя генеалогии малороссийского казачества. В докладе «Родом из малороссийских казаков: летчик Иван Кожедуб. Уточнения к биографии» были приведены результаты архивных исследований, вносящие коррективы в биографию знаменитого летчика в части его происхождения и родословия. Было заявлено, что официальные данные о происхождении И.Н. Кожедуба из крестьян, а также официальная дата его рождения неверны, архивные данные свидетельствуют, что род Кожедубов был казачьим, происходящим от казаков гетманского реестрового Войска Запорожского и уходящим корнями в XVII столетие. Прозвучали также предположения докладчика о причинах, по которым казачье происхождение И.Н. Кожедуба не афишировалось и скрывалось.

Секцию по педагогике казачества возглавлял заведующий кафедрой истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования МГУТУ А.Б. Бакурадзе, сопредседателем была Г.Н. Юлина, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования МГУТУ. Открыл секционные чтения доклад С.Е. Шишова, профессора, доктора педагогических наук, заведующего кафедрой педагогики и психологии профессионального образования. Выступление было посвящено роли педагогики в развитии казачьей культуры на современном этапе.

Далее своими идеями и размышлениями о педагогике казачества как выразителе цивилизационной парадигмы отечественной сферы образования поделился С.Н. Лукаш из Армавирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, руководитель Краснодарского краевого общественного фонда культуры кубанского казачества «Линеец».

Доклад «Казачье образование в контексте современной образовательной парадигмы: стратегии, риски, возможности» зачитала А.Н. Кошечко, доктор педагогических наук, профессор Томского университета систем управления и радиоэлектроники, директор Международного научно-практического центра аксиологии и методологии духовно-нравственного воспитания.

О когнитивном воздействии как факторе эффективности педагогических технологий рассказал А.Н. Андреев, доктор филологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования МГУТУ, член Союза писателей Беларуси.

Г.Н. Юлина представила доклад «Патриотическое воспитание в образовательных организациях: уровень, формы и методы работы (социологический аспект)».

Своими соображениями по проблемам становления и развития непрерывного казачьего образования на материале образовательных учреждений воронежского региона поделился с участниками секции А.Г. Клушин, кандидат исторических наук, директор Горожанского казачьего кадетского корпуса (Воронежская область).

По вопросам этнокультуры и этнопедагогике в современном российском обществе представила свой доклад Н.Е. Шафажинская, доктор культурологии, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования МГУТУ.

По окончании секционных чтений и короткого перерыва состоялась презентация книжных новинок, связанных тематикой с военной историей России и казачеством. Были представлены:

1. монография А.В. Малова и Н.И. Никитина «Российское казачество на заре своей истории (XV—XVII вв.)» — как проект, предназначенный для скорой публикации во МГУТУ;
2. научно-популярное издание «Великое Стояние на Угре в лицах» авторства Д.М. Володихина и Н.В. Иртениной;
3. научное исследование А.Б. Бакурадзе и А.П. Комарова «Ценности казачества: содержание, динамика и механизмы формирования».

В продолжение заседаний конференции велась видеосъемка выступлений и их on-line трансляция на сайте МГУТУ.

Второй, заключительный, день конференции был отдан экскурсионной поездке участников мероприятия в московский Донской ставропигиальный мужской монастырь, который в наше время стал объединяющим духовным центром для российского казачества. В ходе экскурсии по старинной обители учащимся МГУТУ (ПКУ), гостям из регионов России и зарубежья было рассказано об истории монастыря, его святынях и некрополе.

По итогам конференции во МГУТУ планируется издать научный сборник по истории и культуре казачества, в который войдут статьи, тематически связанные с прозвучавшими на пленарном заседании и секционных чтениях докладами.

Редакция журнала «Вестник МГУТУ»

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию МГУТУ (А.С. Миронов)	3
---------------------------------------	---

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ

С.В. Алексеев. Казаки Средневековья: слово и явление в XIII—XV вв.	5
К.Э. Аксаян. «И воры казаки в бояраке сидели два дни».	
К вопросу о реконструкции сражения на реке Восьме	14
Т.В. Агейчева. Николай Петрович Лихачев — портрет на фоне эпохи	29
Н.В. Иртенина. Родом из малороссийских казаков: летчик	
Иван Кожедуб. Уточнения к биографии.....	50
Д.М. Володихин. О выкупе русских пленников в Крыму	
по материаламклада из Грушевки 2022 г.	60

РАЗДЕЛ II. ЖУРНАЛИСТИКА

А.Е. Чернова. Образ журналиста в современной	
художественной прозе	66
И.П. Черкасова. Концептуализация метасмыслового пространства	
филантропии в современном медиадискурсе.....	77
А.В. Науменко-Порохина. Творчество военного журналиста	
Виктора Верстакова.....	97

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИКА

А.Б. Бакурадзе. Учебный курс «Казачество на службе	
Отечеству»: актуальность, цели, структура, содержание	
и первые итоги апробации	107
П.Ш. Алиева. Иностранные языки как фактор личностного роста	
в системе высшего образования казачества	122
Е.Б. Манузина, М.С. Евтюшина. Проектирование психологически	
безопасной, комфортной образовательной среды в школе	130

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г.С. Амрахова. Культурное наследие: новый	
культурологический учебник.....	139
Н.В. Белов. На путях к комплексному воеводоведению:	
заметки на полях книги Д.М. Володихина	
«Полководцы Московского царства».....	146
С.Е. Шишов. Аксиологические аспекты воспитания молодежи сквозь	
призму цифровой трансформации образовательного процесса.....	163
Научная конференция с прицелом на широкую аудиторию	167
Казачество на службе Отечеству	170